

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

9. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_azi@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.9.14

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Блаженный из нашего села.*
Рассказ.....2
Алвади ШАЙХИЕВ. *Рассказы о писателях.*.....22
Шамсуддин МАКАЛОВ. *Возвращение.* Рассказ.
(Из цикла «Записки врача»).....30
Султан ЮСУПОВ. *Щетуха луо соьга.* Дийцар.....40
Роза МЕЖИЕВА. *Витамины для совести.*
Рассказ-быль.....53

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Раиса ДИДИГОВА. Из цикла «Посвящения»... Стихи.....17

ПОЭЗИЯ

- Адиз КУСАЕВ. *Новая трасса.* Стихи.....26
Валид ДОКАЕВ. *Таинственный приют.* Поэма и стихи...35
Али АСХАБОВ. *Неотправленные письма.* Стихи.....56

ГОЧДАР

- Александр ПУШКИН. *Евгений Онегин.* Стихашкачь
роман 43

ДЕБЮТ

- Зарина БИЦАЛОВА. *Найдись, человек, ты мне нужен...*
Стихи.....59

ПУБЛИЦИСТИКА

- Муса АХМАДОВ. *Мой друг Ваха Хамхоев.*.....62

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Овхад ДЖАМБЕКОВ. *Чеченская литература в годы Великой
Отечественной войны (1941–1944 гг.)*.....67

ИСТОРИЯ

- Вахит АКАЕВ. *Берса-шейх – первый проповедник ислама
среди чеченцев.*.....74
Лиза АДМИСИЕВА. *О развитии торговли и торговых
отношений на прилинейных территориях.*.....80
Юсуп ЭЛЕМБАЕВ. *Участники восстания 1877 года
из Бачи-юрта.*.....85
Мансур ДЖУРГАЕВ. *Аристократы. Триумф и трагедия рода
Дубаевых.*.....89

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Тауз ИСС. *Земля и люди.*.....92

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Книга жизни Асет Халиковой.*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Саламбек АЛИЕВ. *Любовь к Родине в живописи
Алимпаши Джамалдинова.*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Муса Бексултанов**Блаженный из нашего села**

Рассказ

В детстве самым лучшим местом на земле мне казалось мое село, хотя оно ничем особенным от других сел не отличалось. Внешне села были одинаковые. Практически все дома были обнесены плетеными заборами, а вместо ворот обычно ставили калитку, также плетенную из сырых тонких деревянных прутьев. Двери дома всегда были открыты, не вешали на них ни замков, ни других изобретений, с помощью которых их можно было бы закрыть. На ночь калитку просто прикрывали, и только дверь в дом закрывали на засов. Приглушали свет керосиновой лампы и укладывались спать.

Привычными приметами любого сельского подворья были лошадь, корова и разная домашняя птица. В обычный летний день в любом сельском дворе можно было увидеть лошадь, привязанную к повозке. Она обычно издавала характерные звуки, когда кто-то выходил из дома, выпучивая при этом свои большие глаза. Место коровы в летнее время было под яблоней. Привычно пожевывая что-то, она лениво лежала на отведенном для нее месте. Индюки же взбирались на самую макушку высоких деревьев, тогда как гуси и утки предавались отдыху на лужайке здесь же, во дворе дома.

Мы, дети, любили дразнить гусей: гоняли их, пытались заставить взлететь. Они же, встревоженные и напуганные нашим криком, взмахивая своими широкими крыльями, разгонялись и взлетали, выкрикивая свое гусиное «га-га», «га-га». Взмыв высоко в небо, они оставляли далеко внизу дома, деревья. Глядя ввысь им в след, нам, детям, начинало казаться, что наши дома и деревья стали совсем низкими. Гуси, в отличие от птиц, как известно, не умеют приземляться. И поэтому бывало так, что они улетали очень далеко, на несколько верст от родного села, оставляя позади себя и его, и близлежащие соседние села, облетали поля соседнего колхоза. А мы в это время быстро разбегались, кто куда, боясь, что хозяйки, с чьих подворий были гуси, обнаружат «пропажу» и поднимут крик. Так обычно и происходило, но мы к этому моменту уже оказывались очень далеко.

Однако на этом не заканчивались наши детские шалости. Вечером, на зеленом лугу, далеко от села, мы садились верхом на ишаков, тоже с чужого подворья, и погоняли их. Это доставляло нам огромное удовольствие. Еще позже, устав от беготни, садились и начинали рассказывать друг другу страшные истории – настолько страшные, что сами потом боялись на улицу нос высунуть: везде мерещились алмазы и ешап.

И на следующий день все снова повторялось. Снова светило яркое солнце, улицы наполнялись шумом детских игр. И среди этого шума и крика незаметно и тихо проглядывалась ежедневная будничная жизнь селян. Кто-то ехал на лошади и тянул тяжелое бревно; второй шел к мельнице, погоняя впереди себя навьюченного ишака; с другого конца села доносился неистовый крик женщин, выяснявших, почему корова одной из них залезла в огород другой. На высоком плетне восседал здоровый петух, который так же, как эти нерадивые хозяйки, кричал во все горло свое петушиное «ку-ка-ре-ку!» И опять, из-за какого-нибудь угла улицы, гоняя колесо от старого велосипеда, показывался мальчишка, а за

ним неслась еще целая ватага детворы. В разноголосице сельской улицы слышно было робкое мычание маленького теленка, «тоскующего» по материнской заботе, окрик чьей-нибудь матери, зовущего своего ребенка домой...

Но, несмотря на то, что все села были похожи друг на друга, нам, детям, казалось, что наше лучше и краше... Жизнь казалась веселой и беззаботной.

Да, во времена нашего детства действительно было хорошо! Односельчане относились друг к другу с уважением и пониманием, не было снобизма и тщеславия, неприязни. Все было хорошо и просто. Без приглашения ходили в гости друг к другу, вместе праздновали праздники. Радовались и смеялись вместе, дома строили обычные, не стремились к тому, чтобы они были выше или больше, чем у соседей. Пересказывали диковинные рассказы Аки и Бончи, которых в народе почему-то называли дурачками.

И в нашем селе тоже жили такие люди. Их звали Дурда, Бонча и Аки. Для нас, детей, было непонятно, почему люди их называют так. Нам они нравились и казалось, что лучше них не было никого на свете. Нас завораживали их неправдоподобные рассказы о том, как каждый из них, время от времени, становился разведчиком, перевоплощался в полковника. Не в генерала, не в маршала, а именно в полковника.

Были в селе и свои балагуры, любители рассказывать о своих смелых и отчаянных поступках. В числе их «подвигов» было, к примеру, и то, что кто-то из них в свое время дал пощечину самому Сталину: дескать, за то, что он осмелился выслать наш народ в Казахстан и Среднюю Азию...

Но самым необыкновенным среди всех этих людей был все же Аки.

Аки считался несколько высокомерным и недоступным человеком. Он не был похож ни на кого. Всегда ходил в кепи набекрень. Носил узкие черные брюки, обтягивавшие его так сильно, что, казалось, они были резиновые. Манерно держал папиросу во рту, играл ею. Шея всегда была покрыта шифоновым платком. Эта манера одеваться очень сильно отличала Аки от остальных односельчан.

Из окна своей школы я часто наблюдал за ним: его постоянно окружали люди. Я подозревал, что вокруг него какая-то особая атмосфера: всегда смех, хохот, шум... Мне хотелось поскорее вырасти, стать взрослым. Я мечтал носить кепи набекрень так же, как носит ее Аки, ходить так же, как и он, в черных туфлях с острым носом и быть таким же недоступным и надменным...

Я учился, кажется, в классе седьмом или восьмом, когда впервые услышал одну из историй Аки. До этого времени я никогда раньше не видел его вблизи, тем более не общался. Детей к нему не подпускали. Да и сам Аки не очень любил впускать в свой круг детей, пренебрегал ими. Предпочтение отдавалось людям более зрелого возраста, хотя и здесь он проявлял некоторые свои капризы: избегал общения со своими сверстниками, любил окружать себя людьми лет на десять-пятнадцать моложе.

Никто на самом деле не знал, сколько лет было самому Аки. Говорили, что он родился еще до выселения в Казахстан. Во всяком случае, по внешнему его виду нельзя было сказать, что он был человеком пожилого возраста. Время над ним было не властно. Он практически не менялся. Голова все еще не была отмечена сединой, он был подтянут, походка его была юношески резвой...

Так вот, возвращаясь к тому дню, когда я впервые вошел в «круг» Аки, надо сказать, что это был обычный, ничем не примечательный день. Выполняя поручение матери, я отправился за сахаром в магазин, расположенный в центре села. И Аки в этот момент оказался здесь, рядом, в компании с моим же двоюродным братом.

Было послеобеденное время, день тянулся к вечеру. Держась друг за друга, как будто таясь чего-то, мой двоюродный брат и Аки вышли из магазина. Мне было понятно их настороженное поведение – они взяли водку и хотели остаться незамеченными посторонним взглядам. Шли, осторожно ступая,

вдоль заборов, избегая идти по широкой центральной улице. Перешли через висячий мост и спустились к обрыву, прозванный в народе чертовым. Такому прозвищу это место было обязано отдельным молодым людям из села, которые любили распивать здесь спиртные напитки и играть в карты. Я же тем временем незаметно увязался за ними: скрывался, отходил назад, когда чувствовал, что меня могут заметить. И так потихоньку пробрался к ним поближе.

Вдруг я увидел дикую грушу, с широко раскинутыми большими длинными ветвями. Под ней сидели пять-шесть человек. Кто-то сидел на сложенных в два-три ряда кирпичках, кто-то удобно уселся на старом пне. Молодые люди, собравшись в круг, бойко играли в карты. Но тут, завидев своего старшего товарища, они все как один привстали.

– Проходи сюда, Аки, твое место здесь!

– Где пропадал?

– Здравствуй, приходи с миром, Аки! Тебя давно не было видно, – с такими словами Аки был сопровожден на почетное место: его посадили на кирпичный настил, сверху накрытый обложкой от старой книги и газетами. Место оказалось еще и удобнее, чем у всех остальных: сидя на нем, можно было спокойно прислониться к стволу старого грушевого дерева. В ответ на расспросы своих молодых товарищей Аки небрежно махнул рукой и, брезгливо исказив рот, покачал несколько раз головой, как будто хотел сказать: «Где, где? Где меня только нет!..»

Прислонившись к груше, сняв с головы кепку (он уложил ее рядом с собой), поправив штанины, стянувшиеся в коленях, Аки сел на свое почетное место.

С вытянутой, насколько это было возможно, шеей, я пытался разглядеть собравшуюся под грушей кампанию. И тут Аки неожиданно увидел меня.

– А ну, стой, паршивец! – издал кто-то из компании истошный крик. Я быстро скатился со своего места и пополз, что есть силы, на четвереньках наверх. Но меня схватили за ногу и потащили назад, в обрыв.

И тут я встретился с моим двоюродным братом Дени.

– Как ты здесь оказался, сопляк! – крикнул он на меня со своего места. Вцепившись в ворот моей рубашки, не давая возможности подняться, меня буквально волокли по земле, как нашкодившего кота.

– Дени, ты откуда его... кто он тебе? – спросил тот, который схватил меня.

– Он сын брата моего отца, двоюродный брат, – только и успел произнести Дени, как Аки прервал его.

– Брат, что ли? – спросил он, протягивая ко мне свою правую руку. Так Аки позвал меня к себе.

– Да, двоюродный брат, – ответил ему Дени, небрежно толкая меня в сторону Аки. – Иди уж теперь, садись около Аки, – добавил Дени, без особого желания усаживая меня рядом с моим кумиром.

Все это мне казалось и правдой, и неправдой, как будто происходила какая-то игра, как в известном кино: есть авторитет и воровской круг.

Я сел рядом с Аки, на расположенный тут же, никем не занятый, пенек.

– Сколько тебе лет? – спросил Аки, правой рукой обнимая меня за плечи, а левой, играючи, касаясь моего подбородка. И чуть позже добавил: – Видно по глазам, что волчонок

– Пятнадцать, – сказал я в ответ, сделав себя на год старше.

– Какой отчаянный возраст! – отреагировал Аки. – Мне было столько же, когда в Казахстане я впервые взял кассу... Голодное было время, сорок седьмой год... Пятнадцать мне было... нет, вру – шестнадцать...

– А ты об этом не рассказывал нам, Аки! Забыл что ли?! Нехорошо, – с нарочитой досадой произнес кто-то из круга, подсаживаясь поближе к нему.

– Да сколько ж их было, всего не припомнишь! – сказал Аки, манерно подняв руку, как будто просил внимания к себе... – Это была заводская касса... Там матери недодали зарплату, поэтому я... Четверо нас было: я, казах, немец и

русский. Русский нас и сдал. Потом он, конечно, поплатился за это. Я ксиву отправил по тюремной почте. Бедолагу опустили ниже плинтуса.

– Сколько лет тебе дали за это, Аки? Когда ты вышел из заключения? – спрашивали его с неподдельным интересом собравшиеся.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся он. – Надо же! «Сколько лет!» Да сбежал я через пару месяцев, – произнес он чуть позже, опуская глаза, доставая из белого блестящего портсигара папиросу.

Он закурил, и после разговор о тюремных приключениях продолжился.

– Подкоп мы сделали, – продолжал Аки, восстанавливая оборванную нить разговора. – Мои товарищи – один из них оказался козлом трусливым, не пошел с нами – остался в заключении. А я с двумя оставшимися друзьями ушел... Пять лет нас искали... Нашли. Закрыли дело. Вот тогда и поменяли мне имя, то есть дали кличку – Саша Казахстанский. Я ж по паспорту Александр.

– Это ты уже в Сибири, да? – услышал откуда-то из круга Аки.

– Да не-е, что ты! Это уже другое... когда я золото взял в магазине. А это так, мелочь, касса заводская... Мы-то деньги до ходки спрятали. А потом сделали новый подкоп, ушли с тремя рюкзаками (у каждого за спиной по одному), переполненными доверху двадцатипятирублевыми купюрами. Уходили тяжело... ночью. Слышали, как вслед за нами пустили собак, «вертушки» летали. Гонялись за нами на вездеходах, которые вкривь и вкось просвечивали дорогу прожекторами... А кругом только один лес, тайга да снег, в который мы проваливались аж по пояс... Идти было очень тяжело, но мы все равно шли. Менялись через каждые десять метров, по очереди один из нас шел впереди. И на семнадцатый день, нет, на семнадцатую ночь, где-то далеко увидели мы слабый огонек... Думали, мираж. Проваливаешься в снег, падаешь от усталости. Не знаешь, где смерть подседа, подстерегла. Ползком-ползком подобралась ближе к свету. А там – избушка на курьих ножках, а в ней – старушка. Она лежит на топчане, издавая глухие стоны. Тело ее почти бездыханно.

– Мать, что с тобой? – кинулся я к ней. – Обидел кто? Скажи, я его зарублю!

– Умираю, сынок, священника бы мне, – отвечает мне старуха. – Замерзла я, огня нет.

– Тут не только священника, мать, и дохлую крысу не сыщешь, – успеваю проговорить я, когда начинаю осознавать, какой колотун стоит в доме. Снимаю с себя дубленое пальто, шапку, свитер, валенки. Накрываю всем этим старуху и оглядываюсь в надежде найти хоть какие-нибудь дрова. Но все безуспешно!

– Дрова! – кричу я. – Дрова!..

Дрова сырые, печь не топится. Что делать? И тут мне пришла в голову шальная мысль.

– Рюкзак мне сюда!

При этих словах я заметил, что мои товарищи вздрогнули.

– Что ты надумал?! Опомнись, мы же чуть жизни не положили! – произнесли они в один голос.

Меня взяло зло. Я был в тельняшке. Так вот, быстрым нервным движением рук я разорвал ее на себе в клочья.

– Жить не ради госзнаков, фраера, а ради матери, вскормившей нас своим молоком! – прокричал я в яростном гневе...

Подчинились они. И тогда мы отправили в печь все три рюкзака денег. Но тут бабка взмолилась!

– Ради Христа, сынок, не надо! – вцепилась она в меня.

– Не трогай Христа, мать, он в теплом месте. Бог взял бумажки, бог и даст, не расстраивайся так сильно. Где наша не пропадала! – утешал я старушку.

Пробыли у старухи три дня. А вот на четвертый день, знаете, вот чувствую, что что-то не так, да и ветерок подул вдруг теплый. В суровый зимний-то день! Сердце вздрогнуло. Не к добру, думаю, все это! Стало вдруг тревожно, будто что-то должно произойти. Да и бабка запричитала:

– Плохой сон я видела, ребятки, плохой!

И точно! Эти чукчи, эти партизаны! Скольких беглецов они продали! И тут они же на собачьих упряжках с солдатами несутся по нашему следу. Еле-еле мы ноги унесли. Мать учуяла! Материнское сердце! Клянусь вам!.. И давай опять этот марафон: впереди мы, сзади солдаты на собачьих упряжках... День переходил в ночь, ночь – в день, все слилось, а мы шли. И казалось, что силы были на исходе, когда я вдруг увидел ворону, черную ворону. Она прокаркала два раза, взглянула прямо на меня, а после поднялась и взлетела...

– Это весточка! – крикнул я. – Клянусь, это весточка свыше! Мы спасены! – кричал я! Семь дней и ночей, ровно семь суток – люблю я это число с тех пор! – наравне с нами летела ворона. Она садилась с нами, когда мы устраивали привал, она взлетала, когда мы трогались в путь. И так, сопровождаемые вороной, мы шли. Но на седьмой день, в послеобеденное время, перед нами неожиданно открылся простор. Понимаете, огромный простор. Лес закончился, наконец, и открылся простор. И тут я впервые ступил на магаданскую землю!..

Аки вдруг замолчал. Он ушел в свои мысли. Но чуть позже, подняв указательный палец правой руки вверх, он подал знак: он желал продолжить разговор.

– Передай ему! – сказал кто-то из круга... Это была водка. Ее налили в складывающийся стакан из алюминия. Аки отпил лишь глоток, при этом странно запрокинул голову назад.

– Сейчас начнется кино, мы опаздываем, – поднимаясь, произнесли хором собравшиеся.

– А ты иди, пацан, погрейся возле матери. Не твое это время, ночное. Успеешь еще хлебнуть мужскую свободу! – отпустил в мой адрес реплику Аки и похлопал меня по плечу.

Я был счастлив! Я видел Аки, внимал его речам. Ночью не мог заснуть, а когда сон все-таки меня одолел, мой возбужденный мозг воспроизводил все, что я слышал от моего кумира: приснился лес, снег, собаки и я, заблудившийся в лесах, ворона, указывавшая мне дорогу, время от времени покрикивая свое воронье «кар-р-р».

Когда утром меня будила мать, чтобы отправить в школу, я еще был в своих снах: надо мной летали самолеты, я убежал от них с мешком денег на спине...

Я быстро собрался и убежал в школу, не обращая внимания на мать, пытавшуюся удержать меня, чтобы покормить. Мне было не до завтрака, нужно было сообщить своим школьным друзьям о том событии, которое произошло со мной накануне...

В школе меня окружили, тянули в разные стороны, просили рассказать истории Аки. Я пытался подражать Аки, пересказывая школьным товарищам его истории: так же, как и он, я вставлял в свой рассказ русские слова: банк, Магадан, старушка. Упоминал о вороне, которая сопровождала грабителей в тяжелый час и указывала дорогу.

Со звонком мы быстро оказались в классе, сели ближе к окнам в надежде первым увидеть Аки, если тот вдруг появится.

Однако он не появился, не было его товарищей, которые обычно бывали с ним. Но я-то уже знал, что они собираются попозже, ближе к вечеру, за два-три часа до начала очередного фильма, который традиционно показывали по вечерам.

По возвращению из школы домой я только и делал, что искал возможность улизнуть. Повертелся какое-то время во дворе, дождался приближения вечера и убежал, пока мать не хватилась меня. Я бежал что есть мочи и в одно мгновение оказался в центре села, откуда меня потом унесло туда, где обычно собиралась компания Аки. И, действительно, они все были на прежнем месте. Аки меня позвал.

– Волчонок, поди сюда, – сказал он... И все мы отправились туда, где сидели вчера: под грушевое дерево...

Аки никогда не был женат. И в этот день предметом разговора стала именно эта тема. Всех беспокоило то, что за старой матерью Аки некому присмотреть, что было бы неплохо, если бы в его доме оказалась молодая хозяйка.

– Ты один, нельзя так, тебе нужно жениться, да и в доме нужна женская рука, – говорили ему все.

– Не могу, мужики, не могу предать ее память! Клянусь вам, я больше такую никогда не встречу, – отвечал Аки с неистовым отчаянием. С какой-то безысходностью покачал головой и тут же продолжил: – Бог дважды не дает счастье.

– Да кто она, та, которая так исковеркала твою жизнь? Нельзя нам рассказать о ней? – настаивали собравшиеся.

– Наверно, какая-нибудь Шахерезада! – подзадоривали они Аки, подбираясь к нему поближе, чтобы услышать очередную его историю.

– Я встретил ее в далекой Сибири, в деревушке одной... Ребенок в косичках... Кто же думал, что она заполнит всю мою бродяжью душу до краев?! – сказал Аки с печальной грустью.

– Да мы завтра же отправимся в эту Сибирь...

– Нет ее... умерла она, на моих руках скончалась, – с горечью прервал их Аки. Он глубоко вздохнул, протягивая руку за сигаретой.

– Надо ее помянуть, – сказал кто-то из круга.

– Нет, не надо! Не смейте мешать ее память с водкой, память ангела! – при этих словах Аки замолчал. Он задумчиво прислонился к груше, потихоньку закуривая сигарету. И позже продолжил свой грустный рассказ:

– Когда я вышел с очередной ходки (я взял в этот раз магаданское золото), меня позвали на разборки. Был очередной сходняк воров. Собрались мы в этой глуши, чтобы не нарваться на представителей продажной власти. Там, на ее беду, я и встретил ее.

– Почему на беду, это хорошо, когда тебя так любят! Это же как талисман, не так ли? – спрашивали его заинтригованные товарищи.

– Я приношу людям горе, одни беды от меня, особенно любящим меня женщинам. Так вот: трое суток мы разбирались с братками! Распределили всем по одной области – себе я взял Магадан – и стали расходиться. Вдруг вижу, какой-то ребенок идет мне навстречу. Девчушка маленькая, вот такая, – рассказывал он увлеченно, рукой показывая ее маленький рост. – Глаза синие, огромные-огромные, в половину ее лица: «Угощайтесь, ягоды!» – говорит она, протягивая мне чашку. Хотел отвернуться, чтобы она не смогла заглянуть мне в глаза, зная, что из этого выйдет. Но, на свое несчастье, бедная девушка успела поймать мой блуждающий взгляд. И тут же упала замертво. Не помогли больница, врач, знахарь.

– Что с ней? – спрашиваю я доктора.

– Вы ей нужны, – говорит он, – ваша ласка. Обнимите ее нежно!

И точно, как в воду глядел! Успел я только щеки ее коснуться, как она пришла в себя. Издавая вздох возвращающегося к жизни человека, она, наконец, открыла свои огромные глаза. Тут мать ее, клянусь вам, взмолилась. Стала исходить слезами.

– Мать, – говорю я ей, – бродяга я шухерной. И нет места на земле, где я мог бы успокоить свою неумную душу. Одно зло от меня! Прошу Вас, мать! Я очень прошу Вас! Берегите свою дочь, спрячьте ее, закройте, чтобы она никогда больше меня не видела, – и я сбежал.

– Ну ты же говорил, что она умерла, – спросил кто-то из слушателей.

– Да! Спустя неделю, ровно через неделю, я получаю телеграмму от ее матери, в которой она извещает меня о том, что ее дочь умирает. И я, что есть мочи, клянусь вам, самолетом, вертолетом, машиной добрался до нее ровно

через два часа. Увидев меня, ее несчастная мать кинулась ко мне с очередной мольбой:

– Спасите ее, она умирает!..

Моя возлюбленная лежала в маленькой комнате, скромно обставленной двумя кроватями и стоявшим посередине столом. Комната как комната, если бы не одна странность: на стене висела фотография с моим изображением.

– Что с тобой, родная? – говорю я и бросаюсь обнимать ее.

– Умираю от любви, – только и успевает она произнести.

Так и умерла она в моих объятиях. Я заплакал, заплакал впервые в жизни! Клянусь вам! Что бы со мной ни происходило – а всего-то много было, – я не плакал. А тут, как баба, верите, слезы ручьем текли. Было ощущение, что на меня обрушилось небо. Похоронил я ее! – продолжал рассказывать Аки, заглядывая нам в глаза. – Мир не знал таких похорон и не узнает никогда больше. Вся братва съехалась: из Италии, Америки, от Магадана до Сибири, от Москвы до Питера, от Казахстана до Грузии. Столы ломились, шампанское лилось рекой. Телеграммы со всех концов света: Аль Пачино, Гойко Митич, Жан Марэ, Шон Коннори, Чак Норрис, Ален Делон, Володя Высоцкий, Бриджит Бардо, Софи Лорен и даже Леди Ди успела.

Я воздвиг над ее могилой мраморный камень – надгробный камень, привезенный из Египта. «Умерла от любви», – гласила надпись на камне. Похороны шли девять суток, а на десятые я уехал. Но перед тем, как уехать, я открыл счет в банке на имя старушки, чтобы она могла ухаживать за могилой девушки, украшая ее свежими розами. Общак обязался перечислять деньги, пока старушка будет жива.

– Неужели она была такой красавицей, что оставила такой глубокий след в твоей жизни? – вдруг раздался очередной вопрос.

Реакция на него у Аки была мгновенной. Он яростно схватил себя за ворот рубашки и разодрал его так, что отлетели пуговицы: его правое плечо украшали татуированный портрет женщины и пронзенное стрелой сердце.

Закончив свой рассказ, Аки как будто ушел в свои мысли. Он казался очень печальным, глядел куда-то далеко.

– Она была из тех женщин, ради которых одним щелчком пальцев расстаются с Родиной и семьей, – произнес он, наконец.

Я искренне верил во все, что рассказывал Аки. Нисколько не сомневался в правдивости всех тех событий, которые происходили с ним. Вместе со мной верили и все мои старшие товарищи.

Позже, когда стал старше годами, я понял, что они делали вид, что верят ему. Они специально звали его с собой. По-доброму провоцировали его к очередным рассказам. А после, почти ежедневно, покупали ему какие-нибудь продукты и с этим отправляли домой к матери. Говорили, что она искренне считала, что Аки содержит ее, что люди вознаграждают его за благодеяния.

Такое отношение к Аки стало законом. Мы унаследовали его от старших. Мы, повзрослев, так же, как когда-то и они, слушали истории Аки, так же заботились о нем и его матери, не позволяли другим обижать их.

Аки был уже в возрасте. Он был старше даже моего отца и его братьев. Вероятнее всего, он родился еще задолго до выселения. Многие росли на его рассказах и удивительных историях. Теперь настала очередь моего поколения. Хотелось надеяться, что те, которые придут нам на смену, будут людьми и будут относиться к нему по-человечески. Прежде всего, нужно было верить в историю Аки. Иначе он обижался и мог надолго замолчать. Особенно его раздражало, когда кто-то смеялся над ним.

– Все! Никогда больше не буду рассказывать! Отморозки, пацанва! Что вы видели? Сопли да куриный помет! – раздраженно вскакивал он. – Дорогу мне, отойдите! – говорил он, расталкивая тех, кто пытался его удержать. Потом пропадал и даже вечером нигде не показывался. На следующий день

объявлялся обязательно. Держался в стороне, делал вид, что нас не видит. А мы в таких случаях подходили, здоровались, а чтобы совсем его расположить к себе, иные из нас делали вид, что обижены на него за пренебрежение, которое он якобы проявил к нам.

– Ладно, ладно... не заметил я, – говорил он, оттаивая совсем. Затем ненавязчиво просил закурить, прикладывая два пальца к губам, что означало: «Есть сигарета?» Если вдруг оказывалось, что сигареты закончились, или случалось, что среди нас нет курящих, все тут же начинали суетливо назначать кого-то, кто сбегает и купит их в магазине. При этом, пытаясь уж вовсе угодить Аки, уточняли у него, какие он курит. На это он немедленно реагировал: «Любые, лишь бы дымок шел... Папиросы».

Когда я с ним познакомился, Аки, наверно, было лет за сорок, хотя выглядел он гораздо моложе. Он был светловолосый, а покатые плечи особенно ярко выделяли его толстую шею. Ходил он и зимой, и летом в короткой куртке, воротник которой он держал всегда приподнятым. На нем всегда можно было увидеть черные остроносые туфли, которые он начищал тряпкой. Она, предназначенная специально для этого, хранилась в кармане куртки. Отличительной чертой его внешнего вида была сигарета, которую он постоянно держал во рту. У него была манера играть ею, «гоняя» с одной стороны губ на другую.

Изредка, бывало, что он ездил в район, где у него иногда случались и проблемы. Его могла задержать милиция, полагая по внешнему виду и манере говорить на жаргоне, что он один из тех, кто нарушает общественный порядок и покой. Узнав, кто он, тут же отпускали или задерживали для того, чтобы послушать о его похождениях и приключениях, чтобы скоротать свободное время, которое тоже иногда случалось у каких-нибудь старшин или сержантов.

И следующая история связана с одной из таких поездок Аки в район.

Однажды мы привычно коротали время в ожидании начала очередного вечернего сеанса. Киномеханик отправился за фильмом в район, и пока мы ждали его, надеялись, что вот-вот появится и Аки. А в этот самый момент недалеко от нас остановилось желтое такси. Мы заметили, что в такси сидят два человека. Судя по тому, как они бурно и шумно говорили, было понятно, что они чем-то очень раздражены. Вдруг видим, что из такси, со всей силой хлопнув дверью, выходит Аки. Таксист тоже явно горячился. Нервным движением рук заводя машину, водитель такси разогнался с такой скоростью, что из-под колес в разные стороны полетели мелкие камни. Он громко ругался. Такая реакция водителя, вероятнее всего, была вызвана поведением Аки, который, по всей видимости, не расплатился с ним. Однако, увидев нас, Аки, будто в отчаянии, закричал:

– Чемодан!.. Деньги!

Понимая, что за ним наблюдают, он пытался представить происходящее таким образом, будто его ограбили. Отряхивая себя, продолжал кричать:

– Ай, да пропади оно все пропадом! Сколько же их пропало?..

Не успел Аки подойти к нам, как таксист вернулся назад, на то же место, где он его высадил.

– Возьми свое барахло, пустозвон! – кричал водитель такси, выбрасывая из машины синюю авоську, в которой лежали старые запыленные сандалии. Было очевидно, что эта поклажа принадлежала нашему старшему товарищу.

– Что это? – произнес Аки, делая удивленный вид. Небрежно и брезгливо взяв авоську, держа ее двумя пальцами правой руки, стал разглядывать ее содержимое, будто видел это в первый раз. Постояв так какое-то время, он снова посмотрел в нашу сторону. Продолжая все еще рассчитанную на нас игру, резким движением руки выкинул эту позорную для него поклажу и произнес:

– Знаете! Клянусь, чистая подделка!

Вот в таких вещах и проявлялась артистическая натура Аки. Любую ситуацию он превращал в представление, играл, импровизировал.

В другой раз случилось так, что я пас овец (подошла очередь нашей семьи пасти). Честно признаться, делал я это без особой охоты. Но в этот день, к радости своей, я встретил Аки, который шел откуда-то сверху с охотничьим ружьем через плечо. Зная его страсть к придумыванию невероятных историй, я намеренно поинтересовался охотничьей добычей Аки, ну и думал, конечно же, таким образом скоротать время.

– Ты с охоты, Аки? Удалось что-нибудь подстрелить? – спросил я своего старшего товарища.

– Целый день потратил впустую, дичи никакой! Клянусь! – услышал я в ответ.

– Устав бродить уже без всякой пользы, стал спускаться вниз, как вдруг вижу лежащую в обрыве свиноматку. Она валялась в грязи, разбросив в разные стороны свои большие уши. Конечно, я обрадовался своей удаче и давай наводить на нее свое оружие, – стал рассказывать Аки. – Но тут произошло невероятное! Свинья вдруг приседает на задние ноги, поднимает вверх передние. Сидя в грязи вот в такой позе, она стала молить меня: «Я заклинаю тебя матерью, не стреляй в меня! У меня маленькие детки, которых я кормлю своим молоком...» – произнесла она и стала заливаясь горькими слезами. И я отпустил ее: «Иди, иди! Сегодня твой день! Ты мать, а кто не уважает мать, тот – свинья!..» Она даже обиделась за «свинью». И, как бы ей в утешение, я продолжал говорить, что свинья тоже мать, а мать – священна!.. Клянусь, это животное меня удивило!.. Свиноматка говорила со мной на чистом чеченском языке! Пусть разразит меня гром, если я говорю неправду, – убеждал меня Аки.

Его рассказ становился все увлекательнее. Продолжая говорить, он входил в кураж:

– «Чеченский язык?! Откуда..? Как, где это ты?» – спрашиваю я у нее, пораженный. И знаешь, что она мне ответила?... Не могу!.. Пряж мороз по коже! – продолжал говорить Аки. – «Мы же вашей, человеческой, породы, – говорит свиноматка. – От самой паршивой вашей породы! И знаем все языки мира. Свиньи в Чечне говорят на чеченском языке, а русские – на русском!» – «Да хватит тебе дурковать!» — только и успел произнести я, когда она заговорила на грузинском, аварском, а потом и на осетинском языках. А позже добавила, что они, свиньи, через леса ходят к соседям. И тут я решил: баста, все! В парнокопытных животных больше никогда не стрелять!.. – Аки выкинул все до последнего свои патроны...

Аки не приходилось долго уговаривать, чтобы он что-то рассказал. Он из любой детали мог «состряпать» историю или приключение. Стоило только назвать что-то или сказать, к примеру, что кто-то дерется лучше кого-то, или кто-то сильнее другого.

Как-то стояли мы своей компанией около клуба. И в этот момент мимо прошел наш односельчанин, которого звали Тама. Человек он был не совсем типичный для нашего села: очень крупного телосложения, ростом в два метра, он был угрюмый, сторонился людей, сидел в тюрьме. Людская молва говорила, что характера он жесткого и даже агрессивного. Так вот, он прошел мимо нас, но кто-то из нашей компании, глядя ему вслед, сказал:

– Вот это мужик! Представляю, какой у него сильный удар!

– Да, не так он прост, как кажется, – подал реплику Аки, подхватывая разговор. – Ты подойди к нему в любое время. (Аки сделал характерные для спортсменов движение рук, поднимая их то вверх, то вниз). Кроме простых, он знает тысячу смертельных ударов! – продолжал Аки, восхищаясь спортивными данными односельчанина. Мы, подыгрывая ему, делали нарочито восхищенный вид, задавая все новые вопросы типа:

– Да что ты! Да, действительно, серьезный мужик! У кого же он, интересно, учился?

– Мой ученик! – незамедлительно следовал ответ Аки! – Я годы на него потратил, чтобы передать ему свое мастерство...

– Нужно устроить с ним хотя бы один спарринг, показатель! А то люди подумают, что он лучший, самый сильный, – произнесли мы хором всей компанией, подзадоривая своего старшего товарища, готового разразиться очередной увлекательной историей.

– Не окреп он еще! Да и мой коронный тройной удар не дается ему пока – «Коготь леопарда», – начал свой новый рассказ Аки.

Мы уже слышали историю «Коготь леопарда», о том, как он участвовал в закрытом бою с Брюсом Ли в Гонконге, что Брюс Ли умер не своей смертью, как думают люди, а это его, Аки, грех, что это «незаживающая рана всей его жизни», что это он причина его гибели. Из его истории следовало, что он победил всех известных спортсменов во всем мире. Гойко Митич, Чак Норис также стали жертвами его мастерства и бойцовской удали. Чак Норис в бою с ним даже сломал себе обе ноги. Почти трагически выглядела спортивная судьба Мухаммеда Али, который плакал безудержно, когда только увидел Аки. По словам Аки выходило, что великий спортсмен Мухаммед Али буквально припал к его ногам со словами: «Дай мне уйти королем ринга, не осрами, прошу тебя... Я знаю, что ты непобедим!...» С не меньшим упоением Аки говорил и о своем благородстве, которое он проявил в отношении спортсмена: «Из-за того, что ты носишь имя моего пророка, – было сказано им в адрес Мухаммеда Али, – я дарю тебе жизнь. Но если я когда-нибудь, где-нибудь услышу еще раз, что ты вышел на ринг, готовясь к последнему дню своей жизни...» И стало понятно, почему мир больше не увидел одного из своих величайших спортсменов. По словам Аки, Мухаммед Али, как человек слова, повесил свои перчатки на гвоздь, и мир больше, действительно, не видел его на ринге...

Закончив историю о своей победе над Мухаммедом Али, Аки, заглянув нам в глаза, тихо качнул головой и тут же продолжил:

– А этого... Гойко Митича... не хотел я его трогать! Нравился он мне! Индейцам помогал, да и вообще. Но вот, однажды утром просыпаюсь от какого-то шума: вижу, что в огороде у матери спуют какие-то люди! Я тут же кидаюсь к ним, не понимая, что происходит и что это за бардак. И вдруг неожиданно появляется сам Гойко Митич: «Простите нас, Аки, мы тут кино снимаем», – обращается он ко мне и идет навстречу с поднятыми вверх руками. Выказав учтивость, Аки, на правах хозяина, оставил своего непрошенного гостя еще на один день. Но за причиненный ущерб огороду матери Аки потребовал бой...

Увлекательный рассказ Аки уносил наше воображение все дальше от родной земли. Так мы, следуя за Аки, перенеслись в Америку: ведь именно там и состоялся бой между Аки и Гойко Митичем.

– В Америку съехались все индейцы с пяти континентов, – продолжал рассказывать Аки. – Три дня и три ночи дрались. Была жара, и пот ручьем... Вокруг индейцы с косичками. Они танцевали под бубен, а их шаманы молили о помощи своих богов. На четвертый день, на закате дня, вдруг солнце ослепило мне глаза. И этот паршивец (а уговор-то был на честный бой, без коварства) песок в лицо бросил, одновременно нанес три страшных удара! Я крутился в воздухе, не мог коснуться земли – ничего не видел, а он может убить! Крутился я, крутился, но тут на тысячной доле секунды замешкался он, и я успел нанести два удара: кулаком в дых и ладонью в лоб. Он упал на обе коленки, изо рта хлынула кровь, и он, обмякший, как мешок, испустил дух. Клянусь вам! Но надо отдать должное ему: он не упал на землю, так и умер, стоя на коленях... Я зауважал его, несмотря на коварство, проявленное ко мне...

Рассказ Аки о «приключениях» на земле индейцев набирал все новые

обороты. Победив самого Гойко Митича – любимца индейцев, – Аки стал их новым кумиром. Он продолжил:

– Вождь, наш судья, встал – столетний старец, без обоих глаз, он видел внутренним взором, – весь в шрамах и рубцах, держа в руках корону победителя и обратив свой взор ко мне, произнес громогласно: «О небо, услышь меня, родился твой воин, «Воин неба!» И подошел ко мне – индейцы пали ниц, касаясь лбами земли, — водрузил корону на мою голову, корону «Воина неба», которого они ждали со времен этого негодяя Колумба... Уехал я от них тайно, – говорил Аки, подводя нас к финальной части своей истории... – Не мог я остаться – мать была одна, не знал, что с ней будет. В общем, мать – она есть мать... С тех пор себя казню, клянусь вам, знаете, не могу себе простить эти слезы, прозрачные и горькие слезы моих братьев-индейцев. Они просили, умоляли остаться и быть их вождем, не бросать их. Жаловались, что колонизаторы отняли все права на собственной земле, загнав их в резервации... У меня сердце разрывалось...

При этих словах Аки трагически сложил руки и поднял их вверх. Казалось, что он собрался произнести молитву:

– Бог видит мою душу и ее смятение. Он все видит и простит! – это была финальная фраза из его очередной истории.

Судьба самой короны, добытой такими тяжелыми усилиями, выглядела весьма комичной: она пропала! Как выяснилось, мать Аки «набила» перьями из нее новую подушку взамен прохудившейся подушки из бараньей шерсти: «Пусть умрет твоя мать, – сказала она сыну, когда тот как-то поинтересовался тем, куда она дела ту «штуку» из куриных перьев, – я подушку тебе сделала новую, наполнив ее этими перьями из той самой твоей вещи...» В этой части своего рассказа Аки всегда изображал гнев, который он якобы испытывал в отношении матери за ее поступок, что он чуть не умер от злости из-за того, что мать таким образом отдала и его меч – «Священный меч поднебесного» – школьникам, занимавшимся сбором металлолома. А меч этот, судя по словам Аки, достался ему очень нелегко. Он наступал на горло смерти в Японии, Сеуле, Пекине, Гонконге. Калечил людей, себя, чтобы добыть его...

– А это не тот самый меч, которым тебя наградили за то, что ты побил самого Брюса Ли, и тебе дали титул «Воин Поднебесный»? – пытались мы будоражить его воображение своим вопросом.

– Я вам разве не рассказывал?! – переспрашивал нас Аки, будто раздосадованный тем, что он еще не успел рассказать своим товарищам об этом своем «приключении».

– Да так, по телевизору вроде слышали, но ты нам не рассказывал ничего об этом, – изображали и мы свою обиду на Аки...

Мы много раз слышали от него эту историю, но нам хотелось услышать ее еще раз. С каждым разом она обретала новые краски, а иногда звучала вообще в новой версии. Бывало и так, что от прежнего рассказа ничего не оставалось, может быть, только какие-нибудь слова типа «меч» и «поднебесный», то есть события приобретали совсем новое направление... Словом, какой-нибудь новый вариант услышанной нами много раз истории мало чем напоминал ее первоначальный...

– Они слышали про меня, – начал Аки, – не знаю, правда, как, но язык же – без костей. В Гонконг меня забрали прямо из Грозного. Я никогда, клянусь, не видел такого столпотворения: прямо в аэропорту народу набилось, е-мое! Одни китайцы, япошки... Короче, съехались все эти рисоеды, чтобы поглядеть на меня! Пришлось забирать меня из аэропорта на вертушке, поскольку на машине, при таком столпотворении, ничего не получилось бы. Люди кричали, плакали, Гонконг ревел, как Ниагарский водопад, клянусь мамой...

Меня высадили на крыше одного из высотных домов. Спустились на лифте на двадцать пять этажей вниз, прямо в зал... И опять – народ, много народа,

битком забитый зал и пустой ринг, как чья-то смерть... Мороз по коже!... Меня обдало холодным потом! Позже, переодев, мне дали в руки меч – черный, как язык мамбы, и с двойным лезвием.

- Кто вы? – спрашивают меня.
- Сашка Казахстанский, – отвечаю я.
- Имя воина, – говорят мне.

Задумался я. Не знаю, что делать: бык не подходит, тигров много, соколы были да и прочие пернатые... Но меня вдруг осенило: бабочка подходит!... Изящная и легкая, незримая, как тень!

- Бабочка! – объявил я, сделал один-два пируэта в воздухе.
- Чо?! – кричат все.

Я стою на пустом ринге один... сумеречный зал и светящиеся шарики узкооких рисоедов. Думаю о своем сопернике, не догадываясь о том, кто он. Пока я расхаживал по пустому рингу, погруженный в свои мысли, смотрю – ведут кого-то! Всматриваюсь пристально. Вижу – в сопровождении свиты идет кто-то очень похожий скорее на немощного ребенка, нежели на спортсмена. А это, оказывается, Брюс Ли идет, делая какие-то характерные телодвижения, хотя тела-то как такового у него и нет. Он же как ребенок... В общем, поднимают его на ринг.

– Уберите эту стрекозу! – не выдерживаю я. – Дайте настоящего воина, не позорьте меня и мой народ!

Не успел я дальше рот открыть и произнести «стрекоза», как с визгом «И-и-й-а-а!» на меня кинулся мой соперник. Он делал невероятно быстрые телодвижения, разбрасывая в разные стороны ноги, руки. Не могу поймать его! Он, как ветер, неуловим! Только свист в воздухе и слышу! Ну-у, думаю, это уже никуда не годится, клянусь вам! Надо что-то предпринимать! Тут я лег на спину и начал крутиться вокруг своей оси, как юла. Мы не видели уже друг друга, настолько скорости движений были бешеные! Шелест да порывы ветра, будто корабельную мачту рвут. Вещи на нас были разорваны в клочья, лоскутки висели, будто одежды наши были разрезаны ножом. Тогда я понял, что надо наносить удары в эту пустоту изо всей силы. Было темно, ничего не было видно, но я стал наносить свои смертельные удары прямо в воздух. Носился по рингу, оказываясь то в одной стороне, то в другой, подпрыгивая аж до потолка, и спускался вниз, будто я был стрелой. Не знаю, сколько времени это длилось, но я был наэлектризован от этой скорости настолько, что, казалось, в моем теле было миллион вольт. От каждого моего удара отлетали искры. И ставки росли: на эту «стрекозу» ставились миллионы, а на меня ни одной копейки.

И тут я, клянусь, разозлился не на шутку и добавил тысячную скорость ударов на долю секунды, нанося свою «коронку» – «коготь леопарда»: в дых, в лоб и ударом согнутых пальцев в сердце.

И точно — цап, в моем кулаке трепещущее сердце с размером с гусиное яйцо. Оно билось так быстро, будто пыталось выскочить из моей руки. И Брюс Ли с зияющей сквозной дыркой в груди стоит как вкопанный, а его сердце продолжает биться, клянусь вам, и бросается мне в лицо. И я начал сжимать его со всей силой – это мужественное сердце! Оно напоминало мне нерв земной оси. У меня ничего не выходило, сердце Брюса Ли продолжало биться. Мои силы на исходе, и даже кровь сочится из-под моих ногтей – так сильно я сжимал его! Я стал кричать, чтобы мне принесли сейф, стальной сейф. Оно и в нем не останавливается: оно билось о стенки, пытаюсь выскочить наружу. Пришлось заварить сейф. Оно билось еще долго, это мужественное сердце! Стоял такой гул, что ушные перепошки лопались и из ушей шла кровь, но вдруг оно утихло: видимо, не выдержало, разорвалось. Я стоял, не двигаясь, и только тогда понял, что я натворил! «Дурак! Какая утрата для всего человечества смерть этого человека, этого воина!» – говорил я себе. И с моих глаз потекла скупая мужская слеза, слеза отчаяния, скорби!..

Иногда, когда смотрю в сторону востока, клянусь вам, я слышу его голос, голос Брюса Ли. Этот голос просит меня о том, чтобы я не скорбел о нем. Он считает, что воин, как бог, один, и это я!...

Так заканчивал Аки очередную версию своего «сражения» с Брюсом Ли...

Мы, бывшие товарищи Аки, повзрослев, разъехались в разные уголки России: кто в Сибирь, кто еще куда. Причины у каждого были свои: одни учиться уехали, а другие – работать. Так или иначе, в родном селе мы появлялись очень редко, разве что иногда по печальным событиям: на похороны, где обязательно нужно было появиться.

После нас другие подросли, другое поколение молодых людей. Но им Аки стал не нужен. В отличие от нас, их не увлекали его рассказы. У них был уже совсем другой мир, другие интересы. Телевизоры, видео, телефоны изменили привязанности и пристрастия людей. Что удивительно? Изменились не только люди, но и сами села. Вместе с характером людей изменился и облик наших сел. Люди стали абсолютно другие. Складывается впечатление, что они пришли в этот мир на веки вечные. Смыслом жизни стало накопить как можно больше денег. Алчные, скупые, голодные – они оказались способными лишь на коварство, предательство. Только одно материальное благо стало источником их радости. И неудивительно, что этому новому поколению такие люди, как Аки, не нужны. Им, как нам когда-то, не по душе его мастерство выдумщика и фантазера. Народившееся новое поколение стало рабом телевизоров и видео. Только в них находит оно радость. Наше поколение с ним и сравнивать не стоит, у нас даже телефона в селе не было, не говоря уж о других видах техники... Да, изменились времена, наши села, люди... И до нас, давно покинувших родные края, доходили слухи, что молодые люди из села издеваются, смеются над Аки, освистывают его, не подпускают к себе.

Позже, когда я приезжал домой, мне не довелось встретиться с ним, хотя никогда не пропускал случая поинтересоваться его судьбой. Иногда даже пытался проявить хоть какую-нибудь заботу о нем и о его матери. На этот случай всегда оставлял ему деньги, просил родных передать их ему.

Рассказывали, что он время от времени выходил в центр села в надежде встретить хотя бы кого-нибудь, кто был ему близок, кого-нибудь из нашего поколения. Если ему все-таки удавалось кого-то встретить, то, говорят, как и раньше, делал вид, что шел откуда-то, или будто только приехал откуда-то, нарочито важничал...

Мы в свое время, когда жили в селе, никогда не допускали, чтобы Аки нуждался в чем-то. Пытались обеспечить хотя бы самым необходимым. Он жил с матерью, пенсия которой была тридцать пять рублей. Аки был не способен на то, чтобы заработать что-то на жизнь, земные блага были не для него. Однако, надо признаться, что он, насколько я помню, никогда ни у кого ничего не просил. Мог, правда, иногда сигарету стрельнуть, и это он делал ненавязчиво, в шуточной форме.

Аки был разный! Он постоянно перевоплощался в героев увиденных им когда-то фильмов, услышанных от кого-то рассказов, даже в героев собственных снов. Сегодня он играл одну «роль», завтра – другую.

Так, например, он становился одним из трех мушкетеров фильма «Три мушкетера». Посмотрев фильм «Рокки», он всем рассказывал о своей «бойцовой» удали. А еще перевоплощался в легендарных разведчиков, о которых узнавал так же из какого-нибудь кинофильма. И что странно? Он так мастерски «вживался» в любой из избранных им образов, что, казалось, играет эти роли лучше самих актеров. В этих «образах» он представлял себя сильным, лучшим, даже сильнее и лучше тех, кто был таковым признан. Он был всегда победителем...

Рассказывали, что после смерти матери его жизнь стала совсем тягостной. Жил на то, что подадут люди. Но при этом, как рассказывали, склонность к

импровизации не утратил. Стоило ему где-то услышать о Джеке Чане или Стивене Сигале, он тут же «включался», выдавал очередной «сценарий» о своих невероятных победах над ними...

...Аки жил очень бедно. Они с матерью имели небольшой дом, в котором было-то всего две комнаты. Был козырек, небрежно пристроенный к крыше. Под ним обычно укрывали обувь от дождя. Единственной роскошью во всем хозяйстве было дряхлое подобие кресла, видимо, кем-то отданное им за ненужностью. Оно стояло под этим же козырьком, покрытое старым огрызком ковра. Именно сидящим в нем и нашли нашего друга Аки.

Он умер тихо, сидя в кресле, и никто этого не заметил. На третий или четвертый день соседка, говорят, занесла ему миску супа, но обнаружила его уже умершим.

С тех пор прошло пять лет. Как-то приехал я в родное село навестить родственников, проведать своих односельчан. И пятничным утром отправился на кладбище. Здесь я и увидел могилу Аки. Она была неухожена, заросшая многолетней высохшей травой, вместо надгробного камня торчал кусок давно прогнившей деревянной доски. Мне стало больно!

Посоветовавшись с друзьями, товарищами и с их всеобщего одобрения, я воздвиг над могилой Аки мраморный камень трехметровой высоты. Очень хотелось, чтобы все видели могилу этого человека и чтобы непременно спросили, чем замечателен он был. И все узнают Аки, вспомнят те, кто уже позабыл о нем. И всплывут вновь его невероятные истории и «приключения». Люди будут смеяться, удивляться, говорить: «Вот это был парень!» Будут аплодировать, рукоплескать таланту великого импровизатора Аки... нашего Аки!..

P.S.

Мне не хотелось, чтобы расставание с моим героем было таким грустным. И напоследок расскажу историю о том, как Аки переплыл Атлантический океан.

Однажды вечером мы собрались своей обычной компанией. Аки, где бы мы ни находились, всегда обнаруживал нас. И в этот раз было также. Он подошел к нам, но на лбу у него мы заметили небольшую ранку. Решили, что он, возможно, рубил дрова, и какая-то отлетающая щепка зацепила его. Но, желая посмотреть реакцию Аки, решили «обыграть» эту ситуацию.

– Да что это у тебя? Кто посмел? Назови имя? – спрашивали мы с нарочитым удивлением.

– Я не всесильный! – ответил Аки, не задумываясь. – Когда на тебя нападает – на одного – целое племя апачей, да чтобы они сгнули!.. И этот тоже мне, как его? Ну, этот, Бонча, этот болван! Сидит, как бог огня, держит над костром свои руки, а меня чуть не сжарили...

– Да когда же, как?.. Да что ты такое говоришь? – «втягивались» мы в очередной рассказ Аки.

– Старушка моя, ну мать, у нее же тысяча проблем. Вечно что-то. И вот она заладила, как всегда... В этот раз корова не вернулась с пастбища. Ну и ко мне с этим! Стала причитать: «Ну что же ты?! Корова не пришла, как же нам быть?! Молока-то не будет! Поди, сыщи корову. Да чтобы мне вместо тебя смерть принять...» А я занимаюсь! Мне постоянно нужно быть в форме. Вдруг появится в мире какой-нибудь Чанг Чонг. Подожди, мать, говорю, придет скотина до вечера. Нет! Она все не унимается. Разозлился я на нее, клянусь, и пошел искать эту проклятую животину. День, ночь – ищу. И еще день ищу и заблудился. Счет дням потерял, оброс весь, если кто увидел бы – не узнал. Стал, как дикобраз... Иду я, иду, встречаю львиный прайд, потом гиен, крокодилов, а коровы нет нигде. И опять иду, вижу – каньон и река, широкая такая – Амазонка или Миссисипи. И вдруг слышу из соседнего леса: «И-и-йаа», «И-ий-йаа», – кричат. Оборачиваюсь – индейцы, целая туча, вооруженные топорами, копьями. Смотрю, окружают меня. А их так много,

как саранча. Дюжину я уложил, клянусь вам. Думал: уйду, смогу! Но меня чуть-чуть не хватило. Набросили на меня сетку, и не одну, а тысячи и тысячи. В общем, повязали меня и несут, подвесив на длинный шест. Идем, и дальше передо мной открывается такая картина: огромный костер и индейцы – мгла, вроде у них праздник жертвоприношения. И бросают меня перед вождем, будто я какой-нибудь мешок. И что-то быстро тарабанят на своем языке. Вождь сделал какой-то знак, после этого меня развязали, а двое держат, а несколько из них готовят к костру. А одного уже, вижу, поджаривают, клянусь вам. Несчастный, его подвесили на вертел, прокручивают его потихоньку, а он визжит, как недорезанный поросенок! И вождь, который сидел как йог, заговорил громогласно: «О Ида! О Ида! О Ида!» – три раза. Клянусь вам, мной овладел такой страх, что чуть дух не испустил. А вождь, освобождая лицо от своих длинных волос, посмотрел на меня. И кто, вы думаете, это был?! Да наш односельчанин Бонча это был! Да тут недалеко, наверху он живет.

– Да чтобы отец твой только одной свининой питался, спаси же меня, помоги мне! А то я твою душонку паршивую вырву, ты меня знаешь! Сволочь ты, паразит! – кричал я ему.

А он мне:

– Молчи, несчастный! Ты загубишь нас обоих! У них золото, как у нас горы. Я для этого и стал каннибалом! За моей спиной текут воды Атлантики – прыгни туда, но не поднимай головы, плыви под водой. Эти змееды – сволочи – прекрасные пловцы! Ну, с Богом!..

И я незамедлительно кинулся оттуда, как гепард, едва касаясь ногами земли! И слышу гул за мной, будто миллионы бизонов бегут. Они, было, почти догнали меня, но я успел с обрыва стрелой броситься в океан. И плыву то кролем, то дельфином. Вокруг темнота, акулы, даже встретился голубой кит, а дальше медузы, рыба-меч – кого я там только ни встретил, мурену даже.

Плыву! Не знаю даже, сколько и плыл, головы-то поднять не могу. Вижу только, что океан становится светлым, а потом опять темным – думаю, что происходила смена дня и ночи. А я все плыву неустанно, вдохнув воздух только один раз и не имея возможности выдохнуть, борюсь с собой, чувствую, что вот-вот не выдержат мои легкие, настолько велико давление воды. И тут чувствую, что ударился больно головой обо что-то. Думаю, рифы или затонувший корабль. Ударился опять и еще раз. Ну, все, думаю, пропал я! Это подстава! И я, со всей данной мне Богом силой, опять стрелой вылетел головой вверх. И что, вы думаете, я вижу?! Я под мостом в Грозном! Клянусь вам!

Перевод Субран ИНАРКАЕВОЙ

¹ Алмас, ешап – персонажи чеченского фольклора. Алмас – лесная женщина, ешап – ведьма.

Голоса друзей**Раиса Дидигова**

Родилась в 1956 году в с. Ванновка Тюлькубасского района Южного Казахстана. По окончании в 1979 году Пятигорского педагогического института иностранных языков (факультет немецкого языка) работала в сфере образования и управления: учителем немецкого языка, директором СШ №1 г. Назрань, в Администрации Президента Республики Ингушетия, а также в Правительстве РИ. В настоящее время активно занимается творчеством и является зам.редактора газеты «Литературный Кавказ» (издание Клуба писателей Кавказа, г. Нальчик). Стихи пишет с 1975 года. Первое стихотворение было опубликовано в журнале «Жизнь национальностей» (№1, 2003 год, Москва). Стихи Р. Дидиговой публикуются в литературных журналах: «Литературная Ингушетия», «Литературная Кабардино-Балкария», «Голос Кавказа», «Минги Тау» («Эльбрус»), «Дон и Кубань», в международном журнале «Azerbaycan Dunyasi» («Мир Азербайджана», 2013). В 2002 году издана первая поэтическая книга – «Прикосновение», за которую автор была награждена Национальным Артийским Комитетом России.

Из цикла «Посвящения»...**Балкарию поднявший
к небесам...**

Памяти Кайсына Кулиева

Живым, неисчерпаемым теплом,
Связующим духовным естеством,
Исходит память о великом сыне
Балкарского народа, о Кайсыне,
Изведавшем судьбы крутой излом
И ставшем несгибаемым столпом.

С прямой стези не сбиться, не сойти,
В грядущее уверенно идти
Сумел Кайсын, благодаря истокам,
Что эпохальным

не подвластны срокам;

И предков благодатному пути
Он следовал, чтоб мудрость обрести
И собственной судьбой превознести
Всю нравственную силу, что в чести
В роду была всегда ... Ее нести
По жизни смог светящимся потоком,
А жизнь не раз испытывалась роком!
И эта мощь позволила взойти
На ту вершину, что не превзойти.

С высоким духом Человек земной,
Величественной слывший простотой
И добротой щедрой, неизменной,
Признание снискавший
всей Вселенной,

То бурю навевая, то покой
Грохочущей и льющей строкой.
Он истиной безмерно дорожил,
И с трепетом особым ей служил,
Как настоящий горец и мужчина;
И с этой чистотой непогрешимой
В гармонии свой славный век прожил,
С ней тяготы лишений пережил.

Оставшись без отца, он с ранних лет
К преодоленью приучался бед
Трудом упорным и немим терпеньем.
Так, тяжело и в самоотреченье
Жила Кайсына мать. Ее смиренность
Несло, казалось, светоизлученье;
То был поэта окрылявший свет,
В его твореньях сохранивший след.

Создателем был избран и храним,
И мужеством присущим одержим
Кайсын, в горниле самом воевавший

И воинскую доблесть воспевавший.
Его из строя вывели раненя,
Полученные на полях сраженья,
Но попевало вовремя спасенье,
Даря надежду на выздоровленье.
Был в госпитале он на излеченье,
Когда своих стихов услышал чтенье,
Звучавшее на радиоволне,
В динамике, висевшем на стене.
Их слушали тогда по всей стране
Те, кто в тылу был или – на войне.

Стихи производили впечатленье,
Прослеживалось в откликах волненье;
И вызывало автора смущенье
Писателей известных восхищенье.

Коллег доброжелательный посыл
На новые творенья вдохновил;
Он дружбу их с Кайсыном зародил
И знаковым явлением прослыл.
Стал творческий союз неразделим,
И был всегда творцами свято чтим.

В больнице ж...
    провожая день за днем,
Кайсын все думал о селе родном,
И представлял,
    как снова входит в дом,
И плачущая мать встречает в нем,
Пытаясь слезы утереть тайком
Мережкой украшенным платком.

Но... словно в измеренье временном
Впоследствии он пребывал ином:
С войны вернулся в разоренный дом,
Припав к земле, он плодоносный ком
Все обнимал, лаская... и мгновенья
Бессилия и полного смятенья
Повергли плоть его в оцепененье!
И длилось,
    длилось тенью иступленье...
А властью было принято решенье:
Не подвергать поэта выселенью,
Возможность предоставив поселенья
На Родине, где явствовал погром,
Или в краю, каком-либо другом.
Отверг Кайсын такое предложение;
Отправиться решил он без сомненья

Вослед народу, в спецпереселенье,
Чтоб участь разделить с ним целиком,
Расставшись с отчим домом и селом.

Дышало сожаленьем все кругом;
В порыве чувств объяввших вихревом
Кайсын дорогой в ссылку был влеком,
Но вдруг застыл на миг от умиленья:
Там... ослик на окраине селенья,
Недвижимый, стоял за валуном
В сиротском одиночестве своем...
С блуждавшим

    отрешенным существом,
Страдавшим с ним на Родине вдвоем,
Кайсын простился в сумраке дневном,
Казавшимся еще кошмарным сном.

В душе, всегда искрившейся добром,
Случился поразительный надлом;
Не привело ее стенанье к смуте,
Но горечь зрится в философской сути.

Противоречий угнетавших сонм
Передается стонущим стихом,
Где глубоко прочувствованы грани
Печальных строк
    о раненном том камне,
О дереве, сраженном топором,
И боли, что не выразить пером;

О судьбах, ставших издавна своими,
Людей, которых он любил живыми...
О тех утратах, что постичь умом,
Казалось, невозможно! Ведь узлом
Тугим сжимали вяжущие нити?!
И горе продолжало вить и вить их...
А беспощадный бытия разлом
Шел, судьбы разрушая, напролом.

Он раненную душу понимал,
Как братьев всех друзей воспринимал,
Сердечной болью боль их принимая,
Ее душевной негой облегчая,
Деянием и словом помогал.
О том же, как Кайсын переживал
Вещает посвященье Джемалдину*.

Так сострада, пишут брату, сыну,
Когда напоминает жизнь обвал:

* Ингушский поэт Яндиев Джемалдин, близкий друг Кайсына Кулиева.

Крепчать и мудрым быть его призвал,
И по-мужски сурово убеждал
В том, что чернее быть не может дня,
Потери – больше, но судьбу кляня,
Тот, кто однажды потерял коня,
Ведь плетку потеряв, уже не плачет.
Не может горец поступать иначе!
И, как бы участь ни была горька,
Просил спокойным быть, как облака
По жизни, что как бурная река
Течет. Кого не бьет беды рука?

Кайсын, немало испытавший, знал,
Что близкий друг терял и обретал...
Но, падая, творец всегда вставал,
Слов жалобных не молвил, не стонал,
Неимоверной волей побеждал
Переживаний горестных накал.

Народов репрессированных час
Настал: их возвратили на Кавказ;
Погибло ссыльных больше половины,
Изведав истязания чужбины...
Но стойкий дух народы все же спас,
Людей их лучших был услышан глас.

Является Кайсын одним из тех,
Кто приближал
счастливый день для всех,
И, несмотря на череду помех,
Достигнут судьбоносный был успех.

Благим свершеньем вехи возрожденья
«Гряды могучей» стало зарожденье;
Пожизненно Кайсын объединял
Сподвижников, которых обаял.
И новых дарований выявлял,
И молодых талантов становленью
Обилие вниманья уделял...
И творческий народ призыву вял.

Стезя литературного движенья
Нацелена была на достиженья;
Писателей восстановили цех,
А с ним – и связь разъединенных вех.

Но времени разорванного мгла
В сознании людей еще жила,
Невольно отступая пред рассветом,
Его отягощая черным цветом,
Она не отразиться не могла
В том, что гряда поэтов создала:

Рождавшиеся полнились сюжеты
И счастьем, и отчаяньем воспетым,
Но рушило добро в них силы зла...
Печали уходящей тень светла.

Кайсын своим примером наставлял
Соратников старался, чтобы взгляд,
О прошлом помня, стали устремлять
Вперед, не поворачиваясь вспять.

Какая б в сердце не закралась вьюга,
Учил он: избавляться от недуга,
Не забывать о вечных свойствах круга,
О том, что воздается по заслугам.

Его гуманистический настрой
Лучится всеобъемлющей волной
Столь редкостного мироощущенья
В пронзающих сердца произведеньях;
Им созданный лирический герой
Являет образ автора собой,
В нем потрясает тонкость наблюдений
И трогающих душу откровений,
Приковывает чувств и мыслей рой,
Пророчеством навеянный порой.

Поэзии воздвигнув вечный храм,
Балкарию поднявший к небесам,
Прославивший величием Кавказ,
Пленивший красотой строфы Парнас,
Гласивший все мощнее год от года,
Поэт многострадального народа,
Хранивший свято
преданность корням,
Любовь питавший к людям и камням,
Всегда принадлежавший двум мирам,
Кайсын Кулиев, к Высшим небесам
Вознесся и звездой сияет там!

Родной язык

Язык – рассудка колыбель
И животворное блаженство,
Гармонии небесной трель,
Призыв к земному совершенству.

Как материнская любовь,
Родной язык нам души греет;
Он вписан в человечью кровь,
В нем добродетель наша зреет.

Переживаний же печать
 Печали аурой застыла;
 В ней – боль, что сердце не излило,
 Оставив раную зиять...

Той ауры Ваш полон взгляд,
 Но неприступна крепость духа,
 Неколебимо свойство слуха –
 Истокам мудрости внимать.

Обитель мудрости – язык,
 Судьбы народа охранитель,
 Корней древнейших попечитель,
 Духовных ценностей родник;

К родному языку любовь
 Все существо пронзает Ваше,
 Нет ничего в природе краше
 Той речи, что волнует кровь!
 В трудах же Ваших красота
 Душевным отдает звучаньем;
 И сказ Ваш, и иносказанье,
 Теплом навеяны всегда.

Рассматриваете язык,
 Как средство связи поколений
 И их культурных достижений,
 Истории народной лик.

И языка родного твердь
 Спасти пытаетесь от опасных
 Тенденций, веяний ненастных,
 Позитивных двойственных, неясных,
 Вы говорите громогласно:
 «Смерть языка – народа смерть!»

И каждый изреченный звук
 Ваш сопрягается с деяньем
 Последующим и влияньем
 На мыслящий широкий круг.

Вы призываете решать
 Спасенья языка проблемы,
 Соизмеряя сложность темы
 Со всеобъемлющей системой,
 Где государственная рать
 Должна столпом свершений стать,
 И статус языка поднять
 Его значению под стать.

Одну из гармоничных скреп
 Вы вместе с Салихом* создали:
 Союз кавказский основали,
 Звеном писателей связали
 Из ближних мест и дальней дали,
 Чтоб отчужденья мрачный склеп
 Своим талантом разрушали...
 И узы братские венчали

Посылов благонравный след,
 Даруя всем народам свет.

Вы стоном движимы души,
 И горько от его раскатов...
 Вам благодарны ингуши
 За то, что есть Муса Ахмадов.

---

*Салих Гуртуев – балкарский поэт, президент Клуба писателей Кавказа.

Алвади Шайхиев

Рассказы о писателях

И счастье не выдерживает сердце

Крыша родительского дома, который достался ему по наследству, прохудилась. И давно. Но поехать в село, починить ее все было недосуг.

Город не отпускал его.

Вообще-то он называл его дачным домиком. «Еду на дачу, – говорил, когда собирался в село. – Там мне хорошо работается».

Дом был расположен на живописном берегу Мартанки. Вопреки всему стоял еще с двадцатых годов. Может быть, он чуть-чуть завидовал соседним домам, в которых каждый вечер зажигался свет и горели огни в очагах, слышны были детские голоса и тихие рассказы умудренных опытом жизни стариков. Рядом возводились новые дома – их согревали любовь и теплота молодых сердец.

Ему было одиноко без хозяина. А хозяин все пропадал в городе.

И хозяин тосковал по нему. Только вот город не отпускал его. Ему хотелось убежать от шумной городской суеты и расслабиться под сенью раскидистых деревьев в огороде.

А сегодня он твердо решил: «Завтра же поеду! Крышу надо починить. На дворе август. За ним наступит осень. А там начнутся затяжные дожди».

В свои редкие поездки в село он с собой брал рукописи. Но на сей раз изменил своему правилу. Прихватил еду на два дня и в субботу утром укатил в родное село, к родительскому очагу, к своему дачному домику....

Вернулся только в понедельник. Как всегда, на работу явился в 10 часов утра. Его ждали друзья, поэты и писатели. Разговорились.

– Починил крышу, наколот дрова и вообще навел марафет на даче, – рассказывал он. – Теперь можно будет поехать туда на целую зиму. Да, брошу все и поеду, – заключил он, и с хитровато-довольной искринкой в глазах посмотрел на друзей. Добавил:

– Приглашу и вас в гости.

Я его не видел таким веселым и жизнерадостным никогда. Охотно слушал анекдоты и сам рассказывал. Смеялся, аж слезы выступали на глазах. Вообще-то это был человек суровых и строгих правил. Может быть, на его характер наложили отпечатки 19 лет, проведенных им в заключении. Репрессированного в 1937 году, его амнистировали лишь летом 1956 года. Зная, что вайнахи депортированы в Среднюю Азию и Казахстан, не поспешил вернуться домой, а поехал в Москву. Почти год прожил там у знакомых и друзей.

Как-то попал на заседание секретариата Союза писателей РСФСР. Попросил слово. Выступил с обличительной критикой в адрес сталинской политики по отношению к чеченцам, балкарцам, калмыкам, крымским татарам, немцам Поволжья, поголовно депортированным в Среднюю Азию и Казахстан. После заседания секретариата пришел домой, собрал свои пожитки и поставил чемодан у дверей. Он был готов.

– Вот и все, – сказал он недоумевающему другу – хозяину квартиры.

– Что – все? – только и смог вымолвить тот, все это время молча наблюдавший за ним, не понимая, что он затеял.

– Сейчас за мной приедут кэҭэбэшники. Я сегодня выступил с резкой речью на секретариате Союза писателей. Ее мне не простят.

– Ну и дурак, – только и смог сказать хозяин. – Тебе что, мало было девятнадцати лет отсидки?

Он был уверен, что за ним непременно приедут и вновь его этапируют, ждал долго. Вдвоем ждали до поздней ночи. Но в дверь не постучали.

На этот раз все обошлось.

– Тезка, – он к поэту М., – у меня сильные боли в ладони, – протянул он правую руку. – Что бы это значило?

М. окончил в свое время медицинский институт в Баку и в настоящее время работал главным врачом республиканского Центра здоровья. Поэты его называли врачом, а врачи – поэтом.

– Ты же работал с топором. Вот с непривычки и заныла ладонь. Было бы плохо, если бы ты боль чувствовал в ладони левой руки. Сердце рядом...

В это время зазвонил телефон. Он взял трубку.

– Да, слушаю, – сказал он. Чуть помедлив: – Нежели? Спасибо за радостную весть. Я сейчас же иду, – положил трубку. Затем: – Звонил главный редактор издательства. Вышел сигнальный экземпляр моей книжки «Чеченский тайп в период его разложения». Хочу как можно скорее увидеть ее. Бегу.

– Поздравляем!

– Спасибо.

Он был несказанно счастлив.

Идти было недалеко.

И вдруг в пути защемило, заныло сердце. Ускорил шаги... на квартиру. Слава Богу, нужно было идти мимо.

– «Скорую!» – еле выдавил жене и рухнул на диван.

«Скорая» не подросла. Его сердце остановилось. Сердце, которое счастливо билось еще двадцать минут назад. Видать, оно не выдерживает и счастливые мгновения, внезапно нахлынувшие...

А звали его Магомет Мамакаев. Знаменитый чеченский поэт и прозаик. Автор известных романов «Мюрид революции» и «Зелимхан», рассказов и очерков, стихов и поэм, публицистических статей и эссе. А вышеназванный научный труд «Чеченский тайп в период его разложения» выходил вторым изданием, дополненным и переработанным. Но его увидеть Магомету Мамакаеву не хватило жизни. Видать, и счастье не выдерживает сердце...

«Диагноз» поэта-врача оказался неверным.

Пуля выжидала момент

Дамоклов меч над ним висел давно. Но он не хотел в этом себе признаться. Хотя не только интуитивно чувствовал, наверняка знал – грядет беда.

Скорбный список жертв политических репрессий, разгулявшихся по всей стране, открыл чеченский писатель Саид Бадиев еще год назад. О его судьбе с тех пор ничего не известно. Под номером два идет Шамсуддин Айсханов. Он тоже канул в неизвестность.

Кто на очереди? Он, Саидбей Арсанов? Магомет Мамакаев? Халид Ошаев?

Хотя и делает Саидбей Арсанов бодрый вид, возвращаясь с работы, она-то, Нина, его жена, знает, с каким невероятным напряжением удастся ему сохранить внешнее спокойствие. В его вымученной улыбке она видит столько боли, столько горя, что становится просто невыносимо. И тогда она удаляется на кухню.

Нина читала о женах декабристов. Они оправлялись за своими мужьями за тридевять земель в Сибирь, разделяя их участь, трудились на каторжных работах. Мужественно переносили вместе с ними удары злой судьбы. И она готова к тяжким испытаниям, готова разделить участь Саидбея – самого дорогого ей человека. Но вот беда: несколько дней назад дал о себе знать и другой дорогой ей человек – нерожденное дитя. Через несколько месяцев он явится в наш такой еще неустроенный и несправедливый мир. Что будет тогда?

Вопрос буравит ее мозг и в настоящем времени: что делать?

Извечный вопрос во всей российской истории, на который до сих пор никто не находит ответа.

Но будущий отец Саидбей о новом человечке еще ничего не знает. Более того, вообще не догадывается о его существовании в чреве матери. И хорошо, что не знает и не догадывается. Узнав, ему было бы во сто крат тяжелее.

Вдруг ее осенила мысль: «И не узнает Саидбей никогда!» Решение пришло мгновенно...

Как-то вечером за чашкой чая спросила:

– Ничего не известно о судьбе Саида и Шамсуддина?

– Приговор Крайполиттройки однозначен: враги народа, – ответил Саидбей и сам встрепенулся от своей жестокости, прочитав в глазах жены ужас боли и испуга. Постарался сгладить:

– Крайполиттройка не последняя инстанция. Там, наверху, пересмотрят дело. Только нужно время выждать. Будем надеяться на лучшее.

Однажды вечером, возвратившись с работы, в дверях увидел записку. Защемило сердце. Боль ударила в виски...

Ночь перешагнула середину и готовилась сдавать смену новому дню. Саидбей все еще сидел за письменным столом. Приводил в порядок бумаги и хаотично роящиеся в голове грустные мысли.

Раньше стука в дверь он услышал топот ног, раздавшийся на лестничной площадке.

«Пришли за мной», – мелькнуло в голове.

Хотел было встать и пойти навстречу, но, вспомнив, что дверь предусмотрительно не закрыл на ключ, даже не привстал.

Раздался резкий стук.

– Войдите. Дверь не заперта.

Стук повторился:

– Дверь не заперта! – резко отозвался Саидбей.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошли, нет, влетели несколько сотрудников НКВД.

– Арсанов Саидбей Арсанбекович? – властным тоном изрек старший группы, доставая какую-то бумажку из нагрудного кармана.

– Да, это я, – привстал Саидбей.

– Вы арестованы. Готовьтесь.

– Я ждал вас. С вечера готов.

Остальные обыскивали квартиру.

– А жена? Где жена? – в истерике взъярился чекист.

Саидбей взял со стола записку и передал ему.

Тот пробежал по ней взглядом.

А записка гласила следующее: «Дальше так продолжаться не может. Я уезжаю. Не ищи и не обессудь. Так будет лучше для тебя и для... Твоя Нина».

Энкавэдэшник, как и сам Саидбей Арсанов, после многоточия увидел только имя жены, отныне жены «врага народа». А следовало читать: «...будущего ребенка».

Оба не уловили скрытый смысл записки.

...Летом 1988 года Фонд культуры СССР наметил обсуждение за круглым столом проблему чеченцев-аккинцев Дагестана по восстановлению Ауховского района. В список участников был включен и я. Основная группа отправлялась в Москву на машинах. Я и Несарсолта Даурбеков из Заречной Хасавюртовского района Дагестана летели днем позже. Поэтому я послал телеграмму в Союз писателей РСФСР с просьбой заказать для нас в гостинице двухместный номер, благодаря чему и познакомился с дочерью Саидбея Арсанова.

После утомительного дня мы с Несарсолтой решили пораньше прилечь и отдохнуть. Но тут неожиданно раздался телефонный звонок. Несарсолта взял трубку. Затем передал ее мне:

– Тебя спрашивают.

Я, естественно, удивился этому звонку. Мы никого не оповещали о своем приезде в Москву и гостиничного номера никому не давали.

Звонила некая Инна Александровна Буторина, представившаяся затем дочерью нашего Саидбея Арсанова. В тот день она, оказывается, ездила в Союз писателей РСФСР и ей сказали, что приехал чеченский писатель и остановился в гостинице «Байкал», дали ей номер телефона.

Я был шокирован ее сообщением – дочь Саидбея Арсанова! Мелькнула коварная мысль: «Не разыгрывает ли меня московская незнакомка?». Ведь я ни от самого Саидбея Арсанова, ни от других писателей никогда не слышал, что у него есть дочь, о чем не преминул сказать самой Инне Александровне.

– Да, я его дочь, – уверяла она меня. – И нам нужно обязательно встретиться. Ваш номер телефона мне дал Анатолий Вылегжанин из Союза писателей, – на всякий случай подчеркнула она.

Любопытство взяло верх.

– Где и когда встретимся? – спрашиваю.

– Если не возражаете, я сейчас приехала бы в гостиницу, – ответила она, чего я никак не ожидал: ведь время позднее. Но мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

– В том же 1935 году, когда арестовали отца, – рассказывала Инна Александровна, – родилась я, – рассказывает Инна Александровна. – Фамилия и отчество – отчима. Он умер, когда мне было пятнадцать лет. Воспитывала мать. Да и теперь живем вдвоем. Мама в тот день оставила записку в дверях для вящей убедительности: а вдруг отец среди вороха бумаг на столе не заметит сразу, потом она затеряется. Мама выехала в Москву к дальним родственникам. Потом она узнала, что его в ту же ночь арестовали. О его дальнейшей судьбе ничего не знала до 1959 года.

Однажды утром мама послала Инну в киоск за свежими газетами. Вместе с другими купила и ее любимую газету «Литературная Россия». Оба начали просматривать их. И вдруг Нина Никаноровна воскликнула:

– А он, оказывается, жив!

Она была взбудоражена.

– Кто это «он»? – спросила Инна.

– Твой отец, Инночка! Твой настоящий отец! – протянула она дочери газету. – Вот информация. В Москве, оказывается, проходила декада чечено-ингушской литературы. Возглавлял делегацию из Грозного твой отец, Саидбей Арсанов – он председатель правления Союза писателей ЧИАССР.

– Я была потрясена этой новостью, – рассказывала Инна Александровна. – Ведь до этого дня считала своим отцом Константином Буторина. Ни он, ни мама ни разу не заикнулись о Саидбее Арсанове.

Инна тут же позвонила в Союз писателей РСФСР. Там ей дали координаты Саидбея Арсанова.

Инна села писать письмо.

Саидбей прилетел в Москву на третий день. В аэропорту Внуково его встречала Инна.

...Саидбея Арсановане постигла участь Саида Бадиева, Шамсудина Айсханова и других представителей чеченской интеллигенции. Судьба пощадила его. Он отбыл семнадцатилетний срок ссылки на Колыме. После освобождения его отправили в Казахстан, к своим сородичам-спецпереселенцам.

В 1944 году поверглись репрессии не отдельные личности, а целый народ.

Поиски жены не увенчались успехом. Она сменила фамилию. Теперь она была Буторина, а не Арсанова.

Там же женился Саидбей. Возобновил литературную деятельность. Написал теперь широкоизвестный роман «Когда познается дружба», выдержавший не одно издание в Алма-Ате, Грозном и Москве. А о колымской жизни Саидбея Арсанова повествуют его очерки и рассказы, вошедшие в книгу «Серебристая улыбка».

...Однажды, проходя мимо дома, в котором проживал Саидбей Арсанов, обратил внимание на мемориальную доску. Профиль писателя был прошит пулей.

Так пуля, выпущенная в Саидбея Арсанова в 1935 году, нашла цель спустя почти 70 лет.

Выжидала момент.

Адиз Кусаев**Новая трасса**

По трассе скоростной мчу в даль,
Шум жизни где-то в стороне:
Ни сел в дороге новой, жаль,
Ни городов не видно мне.

Бывало же: к окну прильнешь –
И город видишь, и село,
С которыми знакомство сплошь
К открытиям всегда вело.

Пряма дорога, как стрела –
Сад, поле, горка, лесостой...
Но не увидишь ни села,
Ни города в дороге той.

А мне бы по селу катить,
А мне б по городу плестись,
Чтобы, увидев, полюбить
Их неизученную жизнь.

В поездке грустно мне порой
На этом скоростном пути:
Что жизнь проходит стороной
И пропадает позади.

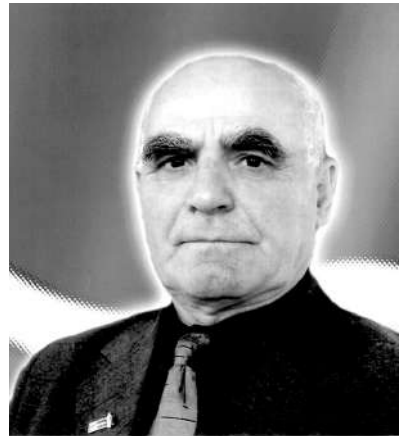
Мчу с ветерком я по стране,
Смотрю с тоской по сторонам...
Через селенья б ехать мне,
Ползти бы мне по городам.

В магазине

Рыдала в магазине кроха,
Просила «Фруктис» ей купить.
А мама оказалась строгой –
От полок стала уводить.

Она тащила кроху силой,
Грозя: «Ты замолчишь или?..»
Ах, как малышка мать просила!
Ах, как слезиночки текли!

Едва малышка упиралась
После угрозы: «Не глупи!..»
Слезями только умывалась,
Молила только: «Ну, купи!..»

Мать молодая – только строже
Прошла спокойно мимо касс...
Затихла кроха, слезы все же
Текли предательски из глаз.

Я думал: «Зная, что во власти
Они у нас – куда же им? –
Ну, почему мы очень часто
Жестоки к малышам своим?»

То ли не первые рыдания?
То ли запуганной росла?
И в предстоящем наказанье
То ли уверена была?

Она сквозь слезы говорила:
«Я успокоилась, молчу»,
Она испуганно твердила:
«И ничего я не хочу».

Глаза ж, в слезах, хотя и мутны,
Малышки были в этот миг
Таковыми синими, как будто
Все небо уместилось в них.

Когда я плач ребенка слышу,
Заплакать вместе с ним хочу.
Сказал я матери: «Купи же,
Что просит кроха, я плачу».

Но незнакомка, жаром вспыхнув,
Сказала, логики полна:
«Не надо. К этому привыкнув,
Несчастной вырастет она».

Мне долго помнилась упрямо
Та сценка, мысли к ней влекли...
Ах, как молила кроха маму!
Ах, как слезиночки текли!

Собачка

Палящий август. Вечер ясный.
Фонтан – прохлады островок...
Сюда народ приходит разный,
Чтобы забыться от тревог.

Резвится детвора, играет
Собачка смиренная с детьми...
Та, что еще хлопот не знает,
Еще не пугана людьми.

Идущая домой с работы,
Присела женщина одна.
Собачка – к ней. В пакете что-то,
Видать, унюхала она.

Хотя собак и не любила,
Хозяйка в ужас не пришла:
Кусок колбаски, что купила
Семье на ужин, ей дала.

Она добрей всех оказалась,
Смогла брезгливость превозмочь
К собачке той – чтоб не касалась
Детей, другие гнали прочь.

В санатории

Я с лицом от боли хмурым
В санатории грущу,
И, привычно, процедурам
Должное отдать спешу.

Их назначил врач мне много:
– Это надо, – говорит, –
Чтоб болезнь леченьем строгим
Чуть хотя б угомонить.

Или приструнить хотя бы
И ослабить боль чуть-чуть –
Чтобы организм твой слабый
От нее мог отдохнуть.

«Надо»? Значит, так и надо –
Законопослушен я,
И врача решение свято,
Как персть Божья, для меня.

Выполняю все без слов я
Предписания его,
Лишь бы только дал здоровья
Мне Господь в конце всего.

Верю я, что исцеленье
Мне от Бога снизойдет:
Только по Его веленью
Каждый врач рецепт дает.

Мои друзья

Все герои прочитанных книг
С детских лет мне знакомы, со школы:
Я учился теплу у одних,
У других – вере, твердости, воле...

Всех героев прочитанных книг
Я живыми себе представляю:
Если счастливы, – рад я за них.
Если бедствуют, – боль разделяю.

Помню слово, характер и лик
Я героев и малознакомых,
Восхищаюсь тем, кто делом велик,
Возношу тех, кто в кластере скромных.

И в какие б ни жил из эпох,
Станет тот, что знаком не по слухам,
Мне врагом, если к людям жесток;
Если он милосерден – то другом.

Тот герой долго-долго идет,
Как живой, всюду рядом со мною:
То пример доброты подает,
То судьбу отравляет собою.

Так всегда в этой жизни живу
Я – любитель прочитывать книги,
Представляя себе наяву
Их героев различные лики...

Бедя

Сколько гнева на планете,
Сколько зла...
Надо жить при всем при этом –
Вот дела.

Сколько горя, бед на свете,
Смертных дел...
Выживать, страдать при этом –
Вот удел.

Сколько ненависти в мире,
Войн и ссор –
На неправый суд задира
Часто скор.

Справедливость в горле комом –
Вот беда.
Блат превыше Совнаркома,
Как всегда.

Слабые – на дне, забыты –
Их не счесть.
И достоинство забыто,
Долг и честь.

И не счесть трагедий в мире,
Жизнь – борьба...
Тянут дни ко дну, как гири, –
Вот судьба.

Мало радости повсюду,
Но она
Силы жить дает нам, люди,
Как весна.

Счастье – редкостная гостья
В судьбах, но
Силы всем дает нам просто
Жить оно.

И Всевышним эти силы
Нам даны, –
Чтоб ему все в жизни были
Мы верны!

Одиночество

*Я – царь царей и царь Ассаргадон...
В. Брюсов*

«Я – царь царей»,
– твердил Ассаргадон
И верил в лесть слов
пышных и притворных.
На самом деле одинок был он
В кругу рабов,
вельмож своих придворных.

«Я – царь царей», –
все мнил Ассаргадон.
Он был богами признан и всевластен.
Им дальний мир и ближний покорен,
Но все равно был одинок, несчастен.

Наложниц тьма, но холодны они –
Не греют очи, чувства их и души –
До гибели его считают дни,
Коварные его глаза и уши...

Всегда был неприступен, окружен
И лжи, и фальши плотным частоколом.
Был волю проявить не в силах он,
Опутанный проклятым протоколом.

Чтоб жили лучше, он ходил в поход,
И убивал, и жег, не дрогнув бровью –
Но, чем богаче делался народ,
то менее горел к царю любовью.

Казалось, он всего достиг в судьбе,
Был добр к своим,
в бою с врагами страшен...
И все-таки был одинок в толпе –
В кольце сатрапов
и льстецов, и стражей.

Дворец, хоть ненадежный, все же дом,
Куда уходит в мир свой одинокий
Он, «Царь царей»,
и царь Ассаргадон –
И для врагов и для своих далекий.

Клятва

Я в годы детства
утвердился в клятве –
В болотах гати жизни возродить,
Учась у земледельца севу, жатве,
У зодчего – жилища возводить.

Хотя безвинно изгнан был из дома,
Я в юности поклялся так прожить,
Чтобы сыновним долгом
в путь ведомым,
Отчизне преданным всецело быть.

И клятвы исполнение в обычай
Вошло, и каждый день и час учусь –
У буровика труду нефтедобычи,
А у поэта – воспеванью чувств.

Учусь я, защищая справедливость,
Надежду по возможности дарить
Всем людям,
чтоб смогли за эту милость
Всевышнего всегда благодарить.

Всегда я клятве, как иману*, верен,
 Ей следую всю жизнь в своих делах...
 И впредь с ней каждый шаг
 мой будет сверен,
 Покуда продлевает жизнь Аллах.

Мама

Маме все артисты и поэты
 Песни посвящают и поют,
 Человеком лучшим на планете
 Маму уважительно зовут.

Нет теплее материнской ласки –
 Той, которой дети всюду ждут,
 Доброй феей из волшебной сказки
 Ведь недаром маму все зовут.

И роднее, и любимей мамы
 Человека в мире не найти,
 Если даже Землю всю упрямо
 С полюса до полюса пройти.

Если даже до окраин самых,
 В поисках, Вселенную пройдем,
 Мы дороже нашей милой мамы
 Человека в мире не найдем.

Солнечный снег

Сквозь разрывы туч пылает
 Солнце – лучики легки,
 И снежиночки летают
 Белые, как светлячки.

В воздухе снежинки тают –
 Не доходят до земли:
 Солнце их судьбу решает,
 Чтоб снега не замели.

В декабре весна как будто:
 Лужи, грязь, трава – тепло.
 Не багровы вечер, утро,
 Не в рисунках льда стекло...

Нас природа убеждает
 В декабре нежданно всех,
 Что не только дождь бывает
 Солнечным, но даже снег.

Убеждает без сомненья
 Нас декабрь, дождем умыв,
 О глобальном потепленье:
 «Это правда, а не миф!»

Лунный снег

Туч пелена тончайшая. Сияет
 Луна. Повсюду лампочки горят.
 И в свете их серебряно сверкая,
 Снежинки, словно мотыльки, парят.

Так при морозце в декабре бывает –
 Хоть редко, но естественно вполне,
 Что ночью в час безветренный летают
 Ажурные снежинки при луне.

Они неслышно, тихо так ложатся
 На землю, видом удивляя всех.
 К утру мороз окрепнет, и слезаться
 Успеет этот легкий лунный снег.

Стал на природу я за то в обиде,
 Что-де за свой довольно долгий век
 Ни разу лунного дождя не видел,
 Но не однажды видел лунный снег.

Они же шли и падали, наверно,
 Не раз. В том, что не видел той красы,
 Природу будет обвинять неверно –
 Где сам-то пребывал я в те часы?

Серее тучи, и мороз крепчает
 День ото дня – зима берет разбег.
 И он нескоро на земле растает –
 Декабрьской ночью
 шедший лунный снег.

*Иман (араб., чеч.) – здесь: вера, нравственные принципы.

Шамсуддин Макалов**Возвращение**

Рассказ

(Из цикла «Записки врача»)

*Жизнь не добра и не зла,
сама по себе она нейтральна.
Она такая, какой мы его создаем.*

День да ночь – сутки прочь! Так пролетело восемь лет. После того, как мне с помощью Тасу и Али удалось бежать из психиатрички, мы с Зухрой обосновались в Новосибирске. Это был город-миллионер, возникший в XX веке в полном смысле слова «на пустом месте» (стал городом в 1903 г.) Стал быстро развиваться после строительства Транссибирской магистрали. Сегодня на карте науки он выделяется особо, здесь находятся отделения трех академий.

Я с помощью своего институтского друга Левки Стахова устроился в отделение Академии медицинских наук младшим научным сотрудником. Мой друг был умный, добросердечный человек с великолепными задатками ученого. Я ему часто ассистировал, и мы совместно делали операции на собаках.

Жизнь у меня на новом месте стабилизировалась. Я ушел с головой в работу. Записался в библиотеку и раз в месяц приволакивал оттуда горы книг – читатель я был аккуратный, и мне разрешали брать по десять-пятнадцать зараз. В основном, медицинских.

Я был против тех, кто пасует перед жизненными трудностями, проявляет слабоволие, теряет самоуважение. Был не только врачом, но немножко и поэтом. И всякого рода явления природы, как то прорывающаяся сквозь тучи луна, шуршащие под ногами листья, всплеск рыбы в реке, шепчущаяся у подъезда парочка – все это располагало меня к возвышенному.

Через три года защитил кандидатскую диссертацию и стал старшим научным сотрудником, бывал в командировках в городах Сибири. Я иногда брал с собой и Зухру. В начале мы с ней жили в семейном общежитии, затем нам дали однокомнатную квартиру в новом микрорайоне, недалеко от реки Обь. Оттуда урывками долетали до нас пароходные гудки. Иногда с соседями устраивали вечерние чаепития.

А Зухра к этому времени окончила медицинский институт, работала врачом в детской поликлинике. Высокая, стройная, с двумя тяжелыми косами, перекинутыми на грудь – она была в поликлинике первой во всем. И считала своей главной задачей обеспечивать здоровье детей. Времени не хватало. Часто писали друг другу гастрономические послания типа «Каша на плите, суп в холодильнике». Женившись на Зухре, я стал верить в народную поговорку: «Аллах соединяет равных». У нас родилась чудесная дочка, которую мы назвали Зезаг. Хотя мы с Зухрой мечтали о Кавказе, тосковали по нему и всю душу стремились в родные края, – жить нам пока приходилось в Сибири.

Сначала мы регулярно переписывались с Али. Он писал нам, сообщая все сельские новости. Если бы вы знали, с каким нетерпением ждали мы ответа! Зухра даже считала дни до того времени, когда, по нашим предположениям, должен был прийти ответ. Постепенно мы так привыкли к этим письмам, что уже не представляли своей жизни без них. В одном письме – а это было спустя год после нашего переезда – Али написал о кончине отца Зухры, Хас-Булата.

Я это письмо не показал Зухре, из желания сначала подготовить ее к тяжелой утрате. Но она каким-то образом наткнулась на это письмо и, обидевшись, не разговаривала со мной целую неделю. Она плакала, ничком упав на постель.

Не доверяя почте, о Тасу Али писал только три слова: «Наш дядя жив». И вдруг связь прекратилась. Мы были в недоумении. И начали скучать. Я, как всегда, ходил на главпочту, но писем не было. Так прошло пять лет. И вот, спустя годы, Али вновь подал о себе весточку – мы получили от него письмо. Это была большая радость. Я сразу узнал его торопливый почерк с почти лежащими на тетрадной линейке буквами. Из письма я узнал, что Али отсидел в Науре четыре года за связь с Тасу. А в конце письма он сообщил печальную весть: «Наш дядя скончался. Ты мужчина, крепись», – писал он. Воспоминание о Тасу сжало тоской мое сердце. На сердце была тяжесть, будто к нему подвесили гири и оно не может биться так хорошо и звонко, как раньше. В голове был жар и шум. Зухра, видя мое состояние, молча взяла мои руки и крепко сжала их.

Но время шло. Оно не считалось с нашими печалью и радостями.

Вот, наконец, подул свежий ветер перемен, связанный с горбачевским периодом. И мы с Зухрой осмелились поехать на побывку на Кавказ. Обо всем было переговорено в наших переписках. Посоветовали мне и сослуживцы: «Не бойся, джигит, езжай. Скоро развалится коммунистическая система».

И вот мы в Грозном. Стояло лето. Домой мы ехали в приподнятом настроении. Нас ждали родные горы. Как мы и договорились, Али нас встретил на вокзале. Когда он увидел нас, улыбка медленно распространилась по его лицу, глаза заблестели добродушной радостью. А зубы сверкнули ровной белой полосой. Мы по-братски обнялись.

– Сколько лет, сколько зим! – говорила радостно Зухра. – А ты почти не изменился. Все такой же молодой и стройный. А мой, как видишь, начал полнеть.

– Ему положено быть солидным. Возмужал, возмужал. На почве успехов, – хлопал меня по плечу Али. – Он же теперь у нас ученый.

А Зезаг, улыбаясь, смотрела то на Али, то на нас, пока Али не привлек ее к себе.

– Она у нас уже первоклассница, – заметила Зухра.

Проезжая через центр Грозного, мы видели небольшие митинги и первые лозунги Народного фронта. Безработица в республике, неустроенность судеб десятков тысяч обездоленных уже начинали показывать свою взрывную силу. Это было время, когда только-только начинала таять монополия КПСС на власть, когда еще не перешли к плюрализму, демократии и многопартийности. Я видел в этом закономерное состояние общества, на миг вырвавшегося из оков тоталитаризма. И не было ничего удивительного в том, что этому состоянию давали имя Свободы. Я не был сторонником митингов. И не хотел, чтобы тема Свободы ассоциировалась с революцией, социальным взрывом. Глядя на митингующих, мне вспомнилась сцена из «Собачьего сердца» Булгакова. 1921 год. Разруха. В старом особняке под дирижерством Швондера хор старух патетически исполняет революционный гимн. Этажом ниже за столом сидят профессор и его ассистент. «Вот вы говорите «разруха». А откуда она, эта разруха? Нет, разруха прежде всего здесь, – профессор показывает на голову. – В наших мыслях. А все остальное – только следствие».

Появились первые многочисленные движения и клубы избирателей, которые вместе с региональными народными фронтами составляли многоцветное политическое панно. Все шло медленно, но верно к развалу, распаду, разорению страны. Переименовывались города, районы, улицы. Грабеж стал называться рэкетом. Маркс и Энгельс стали виноваты в том, что нет мыла. Все было похоже на лето 17-го года, только растянутое во времени. Казалось, из «Авроры» опять кто-нибудь вот-вот пальнет. Какой-то злой гений толкал страну к пропасти, не давал ей опомниться, поражал ее все новыми и новыми ударами...

Когда мы выехали за город, я спросил:

– Как там твоя сельскохозяйственная академия? Ты женился на этой девушке? Как ее...

– Асет. Закончила сельхоз. Занимается агрономией. У нас уже двое детей, – счастливо улыбнулся Али.

– Поздравляю, – сказал я от души. – А теперь расскажи, как там моя тетя Хеди.

– Жива и здорова твоя тетя Хеди. Ушла на пенсию, но продолжает работать. Она и сейчас часто вспоминает тебя.

– Никто не был так добр ко мне, как она, и мы с ней хорошо понимали друг друга. Боже, как часто я ее вспоминал!

– Мы обязательно навестим ее, – сказала Зухра, которая прислушивалась к нашему разговору.

– А меня возьмете с собой? – подала голос Зезаг. – Я тоже хочу познакомиться с тетей Хеди.

– Ну, конечно, дочка, – приласкала ее Зухра. – Ты знаешь, как она обрадуется. Она почти вторая мама твоего отца. А родную он совсем не помнит.

– А новую больницу построили? – спросил он.

– Куда там. Закрыли даже ту, где ты начинал.

– Почему? – спросила Зухра.

– Говорят, был приказ сверху о централизации и закрытии карликовых больниц, вроде нашей. У нас теперь в селе только фельдшерско-акушерский пункт.

Но больше всего меня взволновал рассказ Али о гибели Тасу.

– Я в это время отбывал срок в Науре, – начал Али. – Оказывается, его предали... Предали свои же односельчане, которыми он гордился, к которым тянулся, которых любил и уважал. Позорно и подло предали близкие ему люди, которым он доверился... На сей раз он пришел в родное село совсем недужным, тяжело больным, чтоб только умереть под крышей, среди людей, чтобы кто-то в час отхода у головы прочитал ясин, отходную молитву, обрядил по обычаю, а если удастся, то снес на кладбище и похоронил.

Вместо этого его, больного, умирающего, прогнали. Не хватило у односельчан душевности и теплоты, которых он заслуживал. Оставили его без сочувствия, потеряв человечность. Уязвили, ужалили ядовитыми языками. Старались унижить его славное имя.

«Люди, не гоните меня», – говорил он им, когда на него кричали: «Прочь, прочь, уходи!»

«Не гоните, – повторял он, – я ведь ваш по крови, ваш по религии. Сколько лет я был вашим мстителем... Я мстил за поруганную честь нашего народа...»

Но односельчане, обезумев от панического страха перед КГБ, его предали. Да очистит Аллах его от земных грехов!

Тяжелый груз позора и вины лег в тот день на плечи его односельчан, и не скинуть его уже никогда. Конечно, никакой суд не призовет к ответу, отвечать придется перед своей совестью и перед Всевышним.

Если быть до конца правдивым, здесь надо сказать, что к этому времени многих ему сочувствующих органы успели переселить за Терек, арестовать, а кто остался, находился в большом страхе, одно его имя вызывало содрогание. На него смотрели, как на нечистую силу.

Как бы там ни было, в этот майский ясный день отверженный, а вслед за этим и преданный, ушел он по окольным тропам на край села. Он чувствовал себя всеми покинутым, жалким и несчастным. Слова односельчан сильно задели его, от досады он заскрипел зубами. Он был очень слаб. Колени подламывались, а в сердце стыл лед.

Брел он вперед, натываясь на кусты, на пни и коряги, он цеплялся за ветви, чтобы удержаться на ногах. Но не долгов был его путь. Он не мог дальше идти. Он подошел к оврагу. В овраге журчала речка, меня к себе. И он осторожно, чтобы не упасть, пошел к ней. Выбрал место на берегу, откуда прослеживалась дорога, идущая в село. Опустился на зеленую траву, сразу почувствовал, как расслабилось тело. Буйствовал весна. Вокруг летали майские жуки. Дул легкий, освежающий ветерок. Он ждал темноты. Посмотрел на солнце.

Оно готовилось перевалить за лесистый хребет. Он не спал всю ночь. Глаза слипались, но, боясь окружения, он согнал дремоту, бросив в лицо несколько пригоршней холодной воды. Затем, опираясь на палку, сел на валун, прикрытый кустарником. Все вокруг обливалось синевой под лучами майского теплого солнца и отдавало медовым запахом цветов и цветущих кустарников.

Если внимательно посмотреть со стороны дороги, то можно было увидеть пожилого человека с седыми усами-пиками, с шеи на ремешке свисал бинокль, у пояса болтался кинжал, из-под накинутаго плечи плащ-палатки виднелась боевая винтовка.

О чем он думал в этот момент, неизвестно. Может, он думал над словом «судьба», а может, над двумя позициями, которые именуются Добро и Зло. А может, просто просил Всемогущего скорейшей себе смерти, просил отпустить его прегрешения...

Под тяжестью этих дум он осторожно, с благоговением вытащил из нагрудного кармана куртки свой Коран. Вид у него был как и у хозяина, довольно поношенный.

Шевеля бледными губами, он начал читать нужную ему главу. Вокруг стояла настороженная тишина, если не считать робкий рокот маленькой речки.

Но неожиданно послышался шум мотора, и Тасу заметил, как к оврагу подъехал «УАЗик», а следом целая группа работников милиции. «Илляль азим, не сдайся этим подонкам! – тут же решил Тасу. – Надо срочно бежать в горы. Лучше умереть в пещере».

Он вскочил, словно его ошпарили кипятком, но ноги его уже не слушались. Боль скрутила его. Он лишь с трудом смог спрятаться за кустарник. Болезнь догнала его. Тем временем его быстро оцепили, и сверху начали раздаваться голоса: «Тасу, сдавайся, ты окружен плотным кольцом. Сдавайся, Тасу, сопротивление бесполезно...»

Правда, среди них отсутствовал уже Илья Борисович, который погиб от пули Тасу, когда тот проводил операцию по его задержанию. Он некоторое время молчал, будто все это его не касается, но затем ответил:

– Оставьте меня. Я никому не делал зла. Братья, не идите на поводу у гяуров и безбожников. Я всю жизнь боролся с ними за правду, за справедливость, за поруганные наши обычаи. Будьте разумны. Сколько невинных погубила эта власть. Завтра вы пожалеете, что сегодня были слепы. Я вам не враг. И никогда им не был.

Но это был глас вопиющего в пустыне.

Он заметил, как к нему сзади подкрадываются двое пособников КГБ. Он поднял винтовку над головой и грозно крикнул:

– Стойте! Я вооружен. Ради Аллаха, не подходите ко мне! Мы одной крови, одной религии. Пожалейте своих матерей.

– У меня свои счета с тобой. Теперь я с тебя сниму штаны. Защищайся, если ты мужчина.

Он сразу узнал голос Абуязида, который уже работал вахтером в райотделении КГБ.

Тасу встрепенулся:

– Да будет проклят отец, породивший тебя! – крикнул он и, резко вскинув винтовку, послал пулю туда, откуда исходил его голос.

Абуязид упал, и тело его свалилось в ручей. Рядом упал и второй смельчак. Сверху открыли беспорядочную стрельбу, но желающих идти на верную смерть больше не нашлось.

Тасу решил отбиваться, пока будут патроны и силы. На каждый крик, чтобы он сдался, Тасу отвечал выстрелом и пел: «Ла иллаха иллалах!»

Так продолжалась около двух часов. Когда начало темнеть, подъехала новая партия оперативников. Боясь, что он может уйти под прикрытием ночи, по нему со всех сторон открыли автоматную стрельбу...

Всю ночь никто не релся подойти к нему. Плотное кольцо окружения держали до самого утра, подняв на ноги всех мужчин села.

Наутро его увидели лежащим навзничь на гальке у ручья. Он был мертв. Пули пробили его голову. Даже мертвый, он был им страшен. С опаской смотрели они, как застывшая рука сжимала винтовку. Так погиб Тасу. До конца дней предметом безмерной ненависти Тасу оставался НКВД-МГБ-КГБ.

В народе говорят: как есть счастье жизни, так есть и счастье смерти – умереть спокойно своей смертью, в кругу близких родных. Но бедный Тасу не знал ни счастья жизни, ни счастья смерти..

Будучи в гостях в Урд-Юрте, Зухра вместе с Зезаг находились у матери, а я все вечера проводил у Али. Однажды вечером, когда мы сидели за чаем и неторопливо беседовали о недавнем прошлом, Али вдруг встал, порылся в шкафу и протянул мне письмо.

Письмо было от дяди Ноны из Кишинева, написано оно было два месяца назад. Он просил, если меня нет в районе, разыскать и довести до меня следующую историю:

«Моя племянница Нона, – писал он, – вернулась с Кавказа беременная от местного врача Геннадия Антоновича, но сообщать ему об этом не хотела, потому что знала, что он любит другую.

Роды были тяжелые. Во время родов Нона умерла, а ребенка врачам чудом удалось спасти. Теперь мальчику уже восемь лет. Осенью должен пойти во второй класс. Пока я был здоров, все было хорошо. Теперь, когда я прикован к постели, я боюсь за него. После меня он никому не будет нужен. Помогите найти его отца». И был написан обратный адрес.

Я посмотрел на Али и спросил:

– Ты читал?

Али уклонился от прямого ответа и в свою очередь спросил меня:

– Скажи честно, было у вас что-нибудь такое?

– Было, Али... Однажды вечером...

И я в общих чертах рассказал ему все.

– Поздравляю с сыном, – сказал Али. – Это надо отметить!

– Мой сын? – выражение бурной радости вспыхнуло на моем лице. И я тут же решил: поехать и привезти своего сына домой. От этого решения я наполнился весь радостью и торжеством. Он не должен повторить мою судьбу. Он должен быть со мной.

И тут меня будто ударило током. Я вспомнил про Зухру. А как она отнесется к этому?

Вскоре после этого, когда мы остались одни, я показал ей письмо. Я знал, как человек, как друг, как жена она меня поймет. Она была умна и тактична. За эти восемь лет она стала для меня еще ближе и дороже.

Зухра невесело усмехнулась и сказала:

– Опять шалости твоей молодости? Ну и ну!

– Что будем делать?

– Как что? Поедем в Кишинев за твоим сыном.

– Вместе?

– Да, вместе. Любишь мужа, люби и его сына. Нашей девочке нужен брат.

Я ей был благодарен за то, что она мужественно встретила эту новость...

Валид Докаев**Таинственный приют**

Поэма

Часть 1**I**

У грустной осени краса такая:
 Вот желтый-желтый опадает лист;
 Медведь затих, в берлоге засыпает;
 Холодное скатилось солнце вниз,
 По темным лужам небо разметалось...
 Так умирает все, что нам мечталось:
 Красиво, одиноко и навек!
 Нет, твой приют не здесь, о, Человек!
 Все это – испытанье и забава!
 Но только этот нам отпущен век,
 Как таинство твоей грядущей славы,
 Единый мост, ведущий к переправе.

II

И дни, и люди – все перемешалось:
 Вы – путники случайные мои!
 Мы, все же,
     не случайно повстречались,
 Как день и ночь,
     что дальше катят дни...
 Мы сердцем...
     словом к Тайне прикоснулись.
 Но, может быть,
     еще мы не проснулись?!
 Слепое сердце жадно ловит знак,
 И я не знаю, как случилось так,
 Что, вслушиваясь в каждое мгновенье,
 Я не заметил, где таился враг...
 Без имени, он с самого рожденья
 Ввергал меня в бесплодные сомненья.

III

Сомненья прочь!
 На что я время трачу?
 Я прошлое пытаюсь отпустить.
 Но трудно это все переиначить,
 Когда в руках единственная нить!
 Я задыхаюсь в омуте событий –
 Таинственного прошлого обитель,
 Казалось, состояла из дверей,

И я блуждал без памяти по ней,
 Не в силах больше обрести покоя!
 Что мне поможет избежать сетей?
 О, сердце! Что произошло с тобою?
 Но тихо сердце плакало слепое...

IV

Я пробираюсь в радужное детство,
 Когда казался целым миром дом!
 Чем ты напоишь маленькое сердце,
 С тем ты и остаешься там вдвоем.
 ...Как рано начал я искать обитель,
 Узнав, что я – другого мира житель.
 Я рано понял, что такое смерть,
 И испугался... Может ЭТО – дверь,
 Которую философы искали,
 И мы уходим в эту круговерть,
 Пытаясь избежать своей печали
 Или погибнуть под напором стали?!

V

Но кто на этом свете не боялся?
 Простолюдин, отшельник и король
 Наедине с собою оставался,
 Когда его охватывала боль!
 Но миражи рассеивались сами,
 И что-то в сердце оставалось с нами.
 И власть над плотью обретает страх,
 И пеленой становится в глазах.
 И мы уже, чтоб избежать последствий,
 Боясь идти к своей мечте впотьмах,
 Спешим скорей
     покинуть наше детство...
 Но от самих себя куда нам деться?!

VI

И вот, одно несказанное слово
 Накладывает на уста печать.
 Не остается нам уже другого,
 Как снова от самих себя бежать...
 Недолюбив, недомечтав святого –
 Мы снова стали посохом слепого.
 И юность промелькнула, как стрела!
 Скажи мне, юность, ты куда ушла?
 И оживают образы былого.
 Страна, что только
     волшебством жила,
 Страна любви и радужной надежды!..
 Я чистоты хочу, такой, как прежде...

VII

Но мы считаем этот мир печальный
 Подобием и образом своим.
 И чистоты не зрим первоначальной,
 И потому ты кажешься чужим.
 Так мы любили матерей? Любили??
 А верность мы хранили? Не хранили!!
 Мы почитали, как должны, отцов?
 Не отвечай, не надо громких слов!
 Ответом будет беспокойство наше,
 И омут глаз... Вот почему суров
 Ты с миром, что тебя намного старше...
 ...И слепо мы его проходим маршем.

VIII

Так ты и жил, своею жизнью странной.
 Ну, а потом пришла к тебе любовь.
 Но ты, уже сраженный старой раной,
 Все это видел только через кровь.
 Все было решено уже заранее,
 Ты не увидел благородной тайны,
 Не сохранив того, что нам дано,
 Мы создавать не можем ничего!
 И ты увидел через эту призму,
 Всего лишь отражение свое...
 И потерял и сердце, и отчизну.
 И ты пришел на собственную тризну.

IX

Своим таким печальным пересказом,
 Я утомил тебя, читатель мой.
 Я не назвал тебе героев сразу,
 Но ты уж понял, – это мы с тобой.

Признаюсь, друг мой, я был озадачен,
 Когда узнал, что этот мир утрачен
 В безумном вихре наших миражей!
 Мне надо уходить... Но тем скорей
 Я в страхе, вместо тайного побега,
 Избрал, увы, тенистый рай ветвей,
 И перестал уже искать навеки
 Все, что внутри нас есть от человека.

X

И потому всего лишь два-три слова
 Сумел сказать я про твою любовь!
 Мы ждем от тьмы чего-нибудь иного,
 Но сердце отпускает вновь и вновь
 Одно безумье разочарованья.
 Какая удивительная тайна:
 Что быть могло, но не произошло!
 Все суетой единой унесло.
 И если минет время разговенья,
 Одно лишь это означать могло:
 Запретен плод от дерева забвенья.
 Таков урок и таинство Решенья.

XI

Я не бросаю прошлое в безвестность,
 Но было бы нечестно сожалеть
 О том, что не произошло... Нечестно,
 Встречая утро, о закате петь.
 И если есть нам, что беречь на свете,
 Знать – это то, за что мы все в ответе.
 Я выстрадал и сердцем, и душой
 Все то, что происходит между мной
 И этим миром... Боже, как проснуться,
 Как обрести живительный покой
 И сердцем к сердцу –
     к Тайне прикоснуться?!
 Вот почему пришлось
     назад вернуться!

XII

Мне тягостно кого-то ненавидеть,
 Но трудно всем на свете угодить.
 На зло смотреть так, чтобы не увидеть,
 И сердцу вопреки – не полюбить.
 Но и пророк пророком не рождался!
 Так чем же он от грешных отличался?
 Быть может тем, что он любил врага
 Тем, что от зла... себя оберегал?!
 Тем, что внимал умолкнувшему небу,
 И верная не дрогнула рука,

Когда иные от страстей ослепли,
А лучшие смешали лики с пеплом.

XIII

Однажды я вернулся за собою
И не нашел здесь самого себя.
И было все знакомо мне до боли,
Но в зеркало смотрел уже не я.
Я видел сердце, вырванное напрочь,
За хладным взором этого не спрячешь.
Не спрятать нам невыносимых мук
За скрещенностью отрешенных рук.
Как будто небо не дождалось солнца,
Что не вернулось,
                завершив свой круг...
Как будто здесь чужое сердце бьется,
И призрак мой вовеки не вернется.

Часть 2

XIV

Так жизнь текла :
                все битвы лишь в эфире
Я – наблюдатель, больше ничего!
Не омраченное вторженьем мира
Текло к причалу странствие мое.
И вот однажды треснул мир единый.
И стали вдруг незримее причины,
Толкавшие народы во вражду.
И я спросил: куда меня ведут?
И я увидел пламенные битвы,
Неотвратимо страшную беду...
И цену я тогда узнал молитве...
Как тонко землю связывают нити!

XV

Пророчества безумные всплывали,
И верил люд в бесплодные мечты.
И умирали мы, и убивали,
Как осень, отпустившая листья...
Верны иных пророчеств обещанья!
Но мы их превращаем в предсказанья...
Не в них решенье, –
                в сердце твой удел,
Но ты взглядеться в знаки не посмел.
И вот тебя во тьму ведут обманом,
Слепой не станет уклоняться стрел!
И не туда он сам, слепец, стреляет...
И потому он дважды погибает.

XVI

Но выжил ли я в этой битве вечной?
Куда сумел меня увлечь тиран?
Напился вволю мастер дел заплочных,
Я обречен... От этих тяжких ран
Смог избежать я гибели мгновенной
Лишь по причине Господу известной!..
И я в пустыне оказался вдруг,
В мои глаза, не видя, смотрит друг.
Мы больше этот мир не узнавали.
Казалось, тем же было все вокруг –
Но зеркала уже не отражали
Наш мир,
                ослепший в пламени Печали.

XVII

Я помню эту девочку... Амира
Пыталась спрятать голову от бомб.
Она узнала, что границы мира
Намного больше, чем дрожащий дом.
Пятнадцать лет прошло
                со дней кровавых.
Забыли всех: и правых, и неправых.
И на ее лице не вижу я
Хотя бы отблеск прожитого дня!
Но рок судьбы все время был с тобою!
Вот Украина в пламени огня,
И кличут снова:
                «К бою! К бою! К бою!»
Как будто ты и не был сам собою...

Сердце чувствует человека

Не болею, но тяжело бремя
Оброненной листвы рук!
Отстучали часы мне время:
Миг надежды и вечность мук.

Стук часов, словно шорох снега,
Приближающихся шагов.
Сердце чувствует человека,
А душа – только стук часов.

Я один на моей планете,
И один лишь незванный гость...
Только я не могу ответить,
Словно в горле застряла кость.

Благодарен за все, что было!
И врагу не желаю зла!

Дай вам бог, чтобы вновь любилось,
Дай вам Бог, не сгореть дотла!!

Отыщу на границе света
Грозный отблеск грядущей тьмы.
Лишь одно может быть ответом
Тьме: короткое слово «мы»!

Не болею, но тяжело бремя
Оброненной листвы рук!
Отстучали часы мне время:
Миг надежды и вечность мук.

Стук часов, словно шорох снега,
Приближающихся шагов.
Сердце чувствует человека,
А душа – только стук часов.

До последнего буду с вами,
Вопреки и себе, и вам!
...И дрожит на доспехах знамя
То, что Вечность вручила нам.

Исчезло небо в мареве жары...

Смотрю на небо,
чтоб чуть-чуть отвлечься.
Читаю знаки неба и земли.
В моей душе уже погасли свечи,
Но никогда не опущу я плечи...
Вовек глаза не отпущу твои...

Исчезло небо в мареве жары...
Что мне жара? – Я далеко отсюда!

Судьбы невыносимые дары
Я с радостью впитал шемящей грудью.
Что этот мир? Я – далеко отсюда...

Что я такое? Я не знаю, что Я!
Откуда в этом сердце столько сил?!
Я не рожден для счастья и покоя!
Я это все давно в себе носил,
Взлелеянное грезами Героя!

Читаю знаки неба и земли...

И плакать – до скончания дней

Доверь мне тайны мироздания...
Верни мне счастье всех людей!
Я буду плакать их Страданьем,
И плакать – до скончания дней!

Отдай мне горе матерей...
Неутоленные желанья...
Ключи от запертых дверей...
Верни мне нежные признанья...

И сердца моего метель
Пусть закружит над мирозданьем!
И слезы бедной Ирреэль
Пусть нам послужит оправданьем!

Верни мне счастье всех людей!
Я буду плакать их Страданьем!
И плакать – до скончания дней!

***

Покажи мне дома, те, в которых находится счастье!?
Покажи мне лицо, не укрытое траурной маской!?

Покажи мне часть неба, того лишь, куда не смотрели с тоской!?
Покажи мне того, кто навеки хотел бы остаться с тобой!?

Сосчитай мне упавшие листья, писавшие летопись лета...
Посчитай мне удары сердец, тех, что бились на миг в унисон!

Покажи напоследок лицо мне последнего Воина света.
Покажи мне того, кто лишь к сердцу разбитому шел на поклон!

Сохрани мне хрустальную вазу разбитого сердца...
Покажи мне безумье любви, о которое могут согреться.

Юсупов Султан

Цетуха луо соьга

Дийцар

Хей, маржа дуьне! Цетуху луо соьга – ас тѳулгах суй боккхур бу. Дош ло соьга – ас лалор бу тѳулг! – иштта мохь тоьхнна дѳайолийра илланчас шен назма.

Цуьнга элира: хан кхаьчна! Ткъа цо ойла йира: ма жима берд у-кха хИнца а сан Иайнди.

Цуьнга юха а элира: хан кхаьчна, воккха хила хьан кѳант!

Иза сахиллалц Ийра цуьнан гѳевлангахь хиьна, ткъа Іуьйранна, шен дог а чагІдина, пенах кхозу шаьлта схьа а эцна, дѳакховдийра цо:

– Новкъа вала.

Иза вахара.

Саьккал чохь ламаз деш вара воккха стаг. Ша ваьлча, чувеанчуьнга дѳахьаьжира иза. Доллучух кхийтира. Тѳаккха элира:

– Дукха хан ю ас хьобга ладобгІу.

Иайндис жоп ца делира.

– Со хИнца къанвелла, – бохура воккхачу стага, – хьуна со мацца карийна а карор вара. Цундела кхуззахь, эвлахь, сайна бен тарбира ас.

Саьккал чохь йоІ яра.

– Заира,– элира цо. – Яло, лулахошка гІуо. Со волчохь бехке хьаша ву.

ЙоІ араелира.

– Къеначу берзан цергаш охьаэгна, – кхидІа а дуйцура воккхачу стага. – Амма къеначу барзо цѳобкъалоьман мѳарашна юкъахь шен садоккхуйтур ду де-дийно лечкъаш, бус-буса, чангІалкх сана, цѳийзаш лелачул.

Иайнди вист ца хуьлура.

– Хьем ма бе,– элира воккхачу стага. Тѳаккха тѳечевхира: – Хьо хІун деш лаьтга? Я ца хІоттало? Я цѳобкъалоьман доьзалехь пхьагал кхиьна? Хьан да Нохчийчохь цѳеяххана динбере вара. Амма ас иза вийра, цо сан деваша вийна дела.

Иайнди вист ца хуьлура.

– ХІа-ан! Яхь-бехко ца вуьту хьо гІорасизчу воккхачу стагана тІе куьг айа! Делахь-хІета, ас хоуйтур ду хьуна, кІеза, багахь цергаш йоцчу берзан хИнца а кІомсарш йисанийла!

Шаьлтанх ка а тухуш, Иайндина тѳекхоссавелира иза. Цуьнгара шаьлта схьа а яьккхина, иза юьстах а кхоьссина, саьккал чуьра аравелира жима стаг.

– КІилло! – хьедара цунна тІаьхьа. – КІилло!

НеІсагІехь яра Заира.

– Къонаха! – элира цо. Дикка лаьттира иза цунна тІаьхьа хьобжуш.

Ткъа эвлахь...

– ЦІа вирзина хьан кѳант, – элира.

– КІилло ву хьан кѳант,– элира.

Наб кхетга Іуьллчу кѳантана юххе а хиьна, йоблхуш са хилийтира нанас. Ткъа Іуьйранна, баха а баькхина, цара юха а: «Хан кхаьчна!» – аьлча, цо самаваьккхира кѳант.

– ЦІий кхойкху, – элиа цо. – Ас хьарамбо хьуна баййна сайн накха – вало, дѳадекха. Ненан неІалт Іаьржа беза мохь хилла хьаьрчар ду хьох, ахь чІир ца екхахь. Хьобга болчу безамах дуьзначу сан даг чохь цабезам карор бу хьуна, нагахь ахь чІир ца екхахь.

Шаьлта юкъах а йихкина, аравелира кѳант.

Цунна юха а гира тохарлерра йоІ.

– Хьо сан да виэн вогIуш ву! – цIогIанца цуьнан когашка юьйжира иза.

Цуьнан кIажарш ченала ийгира, ткъа бIаьргашна чохь бIаьрхиш къегира. Иайндис хъалагIаттийра Заира, дакъийра бIаьрхиш.

– Миска Заира! – иза а аьлла, шен новкъа дIавахара кIант. ТIаккха Заира кхийтира: иза лаьмнашка воьдуш вара.

Лаьмнаш – дегнаш санна ду. Цигахь ду мокхаза чIогIа чхернаш а, ховхаюькъта сийна хъаннаш а; цигахь аьрзу а ека, месала нана-кхокха а шен кIорнешка кхойкху. Цигахь мекара цIокъ а, гIорасиз лу а ду; цигахь зарзариин эшарш а, чангIалкхийн узамаш а хеза.

Иайнди веара гIаш оьгучу хенахь. Иштта оцу можачу гIашца седарчий а оьгура. Цъядерш чIогIа сиха, чIогIа сиха, бIаьрнегIар тоха а кхиавале, дIадовра, вуьйш, дашочу тайн уйригах керчара. Оцу хенахь буйьса бархат санна хуьлу, ткъа дийнахь эсала малх къега.

Ткъа цъхана дийнахь шена юххехь Заира гира цунна.

– Хьо хIунда еана? Хьох ган тарло.

– Ткъа хьо хIунда лечкъа?

– Нанас неIалт кхайкхийна суна.

– Сан а яц нана.

– ДоттагIаша букъ берзийна суна.

– Делахь хъан хилла а бац доттагIий.

– Ерриге эвла а ю сох кхаьрдаш.

– Деший – деший хилла дуьсур ду, мел боьха диларш цунна тIейоттарх а. Хьо царел веза-лекха ву. Хьо массарел дог цIена ву. Цъха а стаг вац ахь шена хьалха корта охьабахийта. Вассахьа аренга.

– Жима, хьекъале Заира! Хала ду Iадаташна дуьхьала гIаьттинчунна. Со цъхан-цъхъаь ву.

– Иайнди, со еана хьобга дIаала: хьюо шелвелча, Заира дагалацалахь – вохлур ву хьо; хъайн сагатделча, Заира дагалацалахь, тIаккха байлур бу хъан бала. Седарчий оьгучу хенахь, «Заира!» алалахь, тIаккха цъхан хир вац хьо.

– Заира, Заира...

ТIаккха Иайнда эвла веара.

Беламе тIелецира иза. Элира: «Аьрзонан бен чохь хьоза кхиьна!»

Ур-аттала, зударий а хъала ца гIуьттура цунна, иза юххешшхула тIехволуш. Мехкарша ца лечкъайора шайн яххъаш – эхь хета меттиг бац кIиллох. Баккхийчу наха тIаьхъа туйнаш кхуйьсура.

Амма Иайнди курра корта а айбина лелара. Массарна юьхьдуххьал дIа а хьобжура. Ткъа нах цунах ца кхетара. Стенах дозалла дийр ду шен мостагIчуьнца цъхана эвлахь вехаш волчу стага? Лурхочун йоIа куьг а лаьцна эвла валийначу стага?..

Илланчас кхидIа а дуьйцура:

– Заирин кIеда-зевне аз а, кIеда куьйгаш а ду. Заирин, ткъесийн буйьса санна, Iаьржа кIажарш а, стеш санна, догуш балдаш а ду. Ткъа бIаьргашна чохь – ламанан шовда, шовданна бухахь – маьлхан зIаьнарш.

Иайндис Iаьржачу буса вогIий а хьобстура иза, седарчийн буса вогIий а хьобстура иза. Бетган буса вогIий а хьобстура иза.

– ЛадогIахъа, хьомсара Заира, ладогIахъа, – бохура цо. – Илли хилла хъан кIажарех вуцалур ву со, Заира. Туьйра хилла вуьжур ву хъан бIаьргашна чу, сан деган ерриге аьхналла хъуна ю, Заира. Хьо ду сан ирс!

– Веза хьо хъан ирсана, – элира цо.

– Хьох вогу со. Хъуна гечдийр дац соьца цъхъанкхетарш. ДIагIо вай лаьмнашка?

– Дас хIумма дийр дац. Цунна дукхаеза со. Ткъа кхин тхан стагга а вац.

– Хьох вогу со. Дайн Iадаташна къинхетам бовзац...

Иза нана йолчу вахара.

– Елла яла со дела! Шуьшиь хъакъ дера ду вовшашна, – тийжамаш бан йолаелира иза. – Цъха а хIума дац шуна сийлахь-деза.

– Безам бу иза, нана.

– Заира бахъанехъ дицдина ахъ дайн Иедал. Заира бахъанехъ стаглара волушву хьо. Шаьлтанал деза ду кьонахчун яхъ-бехк. Кьонахчун дозалло кхардам ца лов. Дедайн киллолла – тлаьхьенна эхъ ду. Емалвеш иллеш дохур ду хьох юьртахоша. Тпекхаьчча доттагIчо букъ берзор бу хьуна. Массара неIалт кхайкхор ду хьуна. Вайн тайпанан эхъ хилла вехар ву хьо.

– Ахъ хIунда, ахъ хIунда кхайкхачо суна неIалт, нана? Массабрга а дIататгийтахъ со, ткъа хьо-х сан нана ю. Хьо кьежьелла, гIайгIа-баланахъ хебаршца бижина хьан юьхъ тIе, нана. Хьуна-м ма ца лавий хьайн кIант, стаг а вийна, лурволийта, цуьнан кийрахъ Iабржа кьизалла гIатто? Цуьнан шаьлта батта тIекхачалц цIийх юзийла? Миска сан нана, хIун хир ду хьан безамал ницкъ болуш?

– ЦIийна хьалха декхар. Далла хьалха кхерам.

...Нуьречу ткъесо сиз даьхьира Iабржачу стиглан йистах. Лазар туьйхира даг чу. Цхьамма корах пIелг туьйхира.

– Дохко вер ву хьо! Воьлхур ву хьо! Хьо волчу лестар бахъанехъ дас йийна Заира...

– ЭхIей, маржа дуйне яI! Цетуху луо соьга – ас тIулгах суй боккхур бу. Дош луо соьга, ас лалор бу тIулг, – иштта мохъ туьйхира илланчас.

Баьстенан арахъ дашочу петIаматан корта охьатаIийра мохо, – петIаматийн аренгахула кхерстинчу йилбазмохо, Заирин цIий санна, цIен пардош охьадаьхнера. Боккхачу балано илланчин корта кера божийра. Илланчин пIелгаш пондаран мерзех дIахьакхалушшехъ, сов дера оьгIазе илли, аренна тIоьхула гIаьттина, аьрзунаш хьийзачу кIоргачу стигла хьалакхерстира.

– Заира? ХIунда йий? ХIунда йий Заира?

– КIажарех дуьйцина илли бахъанехъ.

– Iабржа буьйсанахъ бахъанехъ, бетгасин буьйсанахъ бахъанехъ, седарчийн буьйсанахъ бахъанехъ.

– Цунна хьо везар бахъанехъ.

– Цунна маьрша хила лаарна, аьрха мох санна, ламанан чехка хиш санна, кура ирс санна.

Иштта, олхазаран жимачу кIорнис, дорцалахъ гIоттий, цу инзар Iаламатехъ шен тIемаш зуй-кха.

– Иштта, зарзаран хьалхара аьхна йиш, кьинхетам боцуш эхано шен мIарашна юкьахъ Iовду-кха.

Элира:

– Дайн Иедал ца ларди, бекхам эца беда. – Берриге кIиллой, духьала цхьа дош а ца олуш, цунна тIетайра.

Ткъа иза, йоI шен кера а эцна, лаьмнашка дIавахара. Иза вист ца хуьлура. Дист ца хуьлура цунна тIаьхьа догIу адамаш а.

Бешерийн акхтаргаша шайн генаш-куьйгаш Iайндин маьхьарна тIе охьохкийра. Кьобьжачу Арзуламо бIабргашна дуьхьала уьйзира Iабржачу мархин ковращ. Малх кьайлабелира – дукха сирла кхеттера иза. Хьун а дIатийра, ойланашка девлира чхернаш а. Селла а беда бара церан мохъ...

Нохчийн матте годинарг

ШАЙХИЕВ Iалвади

Гочдар

Пушкин Александр

Гочдархочун дош

Гочдархочун болх, мел нуьцкыла бу хуур дац, цкѣа гоч ца динехъ. Пушкина ма- аллара: «Кхолларалла – 1% синглаттам бу, ткѣа 99% - кѣинхъегам бу». Изза ду гочдархочун болх а. Цѣа дика ду хIораннан шен йиш йолуш муьлхха а говзар гочѣян.

ХIара гочдар исбаъхъачу гочдаран лакхе ю ца боху ас. Амма хIара гочдар и тайпа лакхе хилча а, кхунах кхаъ хир бацара вайх цѣаболчарна. Стенна аьлча, чулацам, кIорге йолчу нохчийн маттана вай вуно хийра ду. Вай тахана нохчийн маттахъ до кѣамелаиш ойланна чIогIа кѣовзийна ду. Цундела вайн маттахъ ойланна чолхе меттиг нислахъ, вай сиха духу, атта юхадовлу.

Суна кѣавсттина мехала ду кхечу маттера тоьлла говзар нохчийн матте яккхар. Гочдархоша хазанеха санна марса боккху карара мотт, ткѣа иштта самабоккху, денбо бицбина мотт.

Нохчийн мотт таро йолуш, онда мотт бу. Вайн цIе цуьнца йовзна ю. Амма вай цунах хадахъ, вай, дийна доллушехъ, дела карор ду. Дала кхетам кIаргабойла вайн! Дала дашар лойла вайна вайн маттах!

Евгений Онегин

Роман байташкахъ

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tire d'une lettre particulière¹

Дог доцуш Iехо кура нах, хьуна,
ДоттагIийн теро езна а сайна,
Со воллу гIуллакх довзийта тайна,
Дерг чIогIа герга, мехала суна.
Герга дерг, дицдеш исбаъхъа са а,
Ткѣа кхочуш хилла сатийсам-хьулам,
Байталла² дийна, са цIена башха –
Ойланыйн лакхе, атталин гулам.
Ткѣа дерг тIелаций,
бIаьрг тохий говза,
Беламе ах а, гIайгIане ах а
Къорза мор коьртийн шу беша хьовса,
Кхето берг атта, кхето берг хала;
Забаре стом берг ловзарыйн дай сан,
Ткѣа набазалиийн,
синглаттамыйн³ а,

Хьекъало шийла диначу изсан,
Иддачу шерийн синIаткѣамыйн а,
Ткѣа дагна, лазош, йиначу хьобкхнан,
[Кхолламо цунна хIост⁴
тоьхна бобха]⁵.

Хьалхара корта

Вахарна и – чехка,
хаарна и кхехка.
Эл. Вавземский

I

«Тхан ваши, дерриг низамца дийриг,
Цамгарна мацца кIелвисча ша,
ХIобттира кхайкха шеца чохъ Iийриг,
Цул чIогIа таIзар дан доцуш цѣа.
И тайпа масал – кхечарна барам,
Ва, веза Дела, ма бала-ларам
Цомгашниг ларвеш, дезар ладегIа,
Виллина хилла лай цуьнан дегIан.
Вайн гуьнахъ хIума цахилар иза –
Ах са чохъ Iуьллург
хьестар болх кѣиза,
Юкъ-кара нисба мотт-гIайба цуьнан,
Ткѣа молха мало, дакъо хъаж тIуьна,
Са доккхуш доккха, ша шега баха,
Шех бала бина, цѣа да ма ваха!»

¹ «Ас-со бохург чIогIа хилла ца Iаш, цуьнгахъ яра цѣа шатайпа куралла, йиш йийриг цѣагерра бе-башха ца хеташ дийца шен дика а, ткѣа иштта вуо а лиеларш – тIаьхъало ша лекха лоручу синхааман, моттаргIа хила а тарлучу. Нехан кехата юкъара (фр.)

² Поэзи.

³ Кхоллараллина болу шовкъ-лаам.

⁴ МухIар, билгало.

⁵ Пушкинан дешьбалхехъ оригиналехъ берхIитталгIа могIа бац.

II

Цу дагахь ма вара жимха,
 Поштанца схъавоглу сиха,
 Лаамца везачу Зевсан
 Висинарг дIакхехъа ден цIа.
 Луьдмилин, Русланан хъеший!
 Бакъо ло вовзийта шайна,
 Кхи лергах ца дохуш мехий,
 Турпалхо романан тайна.
 Онегин, ца вевза минех,
 Невана ма вина уллехъ,
 Хьо цигахь виний-те, хъенех,
 Я лелла, бIаьрг бетташ, юххехъ?
 Цкъа мацца со ихи цига,
 Ткъа невре¹ яц суна дика.

III

Иедалан болх шен оьзда бина,
 Цуьнан дас лург вахар къастий,
 Шарахь кхузза той² деш гина,
 Эхар бахам цо шен ластий.
 Кхолламо Евгений ларви:
 Цкъа Iу цуьнан Madame Iйра,
 TIаккха ха дан Monsieur карви,
 Бер ловзарна дара тIера.
 Миска францо L'Abbe, гора!
 Цо ма бора ларам беран:
 Iамадора, лардеш гIора,
 Хъехамаш ца бора дера,
 Дов а цунна лорий дора,
 Уьш Аьжкенан беша гIуора.

IV

Ткъа хан кхаьчча вала новкъа,
 Къоналла тIееьна аьрха, –
 Мур гIайгIане, сирла, ховха,
 Monsieur вити, шуна, маьрша.
 ХIинца ву Онегин шена,
 Лергина гIиллакхехъ хенан,
 Dandy³ санна ша кечвелла,
 Схъаго дуьне деладелла.
 Францойн мотт цо буйцу шера,
 Язьярна цу маттахъ – къера;
 Цо мазуралг⁴ хелхар до,
 Корта саттош, бIаьца йо.

¹ Къилбаседе.

² Россин дахарехъ хиллачу бал бохучу синкъераман маьIнехъ.

³ Лондонера нукурса.

⁴ Хелхаран тайпа.

⁵ Могуш хуьлда (лат.).

⁶ ДIаяхана зама, хIистори.

⁷ Экономхо.

⁸ ХIума чIогIа охкур.

Кхи хIун оьшу? Наха, тешна,
 Стаг и лери хьоме, дешна.

V

Вай массара, бац и хъастам,
 Илма Iамош, дийши мацца,
 Ткъа хаарна, Далла – хастам,
 Ду вайн дало масал цкъацкъа.
 Ткъа Онегин – даре нехан,
 (Къамел цкъа ца дечу деха)
 Вара меллаь Iилманча,
 Дашна говза хIилланча:
 Шен къамелехъ, тосуш тай,
 Цо хъадора дерриг дай,
 Гойтуш Iилма хилар шегяхъ,
 Хууш Iан тагъаьлла, эшахъ,
 Ткъа мехкарий белаба,
 Байташ язъеш эсала.

VI

Буо бу мотт латинхойн шира,
 Ткъа дерг дийчича вай баккъал,
 Цунна хаар и мотт ира,
 Эпиграфийн маьIна даллал,
 Ювенал цхъа атта вийцал,
 Кехат дерзош, vale⁵ диллал,
 Энеидан ешшал ехха
 Ши байт, таслуш наггахъ гIеххъа.
 Дацар цуьнан дог а, хан
 Кего маргIалин⁶ и чан –
 Шира дийцарш, кхи берш тIера,
 Дара цунна генахъ, хийра;
 Ткъа забарш, Ромулах схъа,
 Цо ма йора атта цхъа.

VII

Башха шовкъ а йоцуш шеца,
 Дахар аьзнашна дIахеца,
 Цо ямб, хорей цхъаь ма йора,
 Хъехарш мел дарх нис ца лора.
 Ларац Гомер, Феокрит,
 Ткъа воьшура Адам Смит,
 Волуш воккха тIаламхо⁷
 Долчу хьолан ахкамхо⁸ –
 Пачхьалкх сте йо пачхьалкх, хьуна,

Стенна еха, стенна цунна
 Эшац цкъа а деши, ала,
 Иштта сурсат¹ делахь дала.
 И дас кхета ма ца вора,
 Латта ваттана² цо лора.

VIII

Дерриг хуург Евгенийна
 Со ца хIутту дийца, хьуна,
 Цхьаь ду аса кхоччуш зийна,
 Коьрта Iилма дериг цунна,
 Iилма, хуург цунна дика,
 И гIиртинарг ма-дду тига,
 Денна Iамош, йоцуш хало,
 Йоцуш цкъа а шеца мало.
 Iилма зеран некъаш ховха
 Назона йийцинчу шовкъан,
 И бахъанехь, бала лайна,
 Ша шен зама, аьрха, тайна,
 Кхачийнарг Молдавехь бенахь,
 Тесна шен Итали генахь.

IX

X

Шалхаллах тIех кхии иза,
 Лаам хьулба, гIийрат³ къиза,
 Шега верзо, къарва атта,
 Кхулу кеп ян, холча латта,
 Кура хила, хила тIера,
 Тидаме я башха хийра,
 Цкъа хьекъале, тийна, Iан,
 Цкъа, ша кхехкаш, къамел дан;
 Безам балхош, хила гена,
 Ткъа цхьаь дезна, вогуш цхьаьнца,
 Хууш вицва ша а шена;
 Маса бIаьрца, аьхна бIаьрца,
 Эхье, аьрха, ткъа гуш цкъацкъа
 БIаьрхи лепош дола дарца!

XI

И кхи хила гIертар гарца,
 ХIитто сурт ца кхета, тов,
 Хьожуш кхеро бIарзваларца,
 Хеставарца кIадва сов,
 Качваларан минот лаца,
 Кьоналлин эс аьшнашда,

Хьекъал, шовкъ а хIиттош яца,
 Везар деза, доцург къа,
 ДоIа, дов деш, биъха ларам,
 Бовза хууш деган хам,
 Безам лаха, боцуш барам,
 Мацца баккха цуьнан чам...
 ТIаьхьа, ехна ирахь латта,
 Тийналлехь барт цхьаьнга хатта!

XII

Хьалха Iемира и хьаба
 И йозанан мехкарий!
 Шена хIилланца тIекIаба
 Шен къовсархой-вежарий,
 Амма тIаьхьа дашца баго,
 Лахба уьш нисбелча агIо!
 Шун майранаш, шеко йоцурш,
 Цуьнца дара юкъ-уьйр йолуш:
 Шовкъан некъех дика кхетарг,
 Верг Фобласан дешархо;
 Къано, массо ямарт хетарг,
 Кур шен боккха сеттархо,
 Реза верг даима шена,
 Шен эмана⁴ шен делкъена.

XIII

XIV

XV

Цунна набарх воллушехь
 Дохьур хьобкхнаш⁵ шуьна тIехь.
 Гулам – царьгахь, гулам – кхаьргахь,
 Кхо синкъерам ма бу гергахь:
 Кхузахь – той,
                                 ткъа цигахь – цIай⁶
 Стенга вахар гIоли, хIай!
 Массанхьа а – къамел дац, -
 Массо метте кхочур вац.
 ХIинца тIехь – Iуьйренан хIума,
 Коьртахь – шуьйра боливар,
 И булваре вьоду, шуна,
 Цигахь, некъ беш, дан цхьа Iар,
 Тоххалц сема бергет цкъа,
 И дIакхойкхуш делкъе ян.

¹ Iаламехь стагана йохка кийчча карайо хIума: чIара, хи и.кх.дI.

² Бол, са хир йолуш, цхьана ханна кхечуьнга лело дала (аренда-на).

³ Къиза, луьра шеко кхечуьнан безамах, тешамах.

⁴ Зудчунна.

⁵ Кехатан кийсигаш цхьацца хIума тIеяздина.

⁶ Деза де, Iийд.

XVI

Арахъ 1аьржа: салаз кийча.
 Мохъ ма болу: «Лалла, же!»
 Вьду иза, буьллуш хыйза
 Дато цу шен коча т1е.
 Talon волчу – иза, хууш
 Бухахъ вуй Каверин дууш.
 И чувели, ткъа т1ус – ирха,
 Т1айра чаг1аран ду сиха;
 Хьалха – roast-beef, ц1ий шех доьлла,
 Ял къоналлин – трупфлеш юххехъ –
 Францойн кухнин кхача тоьлла,
 Дал Страсбурган энаюккъехъ,
 Гуш Ламбурган нехча сехъа,
 Дашо ананас а дехъа.

XVII

Хьогалло кад буьзна хьобху,
 Яйа мохъ котлетийн йовха,
 Амма бергет бека ховха, –
 Керла балет ган цо вьбуху.
 Театрана вуно т1ера,
 Безарг и аьктрисаш дукха,
 Верг лаамза царна хийра,
 Верг кулисийн хьаша мукъа,
 Онегин театре ведда,
 Цигахъ х1орра ма ву маьрша,
 Лахъя entreechat¹ а аьрха,
 Къоръя Клеопатра, Федра,
 Ткъа Моина тоьхна мохъ,
 Кхайкха, гойтуш ша вуй чохъ.

XVIII

Башха меттиг! Цигахъ хьалха,
 Верг сатиран ша да цхьалха,
 Маьрша стаг Фонвизин лаьтти,
 Дерг схьалоцург Кнаьжнин г1аьтти;
 Цигахъ Озеровс ма дийкъи
 Халкъан б1аьрхиш, цуьнан ловца
 Къоначу Семьноваца;
 Ткъа Катенинс, дендеш, дийци
 Цу Корнелин пох1ма сийлахъ;
 Цигахъ Шаховской а ира,
 Шен комедеш х1иттош, гира,
 Дидло г1аравели цигахъ,
 Цигахъ бухахъ кулисийн
 Къона денош сан диси.

XIX

Сан х1урла1аш! Шу ду стенгахъ?
 Аз сан хаза, делахъ гергахъ.

Шу дерш дуй-те? Аш дерг дийца.
 Я шу хийци, ца луш хийца?
 Хьобстур дуй-те аш лерг сан?
 Оьрсийн Терпсихорин са,
 Т1ема даьлла, гур дац-техъа?
 Я б1аьргашна сурт гур къе цхъа?
 Бевзарш боцуш, исцен – г1ийла,
 Iехаелла лорнет шийла
 Хьежош мела нахе аса,
 Доцуш цаьрца цхъа а хьа-са,
 Висна синош даха сайн,
 Дагаловьцуш зама вайн.

XX

Ткъа театрехъ ложеш къега;
 Гуш партер, хоййлаш кхехка,
 Ткъа д1о лакхахъ т1араш сега,
 Хьала дахна, пардо техка.
 Т1ера лепаш, ах цу х1онан,
 Лай башхачу Iодан ша,
 Юккъехъ йолуш нимфийн гонан,
 Истомина лаьтта цхъа;
 Цхъа ког ц1енкъахъ, доцуш дола,
 Цхъа ког г1ийла хыйзабо,
 Эццахъ – ирха, т1ема йолу –
 До Эолас идадо;
 Юкъ т1екхета, къаьста т1етт1а,
 Маса ког цо когах биэтта.

XXI

Куьйгийн г1ар. Онегин чу,
 И хоййлех, когех чекх,
 Шалха лорнет – тухуш ву
 Б1аьрг хазачу эманех;
 Толлу ерриг ярусаш)²,
 Толлу яххьаш, ткъа духарш,
 Схьагург ч1ог1а ца товш го,
 Цо божаршка салам ло,
 Т1аккха вьрзу исцене,
 Цуьнга хьожу сакх, терге,
 Ткъа, букъ тухуш, доккху са,
 Олуш: «Лаам хийца сан
 Массо. Т1ех балеташ гина,
 И Дидло а к1ордавина.»

XXII

И амураш, шайт1анаш...
 Г1овг1а еш ду исценехъ;
 И к1адбелла лайш бу1аш,
 Набарш еш шайн кетарш т1ехъ;
 Ткъа театрехъ биэтта когаш,

¹ Кхоссадалар (фр.).

² Театран чуьра г1атташ.

Йиэтта шакарш, тIараш, йовхарш;
 Арахь, чохь а – массо меттехь
 Стогарш догу, сирла летта;
 Хебна говраш егало,
 КIордадина бухкарш шайн,
 Кучерш¹ цIераш ягош го,
 Шайлахь балхош хьоладай,
 Ткъа Онегин цIехьа юха,
 Шена тIе кхи духар духа.

XXIII

Дилла хала сурт ду иза –
 Кабинетан нацкъарчу,
 Цу чохь моданан лай къиза,
 Йоьхна, йоцуш, йоьхна ву.
 Дагая мел тарлург тайна,
 ЧIичI Лондоно юхкурт вайна,
 Балгийца схьакхуьйлуш сехьа,
 Хьун а, дум дIакхуьйлуш дехьа,
 Ткъа Парижо – чам – тIех меца –
 Йийриг механа ша еза,
 Йийриг ловзаршна ша яйа,
 Бахам стамба, мода айа, –
 И ерриг чохь йолуш баьрччехь –
 Философ – берхIитта кхаьчча.

XXIV

ЧIиж тIехь луьллеш, айа хала,
 Шуьна тIехь ду йоьза, мрамар,
 Аьгна балур дуьзна хьала –
 Хьал кочачу нехан – IатIар;
 Яхкаш, кевнаш андан тайна,
 Тукарш гома, тукарш нийса,
 Карсалгаш² цхьа ткъе итт тайпа,
 МаIаршна, цергашна йина.
 Руссо, ала, говза дашна
 Довхо. Ца кхийтира и-м
 Вахьарх хIотта веза Грим
 Шена хьалха маIарш цIанья.
 Гу – маршонан, бакьонийн,
 Кхузахь, бакь а воцуш, лий.

XXV

Хьакь стаг хила тарло иза,
 МаIарш куьцехь кхобург шен,
 Ламаст ду вайн баьчча къиза, –

Хила хьакь дерг, наггахь – зе.
 Евгений – Чадаев шолгIа –
 Нехан арз цадезарг чIогIа,
 Педант³ вара духарца,
 Нукурсак-франт бухца схьа.
 Цо дойура кхо сахьт тIех а,
 Куьзганашна хьалха тийна,
 Кечволийлехь⁴ воллий вехха,
 Кхочур – ша Венера дийна! –
 ХIурлаI – духар божарийн –
 Маскараде сиха и.

XXVI

Ткъа духаран кхаь-кепехь,
 Шун бIаьрг хьогург, гича тIехь,
 Барзакь цуьнан йиш сан дийца,
 Пхьор луш Iилманчашна кьийса;
 И хир дара майра хьехар,
 Ткъа дерг дийца ву со декхар:
 Панталонаш, фрак, жилет а...
 Оьрсийн дешнаш уьш ма дац-кха;
 Со ву къера, дерг го суна,
 Сан дешалг⁵ ерг беркъа, хьуна,
 Кьорза гур ма яцар дукха,
 Нехан дешнаш деьна юкъа...
 Хийла, хийла аса кегий
 Вайн дешналгIа⁶ академийн.

XXVII

ХIинца кхи ду дагахь вайна:
 ГIур ду вай ган той-бал тайна,
 Цига, ямхойн⁷ гIудалкх эцна,
 Сан Онегин ваха, хецна.
 Схьагуш цIенош, чиркх ца богу,
 Ткъа урамаш, наб а йогIу,
 Шалха стогарш каретийн,
 Сирла летта, вовших ий,
 Лай тIехь ловзош сизалгаш⁸;
 Кьуьданашлахь берриг гуо,
 Лепа башха цхьа цIено,
 Корехь лела IиндагIаш,
 Уьду кортош хьенехийн –
 Нукурсакийн, эманийн.

¹ Вордахочун тайпа.

² Бедар цIанийо мерз-чо болу гIирс.

³ Ша дийриг тIех лерина дийриг.

⁴ Духар духу, дегIана цIано йо чохь.

⁵ Дешан дакъа.

⁶ Элпийн рогIехь нисдина дешнаш туьду жарга (книга).

⁷ Вордахочун тайпа

⁸ Йоца асанаш.

XXVIII

Учех вели турпал вайн,
Шипцарна тлехтили и,
Мармарх ламех вели вай,
Месаш хъала цо хъабкхи,
Ткъа и – зале. Цигахь – адам;
Мукъам хл'обттина бан къадам;
Нах мазуралг тайна бу,
Гондла гловгла, гатте ю;
Эткийн цхъамзалгаш ма ека,
Когаш эманийн ма уьду,
Уьш гуш, б'аьргаш, летта, къега, -
Когийн д'а-схъа цара туьду,
Гад-пондарийн белхам беца –
Шек зударийн лер ца хеза.

XXIX

Ткъа со волуш къона, аьрха,
Ловзар дара совгла т суна,
Меттиг ма яц цул а маьрша,
Дийца дог я язья, хъуна.
Х'ей, шу, сийлахь майранаш!
Сан хъехам д'алаца аш;
Оьшу ма'лна цуьнан диэ,
Шу шайн лергаш дуйлий те.
Х'ей, шу, наной, хиларш мела,
Мехкарий ма бита шайна,
Нийса кхаба лорнет тайна!
Вуьшта...вуьшта, гуш ву Дела!
Атта суна х'лара дийца,
Ох'ла вац йол'ядо х'инца.

XXX

Садаларшна волуш мукъа,
Аса хан ма яйи дукха!
Нах дерг дита хилча хууш,
Со гур вара ловзарш дууш.
Жималла тов суна аьрха,
Гатте, лепар, делар маьрша,
Эманийн и духар тайна;
Церан когаш; амма вайна
Генахь каро Россехь и –
Куьцехь ялх ког эманийн.
Эх! Цхъа ши ког соьца хийла
Бехи... Х'инца ваьгна, г'ийла,
Суна уьш го, и ши ког
Г'енахь бу сан кл'амдеш дог.

XXXI

Маца, стенгахь г'амарш лийса,
Тилларг, буьтур бу ахь уьш?

Когаш, когаш! Стенгахь х'инца
Шу ду аьхна зазаш хъуьйш?
Малхбалехь бодделла меда,
Къилбаседехь лай тлехь кл'ай
Аш ца йити лараш шайн:
Диэза шуна кузаш кл'еда,
Церан башха, деза хъастар.
Ас шун доьхъа дукха дай цхъа,
Хъогах, дити ловца, хастар,
Сайна вахар, хъоме дайста!¹
Вайн хан къона сиха яй,
Шун лар санна, атта, яй.

XXXII

Васт Дианин, беснеш Флорин
Уьш исбаьхъа, шуна, ю!
Ткъа ког суна Терпсихорин
Царел ч'огла хъоме бу.
Цо, б'аьргашна там берг хъоьхуш,
Дага царна ницкъ ма ло,
Кеп-хазалла маьрша оьхуш,
Лаамийн вай г'иттадо.
Биза ког, Элвина, суна
Бухахь шуьнан шаршунан,
Б'аьста хъоьшуш бай а сийна,
Гай товханехь баьрччехь тийна,
Ловзуш куьзган ц'енкъа юккъехь,
Чхаррин боьххъехь х'лордан уллехь.

XXXIII

Дагахь – х'лорд, ду герга догла,
Тулг'енашца хъаг'ю сан,
Уьш ма уьду, бина могола,
Йийша когех хъерчаш д'ла!
Лаар эццахь, тулг'е хилла,
Когашна барт бохуш, Гилла!
Х'ла-х'ла цкъа а хилла бац сан,
Кхехкаш къона зама аьрха,
Лаам, бохуш барташ маьрша,
И Армидаш жима хъаста,
Я ал-зезаг беснийн меда,
Я кл'ай куьг а дукъа, кл'еда;
Х'ла-х'ла иштта гаттехь шовкъан,
Цкъа ца даьлли сан дог ховха.

XXXIV

Дагахь ю кхи зама суна!
Йиш сан йолуш сема ган,
Урх со лаьцна, ирсе, хъуна...
Муьг'лахь бу ког суна цхъа;
И ма х'лутту аьрха ловза,
Дахарна со денвеш, хъовза, -

¹ Даймохк.

Тийна цлий сан доху маса,
ГлайгIа, безам биза лан сан!...
Амма эманаш и хийра
Кхи ма бийца ахьа, лира;
Хан ца йоглу царна яйа,
Уьш эшаршца базба, айа:
Дош а, бIаьрг а, ког а церан,
Кийча Iехо, ваккха хьера.

XXXV

Ткъа Онегин воглу цIехьа
Тойнера, набарна ветта,
Ткъа Петарбух аьрха, хIетта
Вотано гIаттийна, еха.
Совдегар, хьадалча тIэхка,
Бирже тIэхка гIудалкххо,
Гуьмалг хьуш, охтахо¹ – чехка,
ГIарж деш дека аьхна луо.
Иуьйренан гов тайна даьржа.
ГIаьпнаш хецна; туьнталг ю
Туьйсуш похI-кIур сийна, маьрша,
Бепиг доттург немцо ву,
Кехатан куй – коьртахь раз,
Шен дIайоьбллуш васисдас.

XXXVI

Тойнан гIаро вуо хIоттийна,
Иуьйре, буьйса вовших ийна,
Иуьллу наб еш паргIат и –
Бер таронан, ловзарийн.
Делкьал тIаьхьа гIоттург, тIаккха
Кийча верг хан яйа, яккха,
Ерг цьхатайпа, кьорза тIех.
Кхане тера селханех.
Варий-те Евгений ирсе,
Маьрша, кьона, хено хьоьстург,
Толамийн яккхинарг ирхе,
Денна там кхечаьрца бокььург?
Варий-те тойнашна юккьехь
Могуш и, ша саннарг уллехь?

XXXVII

Хьалха цуьнан луурш ийши;
Хьалха цо синIаткъам бийши;
Мехкарий цо бити шайна,
Хилларш цунна совгIат тайна;
Лан Iехамаш хIоьгти и;
Яхь ян гуттар доттагIийн,
Йиш яцарна массо дийнахь
Beef-steaks, дал страсбурган хьийна
Яа, молуш тIе цьха шиша,

Эго ира дешнаш шорта,
Лозуш хилча чIогIа корта;
Хиларх иза аьрха жимха,
Амма цо ма дити мацца:
ТIом, тур, даш а – кхидерг цьхьацца.

XXXVIII

Башха цамгар, нислург кхета,
Йовззалц тарлург дош ца хета,
Ингалсоша сплин² шех олург,
Доцца: оьрсийн хандра бохург
Цунна йолуш бале ели;
Ша вуьйш бан дуьненца къастам
И ца хIоьгти, Далла хастам,
Амма дахарх чам ма бели.
И – Child-Harold, дитна кьинош,
Хьешийн цIа чохь гора цкъацккъа,
Хаза хьажар, доху синош
Дара цунна гена, хийра,
Вацара и царна тIера.

XXXIX

XL

XLI

XLII

Ткъа шу, ницкъ берш къаго дахар!
Цо ма дити вуно чехка;
ХIинца вай ма лору бехк цьха
Чулацаме къамел хьадар;
Тарлахь а эmano кIорга
Сей, Бентам а вайна вийца,
Вуьшта церан хабарш кьорза
Лан ду хала, хала хийца;
Цу тIе уьш бу цIенниг дагахь,
ЧIогIа куьце, долуш хьекьал,
Эхь-бехк доцуш деккъа багахь,
Сема, нийса, хиллал декьал,
Божаршна уьш Iехо хала,
ГIоли царна, сплин ловш, бала.

XLIII

Шу, аьктрисаш кьона, хIай!
Буьгурш тIаьхьа цIехьа шайн,
ГIудалкх лоллуш маса цьха
Петарбухан некьашца,
Шуна а Евгений – гена,
Ловзарш доцуш, вехарг шена;

¹ Охта хинан йистера яхархо.

² Сингаттам.

Къовлавелла и чохъ ву,
Цхъацца язъеш ган йиш ю,
Йоза – болх, тIехъ везарг латта, -
Цо ма бити сиха, атта.
ХIумма а ца язйи цо,
Яздархойн ца бевзи гуо,
ТIаьххъарниш бу герга суна, -
ПхъалгIа тхайниг цхъаь ю, хуна.

XLIV

Юха а малонан – марахъ,
Са хыйзарна, даьлла акха,
И ма хии, куьйгалг¹ - карахъ,
Нехан хъекъал дола даккха;
Жаргийн терхина ша – бертгехъ,
Цо уьш йийши, амма эрна:
Я сингаттам, Iехам, гIурт,
Я эхъ дац-кха, я харц сурт;
Дерриг гIоьмаш тоьхна ду;
Шира дерг – ширделла маьIна,
Керлачунна иза хъаьхна.
И ца воьду жаргаг² чу, -
Эманаш а санна шайлахъ,
Цо жаргаш а йити байлахъ.

XLV

Совнах дехкарш нехан генахъ,
Ас, цо санна, цхъалла ловра,
Тхойшиь вевзира цу хенахъ,
Суна цуьнан эхар³ товра, -
Сатийсарш ца хетар гIело,
Тамашалла, цкъа ца гина,
Аьрха хъекъал, йоьлла шело.
Ткъа со – дера, и – кхоьлина;
Ший а шовкъийн ловзар лайна,
Ший а дахарх хъовзам баьлла,
Ший а деган алу яйна;
Ший а лан цабезам аьлла
БIаьрзечу Фортунин, нехан,
Хан тхайн йолуш уггар деха.

XLVI

Кхийнарг ваха, ойла ян
Йиш яц нахах хьерчаш ган;
Кхеттачунна чам – ов ду
ГIаларт денонн иддачу:
ХIума дац цецвала цунна,
Иэсан лаьхъано ша кьиза,

Доховаларш вуу иза.
Ткъа цу хьоло тадо, хуна,
До къамел а, доца хъа-са.
Мотт Онегинан цкъа аса
Те ца лацар, довзалц сайна
Цуьнан кыйсар, доцург тайна,
Ткъа и забар, ерг ахкъаьхъа,
Эпиграмаш, кхолар хъаьхна.

XLVII

Хийла аьхка, цхъаьна тийна,
Йолуш сирла са чекх ана
Буса лакхахъ цу Неванан,
Хинан аьнгали и дийна
Ловзош доцуш васт Дианин,
Дагальоьцуш мур романийн,
Дагальоьцуш безам дукха,
Са кIаделла, ханна – мукъа,
Оьцуш тIе и буййса аьхна,
Iара тхойшиь, цо дог даьхна!
ГIенах гIоьмаш тоьхнарг воьду
Гаттера сийначу хьун чу,
Иштта ойланца тхо дай
Юьхъ ган доьлхур къона тхайн.

XLVIII

Доховаларш патар баьтIа,
Мокхазано везаш лан,
Евгений ойлане лаьтта,
Байтанчо ма виьццар ша.
Буййса тийна; хезаш деккъа
ГIаролхойн и кхайкхар теккха,
Ткъа гIудалкхийн цIак а сецца,
Мильоннехъ⁴ гIаьттина эцца;
Цхъа хинкема, пийсиг хьокхуш,
Доьду хица, хьалхе йоккхуш:
Ткъа, тхо Iехош, генахъ маьрша
Хеза шедаг, йиш а аьрха...
Ткъа массарел мерза и –
Аз Торкватон октавийн⁵!

XLIX

Адриатин шу, тулгIенаш,
Хьо, хIай, Брента! Сийлахъ хьелаш,
СингIаттамах вуьзна Iаш, ткъа
Кхочур дац-ге аз шун башха!
Кхаь тIаьхъешна Аполлонан;
Хезна лирехъ Албионан,

¹ Язйо гIирс.

² Библиотек.

³ Амал.

⁴ Ураман цIе.

⁵ БархI моглIа байт. Хьалхара ялх моглIа хийцало, тIаьххъара ши моглIа хийца ца ло рифам йолу.

Суна ду и девзаш, хьоме.
 Дашочу Италин чоме
 Буьйсанащ ас юур мацца,
 Цхьа венецхо кьона сайна
 Улলেখь йолуш, лубьйриг цкъацкъа,
 Ткъа гондола хохкуш тайна,
 Тхан барташна карор и
 Мотт безаман, Петраркин.

L

Маца дер – маршонан сахьт?
 Зама, зама! – и ду хьашт;
 Ас мох х'ордан боьху бай,
 Х'ордкеманийн четарш к'ай,
 Дарц, тулг'енаш каде эшош,
 Боло некъ, х'орд боькьуш, эт'ош.
 Маца, маца хир ду и –
 Берд ас битар г'айг'анийн?
 Сайна ца тов бурчам¹ тесна,
 Хьалха вьодуш, г'улч а хецна,
 Сайн Африкин стигал – хьалахь,
 Г'ийла Россе кхобуш сайлахь,
 Бала лайна, безам гина,
 Дог ас дитнар, чевнаш йина.

LI

Онегин ма вара кийча
 Соьца ган пачхьалкхаш хийра;
 Амма кхолламо цхьаь хастий,
 Тхойшиь вовшех д'ла ма къастий,
 Цуьнан да цу юкьа кхелхи,
 Онегинна бели белхи:
 Довхой баьхки – ц'ена вай –
 Йолург яккха дагахь шайн.
 Евгенийс, девнашна гена,
 Кхаж а баьлла уьш ца дан,
 Дас дитинарг буха шена,
 Царна дерриг дели д'ла,
 Хууш санна лийр вуй кестта,
 Шен деваша лазар кхетта.

LII

Хан ца йолуш дукха эццахь,
 Цунна хабар схьа ма дохьу,
 Деваша ву аьлла меттахь,
 Кхуьнга цо т'екхача боху.
 Хаам хезча шена къаьхьа,
 Кхьоруш санна виса т'лаьхьа,
 И поштанца ваха, тилла,
 Суртх'отторхо², доьлуш са,

Ахча дезаш, реза хилла
 Кепаш лело, т'ехам бан...
 (Сан романан юьхьиг и)
 Ткъа д'лакхьачча, цунна ги:
 Ваши баьрччехь висна т'илла –
 Бол латтана лург шех хилла.

LIII

Ткъа лайш уьйг'ле юьзна т'ара,
 Велларг волчу массанхьара
 Оьхур хьеший, нах а хийра,
 Ламастана ч'ог'ла т'ера.
 Гергарчара лазам т'евши,
 Мозг'арш, хьеший яа хевши,
 Т'аккха баха беза, мукъа,
 Болх шаьш бича санна дукха.
 Ткъа Онегин – керла ша –
 Гучуваьлла хьолада,
 Хьалха парг'лат лелархо:
 Мостаг'л ражан, кьерархо,
 Хазахеташ хьал шен и,
 Хийцаделла, долуш кхи.

LIV

Ши де юьххьехь хетар тайна:
 И аренаш, т'охку шайна,
 Юькьа боьлак, шело ло,
 Шовда, тийна декало;
 Амма т'лаьхьа, воцуш т'ера,
 Дерриг дара цунна хийра;
 Наб т'ле туьйсур гучо цунна,
 Эххар кхийтира и, хьуна,
 Юьртахь вахар хиларх г'айг'ла,
 Хаза эгалш³ дацарх гайта,
 Нехан сийсарш, байташ яцарх,
 Г'айг'ла г'ертар къамкъарг лаца,
 Висарх лаьттахь, валарх т'ема,
 Хилла тиндаг'л, хилла эма.

LV

Суна – мерза дахар юьртан:
 Машар, беркат, т'алам хьийна,
 Цигахь лира ека юькьа,
 Белхан ойла сема, дийна.
 Хан а йойуш, вьодуш хьалха,
 Аса т'ам ма толлу цхьалха,
 Far niente⁴ – и г'иллакх сан,
 Гуьйрено г'аттийна, т'а,
 Юуш мало, волуш мукъа,
 Йьошу к'лезга, наб йо дукха,

¹ Гонах долу дерриг: адамаш а, т'алам а... и. кх. д'л. а.

² Аьктоьр.

³ Ч'ог'ла исбаьхьа йина йоккха г'ишло.

⁴ Галдеттар, мукъалла (ит.).

Эшац цле – бакъ, пуьташ ийна.
Иштта аса хийрехъ, тийна,
Мацах дии денош дай
Уггар ирсе, аьхна сайн.

LVI

Мукъалла, заз, безам, юрт а,
Аренаш! Со тIера шуна.
Даима бан лаьа къастам
Онегинний, сайний юккъехъ,
Бац-кха суна иза хастам,
Бакъ гур доцу, хиларх юххехъ,
ХIотгарх ира ешархо
Я пуьтанча-зорбахо,
Теллина сан амат гIеххъа,
Аса дилли баха бехха
Сайн сурт дика массо ханна,
Курачу Байронас санна,
Тхан йиш йоцуш санна язъя,
Тхайх бе, лууш тхайн сурт хазда.

LVII

Ала догIу: бу байтхой
Кхаъ-безаман Iуй баккхий.
ГIенах хьоме яххъаш гой,
Церан васт со кхобуш Iий,
Ткъа и денда муза хIобтти –
БIарлагIах цо гIала йобтти;
Ас, хьолаца боцуш къийсам,
Язий ламанхо – сатийсам,
Иштта мехкарий Салгиран.
ХIинца, доттагIий, аш дукха
Хаттарш ма ло юха, юха:
«Мила вуьйцуш ю хъан лира?
Муьлха, муьлха мехкарий,
Iехош, аьхна ека и?

LVIII

Хъанна, бIаьрг, сингIаттам бай
Хъабеш, ахъа совгIат ди,
ГIийла олуш узам хъайн?
Мила байтца ахъ язйи?»
Цхъаьнцца дац-кха сан цхъа хъа-са!
Безаман шовкъ хъере аса,
Там а боцуш, хийла лай.
Цуьнца теснарг шен уьйр-тай,
Рифмех юцуш, зовкхе ваьхна,
Байталло тIех барташ баьхна,
Iеми иза ловца лан,
Петраркех тарвелла ша.
Ткъа, ас ловш безаман ов,
Мотт ма кхеби, Iовдал – сов.

LIX

Безам дIабай, муза – цхъалха,
Iаьржа хъекъал сан – самалха.
Лобху цо кхаъ-аьзнийн гулам,
Ял-ойланийн, теман хъулам;
Язий, дагца йоцуш гIайгIа,
Вицлуш, дахкац аса тайна
Ялазчу байташца шорта
Эманийн куьг, ког а, корта;
Яйна юкъ кхи денлур яц,
Ас сагатдо, бIаьрхиш дац,
Дарцан лар даг чуьра кестта,
Йовр ю, йовр ю, гIийла летта –
ТIаккха язъя хуур суна
Ткъе пхий йиш поэма, хъуна.

LX

Дагахъ йолуш кепаш дукха,
Ткъа турпалхойн цIерийн вай,
Ас чекхбаьккхи, волуш мукъа,
Болам цхъаь романан сайн;
Иза зий ас чIогIа луьра,
БIостаналлаш шорта ю,
Амма уьш ма-яьра юьту, -
Цензурина болх хир бу,
Журналхошка, хилий кхача,
Шу сан белхан стоьмаш, кхача,
Неванан гIуо йисте дIа
ГIоза, керла кхоллар сан,
Сийлаллин схъагулье ял:
Леран, арзан, девнан пал!

Гочдархо – ХАТАЕВ Хъусейн

Роза Межиева**Витамины для совести**

Рассказ-быль

Грозный, 2003 год... Это был ее первый дежурный обход. Правда, еще не в качестве настоящего дипломированного врача, а всего лишь студентки-практикантки. Зато сопровождавшая дежурная медсестра уже полушутя обращалась к ней не иначе как «доктор».

С немалой долей сочувствия Карина выслушивала жалобы больных стариков, старушек. В палате, где лежала безногая девушка, подорвавшаяся на mine в лесу во время сбора черемши, ей стало совсем невмоготу: на глазах выступили слезы, и скрыть их едва получалось. Невольно пришли на память слова напутствия одного из преподавателей, с многолетним жизненным опытом, о том, что настоящий врач всегда пропускает боль пациента через свое сердце и как это невыносимо трудно и не проходит безнаказанно для собственного здоровья...

В длинном больничном коридоре иногда ей встречались родственники больных. Угадав в ней дежурного врача или узнав об этом от медсестер, некоторые начинали осаждать Карину вопросами о состоянии здоровья близких, а кое-кто даже прозрачно намекал на возможность «предоставить все, что необходимо, лишь бы лечение было на уровне».

Медсестра, человек бывалый, – заметив ее смущение, снова не преминула подшутить – мол, со временем, с опытом то ли еще будет...

Перед входом в очередную палату она предупредила Карину, что сюда положили одного больного, очень запущенного, с циррозом печени:

– Вчера поступил. Его подобрали на улице, полуживого. Бомж, скорее всего, – добавила она.

Судя по внешности, этот человек был славянского происхождения. Он лежал на боку, отвернувшись к облупленной стене, когда-то покрашенной в темно-голубой цвет. На спинке кровати висел пиджак серого цвета, донельзя заносенный и грязный.

Повинуясь скорее врачебному долгу, нежели гуманным порывам (в то же время в душе виня себя за это), Карина спросила, на что он жалуется. Больной тихо ответил:

– Особых жалоб нет. Может быть, голова немного побаливает...

Назначив пару витаминных уколов и таблетку обезболивающего (эти же лекарства давали ему днем раньше), она продолжила обход.

В течение дня в больницу стали поступать пострадавшие с места аварий, подорвавшиеся на минах... В коридорах замелькали лица: врачи, медсестры, посторонние люди в камуфляжной форме.

В этой общей суете мысли об одиноком и, кажется, всеми забытом пациенте то исчезали, то снова появлялись, поселяя в душе Карины какое-то смутное беспокойство.

Что-то было не так в этом уже немолодом и явно спившемся человеке, каких на разбитых улицах послевоенного Грозного нередко можно было повстречать. На ум пришла странная мысль: опустившиеся на самое дно общества люди ветшают, как правило, не только внешне – что-то и в их речи неумолимо меняется, скудеет и «ветшает». Однако его немногословие шло (она почти

не сомневалась в этом) не от «благоприобретенного» скудоумия, а от той глубинной боли, что не миновала ни одного жителя этого города, пережившего с гибелью его и крушение собственной судьбы...

– Не обращай внимания, – посоветовала медсестра, взявшаяся по-дружески опекать Карину. – Если будешь слишком близко принимать к сердцу, не заметишь, как сама станешь нашим пациентом... Обычный алкаш. Лежал без сознания, думали сначала, что пьяный... А когда выяснилось... ну так что ж, все равно ведь пьянка довела.

– А родственники у него есть?

– Вряд ли. А если и есть, такие же алкаши небось. Никто даже имени его спрашивать не стал. Видела, какой грязный? Просто в палату отвели, укол сделали. Пришел в себя – толком и спросить некогда – кто, откуда? Работы другой полно...

Кажется, на этом «очистительно-успокоительные» попытки выяснить что-либо еще об этом человеке для Карины закончились. Рабочий день подходил к концу.

А на следующее утро ей сообщили: пациент, поступивший в больницу два дня назад, прошедшей ночью скончался.

Невольно уязвленная этой новостью, Карина стала расспрашивать санитарку, убиравшую палату, где лежал покойный, как это произошло. Но в ответ услышала:

– Да какая тебе разница? Умер – и хорошо, что здесь, в чистой постели, а не в какой-нибудь выгребной яме или в подвале! Таких, как он, кстати, часто там находят. Ему еще повезло... – и продолжила мыть полы.

В обеденный перерыв в сестринской пили чай с конфетами, шутили.

– А такой анекдот слышали: хирург оперирует больного, а у него под ногами кошка путается, так жалобно мяукает... Наконец, хирург не выдерживает, и в сердцах бросает шматок со словами: «Да на, на! Жри скорее и убирайся!»

Все засмеялись и Карина тоже – анекдот был, хотя и жутковатый, а все же смешной... Но даже в эти минуты, даже сквозь этот смех ее не переставали точить, как жучки-древоточцы, карябающие душу мысли: «Я неправильно себя вела с этим человеком. Я у него чего-то недоспросила, недоговорила с ним. Я не выразила какого-то участия к его недомоганию. Все было как-то подежурному... как-то фальшиво...» Она вспомнила его внимательный взгляд, его неожиданно яркие голубые глаза – и в этом взгляде (сейчас она это знала!) прочитывалось безошибочное понимание ее внутренней безучастности к его болезни, к его горю, несчастливой судьбе... И если бы только это! Несмотря на весь его довольно жалкий и запущенный облик – этот серый замызганный пиджак, свернутый с какой-то неуместной тщательностью и повешенный на прикроватную спинку... эта его замкнутость, отрешенность и стоическая готовность принять какой бы то ни было конец... Даже в таких скупых деталях угадывались отголоски той бесконечно далекой жизни, в которой этот человек, возможно, был счастлив, радовался солнцу, дождю, пышной зелени в саду... Может быть, у него была семья – жена, дети и даже внуки...

Карина понимала, что изменить уже ничего нельзя, но перед памятью этого человека ей захотелось как-то заглядеть свою, пусть и не видимую постороннему глазу, вину. Для начала нужно было разузнать хотя бы имя и фамилию. А там, глядишь, можно и на родных выйти... Она поговорила об этом с главврачом больницы, и он одобрил ее решение. Ей передали паспорт покойного, обнаруженный в кармане того самого пиджака – и это было ценной находкой, ведь обычно у бродяг без определенного места жительства такого важного документа не бывает.

Карину поразило, как аристократично звучало его полное имя: Лев Константинович Донсков. Она не сомневалась, что на «русский» слух это произвело бы такое же впечатление.

В один из выходных дней она отправилась по указанному в паспорте адресу в район города, до войны считавшийся одним из старейших и благоустроенных. Теперь эти места угнетали своей малолюдностью, бесконечными развалинами, кое-где перемежавшимися островками уцелевших домов. Долго петляя, рискуя заблудиться, она искала нужную улицу. Наконец нашла, обнаружив ржавую и щелястую табличку на стене единственной жилой пятиэтажки.

Номер дома, к сожалению, не соответствовал тому, который она искала. Недалеко от дома Карина увидела женщину в толстой вязаной кофте, набирающую из ближайшей колонки воду в зеленые пластмассовые ведра.

Подойдя к ней, Карина спросила, где находится дом с таким-то номером. Оторвав свой взгляд от медленно наполнявшихся водой ведер, женщина недоуменно взглянула на нее.

Карине стало под ее взглядом неуютно, но она все же решила пояснить:

– Судя по номеру, этот дом должен находиться где-то неподалеку отсюда...

– Конечно, недалеко... – наконец ответила женщина. – Вон, видишь кучу развалин? Это и есть тот дом, который ты ищешь.

Домой Карина вернулась подавленной. Раньше в подобном настроении ее могло отвлечь чтение. Взяв с полки наугад книгу, она рассеянно вертела ее в руках, бесцельно листала страницы – и постепенно в ее сознании образ этого человека слился с образом такой же книги – непрочитанной, название которой мимоходом едва успеваешь заметить.

На ужин Карина выпила чаю – не как обычно, с конфетами, а с двойной порцией витаминных драже.

Али Асхабов

Неотправленные письма...

*Моему попутчику на извилистых
дорогах судьбы...*

***

Он писал ей печальные письма,
Наполняя их шумом прибора,
Обращаясь ко тьме, словно Гойя...

Не чернила, а черные мысли
Растекались по желтым листочкам,
Оставляя пробелы и точки...

Прикоснуться хотел он сквозь время
И пространство к знакомой щеке,
Но в итоге – бумага в руке...

Возлагая любви своей бремя
На останки могучих лесов,
Он бросал их в огонь вновь и вновь...

А она каждый день поднималась
По ступенькам – наверх, к облакам –
Чтобы ждать его весточки там...

Не хватало лишь самую малость
Ему смелости – чтоб хоть одно
Ей отправить немое письмо...

Курс на приключения...

Переулками темными,
Сквозняками холодными
Я приду в твою комнату
И скрипеть буду окнами...
Напою тебе песенку –
Помнишь? Ту, самодельную...
Про каюты и лесенки
И про жизнь корабельную...
Стану синими волнами,
Над твоим океаном,
Силой древней исполненным,
Нарекусь капитаном...
На посудине старенькой
И с командой веселой
Мы с тобой в края дальние
Будем мчаться на полную...

Остаться детьми...

Лучик солнца ползет по траве
И играет с опавшими листьями,
Его отблески яркие, чистые
Освещают твой лик на заре...
Ты лежи среди душистых цветов,
Восходящих всегда по весне,
Улыбаясь вселенной и мне.
Стань владычицей всех моих снов,
Заплети мне венок из ромашек –
Он дороже мне будет короны –
Я воссяду на плюшевом троне...
Становиться взрослее мне страшно...
Мы не можем остаться детьми.
К сожалению, я это знаю...
Даже так, я всегда представляю,
Что с тобой исключения мы...

Прикосновение стихов...

Я касаюсь тебя, ты чувствуешь?
Я держу твою душу в руке...
Как обычно ты мне напутствуешь,
Ну, а я доверяюсь судьбе...
Не губами шепчу я нежности,
И не на ухо их шепчу...
На останках былой безбрежности
Я тебе свои чувства пишу...
Первый лучик солнца зимнего
Открывает мне мир на заре,
Ничего в этом свете лишнего...
Тают льдинки и снег во дворе...
Не увидишь ты тех же образов,
Сколько б я о них ни писал –
Мы по разные стороны компаса:
Веришь в факты, а я в чудеса...
Я привержен к морским блудницам,

К полулюдям и колдовству...
 Не к живым и не к мертвым
     в гробницах...
 И цветкам, что большими растут...
 Красота и магия скрыты
 Даже в пыли, лежащей вокруг.
 Жаль, что мифы давно позабыты,
 Я ведь тоже им стану, мой друг...
 Ты увидишь в моей писанине
 Алгоритм, сочетания слов,
 Безобразность, неточность линий,
 Но никак не обрывки снов...
 И моих ты больных видений
 Не отыщешь уже между строк...
 Как устал, и дрожат колени,
 Как достать я до солнца не смогу?..
 Ты же смотришь на эти буквы?
 И читаешь их, я ведь прав?..
 Но не чувствуешь, как мои руки
 Прилегли на твоих плечах...

***

Когда я вижу то, как вы сидите
 И смотрите на свет горящих ламп,
 Как вместе с ними сами вы горите,
 Я сам готов отдаться весь кострам...
 Когда я вижу, как вы говорите
 Сама с собой, танцуете канкан,
 В плену страстей и не жалея прыти,
 Я будто попадаю в ваш капкан.
 Когда я вижу вас, я словно зритель,
 Восторженно глядящий на экран:
 Вы взглядом вьете паутинки-нити,
 А я готов отдаться в жертву вам.

Пиши...

Помни меня и пиши про меня в свои дневники...
 Как я дарил не только розы, но и их шипы;
 Как я признавался и в ненависти, и в безумной любви,
 Как у нас бывали и хорошие, и плохие деньки.
 Как часто вместо правды я прибегал к источникам лжи,
 Как затыкал тебя и потом просил: «не молчи!»
 Как, обещая быть вечно рядом, не мог на часок прийти;
 Как делал больно, смеясь, а затем снова «прости»...
 Как после сотен одиноких «Я» начал писать в стихах «Мы»,
 Как называл тебя светом в моем царстве тьмы;
 А когда бывал зол, то кричал, что по тебе плачут костры...
 Чтобы там не было – помни меня и пиши...
 Напиши о том, какие забавные у нас появятся малыши,
 Как будем учить их писать «жи» и «ши»;
 Как будем, время от времени, без них оставаться одни –
 И будем дурачиться, смотреть старые фильмы и сны...
 Как будем греться под одним одеялом в разгар зимы,
 И вместе будут стучать зубы твои и мои...
 Как станем оба началом совершенно новой семьи,
 И будем рады связать друг с другом жизни свои...

Без ссор?..

Ты не веришь мне? Жаль...
 Ты считаешь, что лик мой скрывает вуаль?
 Что есть маска? И будто на ней вся эмаль
 Облезает под пристальным взглядом...
 Ты считаешь, что я
 Не остыл к тем, кто был еще до тебя?
 С кем по разным путям развела нас судьба?
 Это, знаешь ли, ранит...

Ты винишь? Только в чем?
В том, что я, как и ты, пылаю огнем?
Что людских недостатков я все ж не лишен?
Что? Желаете исправить?
Я молчу... Чтоб без ссор...
И молчанье мое, знай, тебе не в укор.
Просто я не хочу превращать это в спор...
Лед на утро оттаяет...

Марионетка...

Не уходи... Не оставляй меня в плену моих чертей –
Их шепот заглушает здравый ум, и я не слышу пенья
Беспечных птиц, молитвы тех, кто на коленях
Взывают к небу, чтобы стать сильнее...
Останься... Я темноты боюсь и призрачных огней –
Их свет сгущает мрак, скрывает тени,
Которые текут под кожей и ползут по стенам –
От их игры дрожь пробирает до костей...
Ты обними... Прижми меня к груди и отогрей,
Твое тепло растопит лед, застывший в венах,
Дарует жизнь... Я выйду вновь на сцену,
Марионеткой непокорной став твоей...

Одна для одного...

Она стоит
И смотрит издали на силуэт его...
А он сидит
Под ивой, что-то пишет кровью...
И нету между ними ровным счетом ничего –
Но все же связаны и ранены сердца любовью...
Она горит,
Ее огонь сжигает все,
чего коснется...
Он холоден,
Подобен космосу и темной ночи...
Она надеется, сияет для него, как солнце...
А он проклятия себе под нос бормочет.
Ее зовут
Ветра, и манят запахи костров,
По мягкому ковру цветов она уходит,
Оставив силуэт в плену переплетений слов,
А он не побежит за ней и не догонит...
Она простит –
Всегда прощала, и сейчас опять –
Уж больно хорошо они друг друга знают...
Когда бы ни пришла – ее он будет ждать.
Другой не нужен ей, да и ему другая...

Неправильно.
 Все неправильно.
 Вот опять...
 Сама же признала,
 что я не гожусь в поэты –
 А все продолжаю топтаться,
 да в дверь стучать...

Да где же моя совесть?!
 Совесть где моя?..
 Ау, где ты?..

**Дорогой мой Король!
 (Или тот, кто когда-то им был...)**

Мой бесценный Король,
 Вы меня никогда не любили.
 Вы не смейтесь, Король,
 Вы не знали ту жгучую боль –
 Боль утраты и скорби
 В тот день, когда Вас хоронили.

Расскажите, Король,
 Как живет на той стороне?
 Ни к чему удивляться,
 Я знала, что Вас не убили.
 Я ведь знала, Король,
 Никакой Вы не павший герой –
 Вы сбежали, как трус.
 Вы всегда только трусом и были.

Дорогой мой Король,
 Вы свободны, как беглый раб.
 Но до поисков Ваших, увы,
 Мне не будет дела.
 Так прощайте, фальшивый Король.
 Презираю Вас.
 По ошибке своей, любившая Вас
 Королева.

***

Ломай посуду. Горшки с цветами
 Швыряй об стену. Ругай, как хочешь.
 Кидайся фразами и словами –
 Вдруг и меня уничтожить сможешь.

Ломай всю мебель, разбей все окна,
 Разрушь мой замок из ожиданий.
 Ломай все, ну же! Ломай. Но только...
 Оставь мне домик своих признаний.

А впрочем, тоже ломай. Достало.
 Разбей все это. Давай, ты сможешь!
 И если этого будет мало,
 Я из подвала достану больше.

.....
 Да, проходили уже. И хуже.
 (Я это так говорю, к сведению).
 Ломай все это. Ломай все! Ну же!
 Но – я прошу! – не ломай комедию.

***

Я подам вот такое вот объявление – чтобы оно,
 из рук в руки, дошло до нужного человека;
 Я подам, наверное, объявление, чтобы найти
 себе спутника жизни, который тоже ищет меня,
 и сейчас ходит где-то...
 Я напишу такое объявление: что, ищу человека,
 С которым можно разделить радость.
 И чтобы в любое время (будь то ночь или день)
 я б могла рассказать ему даже самую малость.
 Я найду обязательно такую душу – чтобы часами
 друг друга слушать или молчать часами.
 Я найду обязательно такого друга – и покажу,
 как он мне дорог, полезным делом
 каким-то, может, а не словами...
 Мы будем вместе ходить по бордюрам,
 собирать листья пожелтевшие, каштаны всякие,
 и смеяться, как ненормальные...
 И не стесняться, что люди смотрят,
 мол, «как на сумасшедших»...
 Наверное, от зависти, они бы
 так же хотели и сами.

Я постараюсь найти такого же человека – чтобы он,
как и я, видел счастье в любой мелочи.
Я найду себе такого человека – чтобы с ним
ловить в поле разноцветных сверчков, светлячков и бабочек.
И поражаясь красотой узора на крылышках,
отпускать их снова на волю, чтобы летели дальше...
Я найду себе такого искреннего человека –
чтобы в нем не было ни капли обмана и фальши.
И подам я такое вот объявление, и допишу туда –
пусть даже от руки, но обязательно:
Мол, найдись, человек, ты мне нужен!
Я ищу тебя и во сне уже, бессознательно.
Как найдешься, ты не стесняйся,
позвони на мобильный сразу, скажи:
«Я по объявлению»...
Я ведь точно знаю, ты меня тоже ищешь –
просто шел, видимо, не в том направлении.
Я найду себе такого человека, чтоб, как говорится,
крышу сносило, но не в буквальном, конечно, смысле!
Чтобы можно было забыть о всяких там ужасах мира
этого, и не слушать рассказы, и прочие небылицы...
Чтобы я доверяла ему как себе, а может быть,
даже немного больше. Оно ведь важно.
И лишь оттого, что я могу никогда его не найти –
вот отчего мне, действительно, страшно.

Палач

Ничего не хочу говорить тебе. Ничего.
Я ошиблась, выбрав Тебя своим Палачом –
Не подумав о том, что ты можешь меня казнить,
Я решила, что ты мне и дальше позволишь жить.

Ни о чем не хочу говорить с тобой. Ты – Палач.
Ты жесток и коварен, тебя не смущает плач.
Было б милостью – одним махом, с плеча,
Снести голову – чтоб уже не могла кричать...

Нет, молчи! И не смей никогда в мою дверь стучать.
Я с порога смогу Палача, без труда, прогнать.
В одиночестве – пусть! – буду жить, свои дни влача.
Лучше так, чем позволить себе любить палача.

Муса Ахмадов

Мой друг Ваха Хамхоев

С Вахой Хамхоевым я познакомился в марте или апреле 1982 года. В тот день нас, участников республиканского конкурса молодых писателей Чечено-Ингушетии имени классика чеченской литературы Саида Бадиева, пригласили в здание обкома комсомола. Внимание многих привлек веселый и общительный молодой человек в необычной синей форме, похожей на военную. Потом я узнал, что это форма работников пожарной охраны, и что ее обладатель – молодой ингушский писатель Ваха Хамхоев.

Для оглашения итогов конкурса нас привезли в горное село Шатой. Шатой и тогда являлся райцентром, но назывался село Советское. В Доме Культуры состоялась торжественная церемония награждения победителей конкурса. Программа была насыщенной. Выступали наставники – известные чеченские и ингушские писатели, после них – лауреаты конкурса. В номинации «Проза» одним из победителей стал и Ваха Хамхоев.

После каждого выступления в честь того или иного победителя конкурса участники районной художественной самодеятельности исполняли песню или танец. По окончании церемонии награждения нас, молодых писателей, пригласили в единственное кафе в Шатое на торжественный обед. Там за столом мы разговорились и поближе познакомились. Ваха Хамхоев сразу стал неформальным лидером нашего застолья. Он хорошо говорил на чеченском языке, рассказывал веселые истории.

Помню такой эпизод: по окончании обеда молодые литераторы встали в круг. Начались зажигательные кавказские танцы. Смотреть их сбежали все работники и посетители кафе. Кто-то предложил объявить конкурс на лучший танец. Всеобщее внимание привлек и вызвал одобрительные возгласы самобытный танец Вахи Хамхоева. По единодушному мнению всех присутствующих, Ваха стал победителем этого конкурса. Позднее при наших встречах он часто вспоминал об этом.

– Надо же было приехать одному ингушу в сердце Чечни и победить в танце всех чеченских молодых литераторов, танцоров от природы! – смеялся он.

Надо сказать, в конце 80-х годов прошлого столетия Ваха учился в Чечено-Ингушском государственном университете на заочном отделении филологического факультета, и мы с ним часто виделись в Грозном. Всякий раз он меня удивлял хорошим знанием не только ингушской, но и чеченской литературы. Не было ни одного значительного произведения чеченских авторов, с которым бы он не познакомился на языке оригинала. Пристально следил он и за моим творчеством, особенно ему нравились мои повести: «И муравейник не разрушай», «Горы воздвигая на земле», а также роман «Дерева в сумерках», и некоторые юмористические рассказы.

Вспоминается еще одна наша встреча. В 1988 году ингушский писатель Иса Кодзоев (тогда он работал редактором детского журнала «Селалад») пригласил меня и чеченского поэта Апти Бисултанова на встречу со школьниками села Кантышево. Когда мероприятие завершилось, Иса повел нас к себе в дом. Там нас ждал большой стол, в изобилии заставленный национальными блюдами. Беседу с нами поддерживали учителя местной школы, а радушный хозяин играл нам мелодии на двухструнном (вместо струн были шелковые нити) национальном инструменте. А два сына Исы Кодзоева, подростки 10-12 лет, на протяжении всей нашей долгой трапезы стояли у дверей, предупреждая любые желания гостей. Я попросил хозяина дома позволить им сесть или заняться своим делом, но моя просьба была корректно отклонена.

Через некоторое время к нам подъехал Ваха Хамхоев со своим товарищем Русланом Нальгиевым, работником милиции (последнего я знал по учебе в университете). Благодаря Вахе, за столом стало еще веселее. Он был большим юмористом и искусным рассказчиком.

Время пролетело быстро. Было 10-11 часов вечера, когда мы с Апти, несмотря на настоятельные уговоры хозяина, засобирались домой, так как с утра должны были принять участие в каком-то литературном мероприятии – такой насыщенной была жизнь молодых писателей в конце 80-х годов XX-го века.

Ваха, Иса и Руслан поехали провожать нас до трассы Баку-Ростов. Много машин проехало мимо нас, пока мы стояли у дороги. Но наши провожающие, не останавливая их, дождались маршрутного автобуса «Икарус», который проезжал через Грозный. Распрощавшись с ними, мы с Апти сели в полупустой автобус и уехали домой, увозя с собой незабываемо яркие впечатления от этой встречи. Сидя в автобусе, мы разговорились, и тогда до нас дошел смысл того, что наши провожающие не останавливали другие машины, дожидаясь автобуса: ведь неизвестно, кто едет за рулем незнакомой машины в столь позднее время... Оказывается, друзья заботились о нашей безопасности.

Более близко я узнал Ваху Хамхоева в 1999–2000 годах. Тогда я находился со своей семьей в Ингушетии. Когда невозможно стало жить дома, из-за постоянных бомбардировок и артобстрелов, мои родственники решили, что я должен уехать со своей семьей из республики. Так я оказался в Ингушетии.

Уныло и тягостно протекали дни беженца: постоянные проблемы с жильем, нехватка денег, тоска по дому, переживания за судьбы родных и близких... В один из таких грустных дней я решил посетить Ваху.

На мой звонок дверь открыл подросток. Это, как оказалось, был младший сын Вахи – Магомед. Когда я спросил, дома ли его отец, хозяин сам вышел в коридор. Увидев меня, у него радостно загорелись глаза. Он крепко обнял меня и повел в зал, приговаривая:

– Как хорошо, что ты пришел!

Потом начал звать свою жену:

– Айшет, Айшет, иди сюда, иди сюда!

Айшет тут же вышла навстречу, а Ваха восторженным голосом продолжал:

– Ты знаешь, кто пришел к нам? Ты знаешь, кто это такой?

Айшет удивленно покачивала головой. Она видела меня впервые и не могла знать, кто я.

– А ты помнишь, как я читал тебе повесть «И муравейник не разрушай»? – продолжал свой допрос Ваха. Айшет на этот раз утвердительно кивнула.

– Да это же автор той повести – Муса Ахмадов! – воскликнул Ваха.

Во всей этой сцене не было ни грамма нарочитости, он был предельно искренним. Но на этом сюрпризы от Вахи не закончились. После трапезы он обратился ко мне:

– Ты пил чай, налитый подполковником милиции?

– Нет, – говорю, – не приходилось.

– Сейчас выпьешь, – говорит он, и снова зовет жену:

– Айшет, налей нам чай.

Она начала наливать чай, а Ваха, указывая на нее рукой, торжественно продолжил:

– Подполковник милиции!

(У Вахи было много розыгрышей и шуток, связанных с Айшет.)

Обрадованный таким радушным приемом, я не заставил Ваху долго уговаривать меня остаться на ночь. У них была вдвоенная четырехкомнатная квартира: в одной части жили жена и четверо детей, в другой части – Ваха. Зал этой части был и библиотекой, и гостиной. Кабинет Вахи располагался в небольшой комнате. В ту ночь мы много беседовали, вспоминали прошлое, говорили о войне, о политике, но,

в основном, о литературе. Он очень ценил творчество ингушских поэтов – Капитона Чахкиева и Али Хашагульгова. Читал мне их стихи на ингушском языке, объясняя непонятное на чеченском или на русском языках. Потом он взял один из номеров чеченского журнала «Орга», где была опубликована моя юмореска о писателе, который в соответствии с политической конъюнктурой менял свои взгляды. Ваха читал и делал большие паузы, чтобы посмеяться. У Вахи я нашел свои изданные на чеченском и русском языках книги, вырезки из республиканских газет того времени с моими публицистическими статьями. Впоследствии он их мне передал, что стало для меня большим подарком, так как вся моя библиотека с книгами и рукописями была уничтожена вместе с домом в результате авиаудара.

Спать мы легли далеко за полночь. Впервые за много дней скитаний я на время забыл о трагических событиях на Родине, ощутив себя в родной среде, и уснул здоровым и крепким сном. После этого часто навещал этот дом, когда мне становилось особенно тяжело. Он являлся своеобразным островком добра, семейного уюта и счастья, а духовными скрепами в этой семье были взаимопонимание и взаимоуважение Вахи и Айшет. Их дети – Дали, Яха, Чах и Магомед – под стать родителям, своим добрым нравом дополняли гармонию этого дома.

Иногда я приводил к Вахе своих друзей – чеченских писателей, которые по тем или иным причинам оказывались в Назрани: Мусу Бексултанова, Ваху-Хаджи Амаева, приводил своих родственников. Все, кто бы ни побывал в этом доме, ощущал прикосновение к добру и свету.

Однажды (было это зимой в начале 2001 года) я в очередной раз гостил у Вахи. Ночью к нему пришли гости: один – приезжий из русскоязычных, второй – местный. Ваха принял их со свойственным ему гостеприимством. Беседуя, поужинали вместе. Потом один из гостей (он был то ли режиссер, то ли журналист из Москвы) включил диктофон и задал Вахе вопрос примерно такого содержания:

– Скажите, пожалуйста, почему все народы Северного Кавказа могут жить в России мирно, а вот чеченцы не могут?

В те годы, как известно, негативно отзываться о чеченцах в средствах массовой информации было модно, являлось чуть ли не правилом хорошего тона. Безусловно, московский гость не ожидал, что я – чеченец... Я напрягся, готовый дать отпор очередному клеветнику. Но мне не пришлось ничего предпринимать. Ваха очень тактично спросил его:

– Вы хотите написать о чеченцах? Почему бы Вам не написать об одной особенности чеченцев?

– Что за особенность? – заинтересовался московский гость.

Ваха продолжил:

– В любом деле они почему-то становятся первыми. Вот скажите, кто больше всех уничтожил фашистов? Чеченец – Ханпаша Нурадилов! Около тысячи. Кто первым встретил союзные войска на Эльбе и награжден высшим орденом США? Чеченец – Мовлид Висаитов. Кто был лучшим портретистом России? Академик Петр Захаров, из чеченцев...

Ваха долго перечислял выдающихся личностей чеченского народа, давая им краткие характеристики. Когда он закончил свое пафосное выступление, гости допили свой чай и, недоуменно переглядываясь, попрощались с нами. Позже Ваха изложил эти свои мысли в стихотворении «Малаж-б уж – Нохчий?». Посвятил он это стихотворение чеченским писателям – Вахиду Итаеву, Мусе Бексултанову и мне. Привожу его здесь полностью:

Малаш-б уж – Нохчий?

Нохчий-м, Дуненна, хIанз а бейза бац.
Уж-м, хIанзчул тIехьа, бовзийта беза.

Цар сурт-сибат, ма-дарра гойта а дац.
Могаргдий-те, ма-хиллара уж бовза?!

Даьла пурмийца, дин доаржо бахкийта:
Кунта, Iовда, Даьда, Дока – Нохчий.

Паччахьо эздел дохадича, беттара тур увзадаь
инарал Александр а – нохчий овлантIара вар.

Дадий-юрт яккхачара, кIаьнк волаш дIавига,
Академен-суртхо Петр а – нохчо ма хиннавар.

Нохчо вар – ког-кулг-бIарг а эшаш тIом баь,
Шамала а кьар ца вена кьонах – БейсгIар.

Нохчо вар – цун цIи яккхача хьакимий чIенгаш
Гарре ийга, Россена а кхерам тийса – Заьламха.

Нохчо ма вар – куц-сибата эздий кIант а волаш,
Лоаманхой Паччахьалкхена да хержаь – Тапа.

Нохчо ма вар – Йоккхача Кхеле Кавказера викал,
Халкъ сердалга доалош кьахийга – Таьштамар.

Нохчо веций – Дунен доалахой а цунгара Iамаш,
Хьаькьал-да а, деша-говзанча а – Iабдарохьман.

Нохчо веций – Европе фашизм йохаеш, Эльба-чу
Ший говр лувчаяь, денале бIен-баьчча – Мовлид.

Нохчо вар-кха – цхьанне а цадаьр даь тIемахо,
Ийс-бIаь-ткьо моастагIа ше вийна – Ханпаша.

Нохчо вар-кха – кьам Мехках даьлча а, дIахо а,
гIелалца даима кьийса, цхьалха борз – Хасуха.

Нохчо ва – Дунен ялхлагIа Дакьа дохача дийнахьа,
Цун кертерча хьакимашта хьалхха чувена – Руслан.

Нохчо – дин-Iилма а мехка-доал а ший кара хина,
тIом соцабаь, майдане «дIаэтта» – Ахьмад-Хьажа.

Нохчо –
Халкъа сакхетам лакхарча лагIа тIа баьккха,
хьехамча а, йоазонхой
хьамсар тхьамада а – Абузар.

(йоазонхой-м, наггахьара, «известни чеченски»
дIаваьлча, массе кьооаламхо – визза нохчо ва).

Аз ца хьоаха баь, шорта ба, бовза хьакьдолаш.
 Ци ца йовза турпалаш а, дуккхаба, нохчий-м.
 СибрегIа, шоай ЦиIагIа а, бехк-гунахьа доацаш:
 Мел вийнар-веннар, де доацашвейнар – нохчо.

Нохчашта-м, шоашта тоам хетац, шойх дувца,
 Цудухьа боах аз, гIалгIачо, укх тайпара ловца:
 Дала даькьал доахолда шо, бакьдола нохчий!
 Со а вахалва шун во ца гуш, нохчий-вежарий.

И еще один штрих. После близкого знакомства с этой семьей мне стало ясно, почему Ваха всегда уезжал домой, не оставаясь ночевать по окончании различных мероприятий в соседних республиках. Он спешил к своему оазису семейного счастья! Но однажды он покинул этот оазис на несколько месяцев и уехал в США, по приглашению доктора наук Джоханны Николс, чтобы поработать над «Англо-ингушским словарем». Я представляю, какие психологические неудобства он испытывал, принимая такое решение. Ваха поступил именно так, потому что считал издание такого словаря важным событием для своего народа. Естественно, он тосковал по дому и часто звонил: в его в квартире был домашний телефон, мобильных тогда не было.

Однажды ко мне пришел какой-то родственник Вахи и сказал, что сегодня в 15 часов Ваха будет звонить, чтобы поговорить со мной. В тот день мы долго говорили с ним по телефону, он интересовался о многом: о событиях в Чечне, семье, творчестве, спрашивал о значении некоторых вайнахских слов... В конце беседы я сказал:

– Приезжай поскорее, твое отсутствие отрицательно сказывается на жизни нашего края.

Конечно, это была шутка, но с большой долей правды. Ваха Хамхоев действительно был истинным носителем нравственных ценностей, этической культуры своего народа, и его отсутствие явно ощущалось в общественной жизни республики.

Ваха Хамхоев был человеком долга и ответственности. Долг перед семьей, долг перед народом, долг перед Родиной – эта концепция была для него превыше всего, даже творчество он ставил на второй план. Поэтому много времени у него уходило на общественные мероприятия, действительно важные для жизни родного народа. И это не могло не сказаться на его творчестве. Много литературных замыслов осталось у него невыполненными. Но и то, что он успел сделать, говорит о том, что он был талантливым прозаиком, драматургом, поэтом и публицистом. И, самое важное, свою главную книгу – книгу жизни – он написал образно, мудро и достойно.

Ваха оставался истинным патриотом своего народа, что не мешало ему быть патриотом и чеченского народа, и всего Кавказа. Он не раз подчеркивал, что все народы Кавказа представляют единую самобытную цивилизацию, и поэтому важно сохранить мир и согласие между ними, как это делали наши предки. Это необходимо, чтобы выжить в этом глобальном и жестоком мире, как отдельные этносы со своими культурами и языками. И когда возникла идея создания Клуба писателей Кавказа, Ваха с большим воодушевлением поддержал ее, принимал активное участие в учредительном собрании и во всех других мероприятиях Клуба.

Хамхоев Ваха прожил яркую, насыщенную большими событиями жизнь. Свет доброты, искренности, оптимизма, доброжелательности сопровождал его всегда, и он щедро делился с ним со всеми, с кем сводила его судьба.

Этот свет всегда будет со мной, пока я живу на этой земле и, уверен – со всеми, кто хоть раз соприкасался с ним. Дала гечдойла хьуна, Ваха, Дала ялсаманин хьаша войла хьо!

Критика и литературоведение**Овхад Джамбеков****Чеченская литература в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)¹**

Зарождение и становление чеченской литературы приходится на 20-30-е годы прошлого столетия. Менее чем за два десятилетия, она «прошла ускоренный путь развития: сформировались почти все основные жанры прозы, поэзии, драматургии, началась активная работа по взаимопереводам, выросло новое поколение писателей, которое внесло свежую струю в литературу» (Э. Минкайлов).

Но этот процесс был приостановлен массовыми репрессиями, жертвами которых стали почти все писатели старшего поколения: в 1937–1938-х годах в застенках НКВД погибли Абди Дудаев, Ахмад Нажаев, Саид Бадиев, Шамсуддин Айсанов, а Магомет Мамакаев, Халид Ошаев, Саид-Бей Арсанов, Арби Мамакаев и др. на долгие годы были заточены в тюрьмы ГУЛАГа.

Таким образом, уже к началу Великой Отечественной войны чеченская писательская организация была фактически разгромлена. Литература военных лет, в основном, представлена произведениями второго поколения писателей, творческий путь которых начался во второй половине – конце 30-х годов, – Арби Мамакаева, Магомета Мамакаева (они были арестованы в 1942 году), Магомед Сулаева, Хасмагомед Эдилова, Зайнди Муталибова, Билала Саидова, Марьям Исаевой и некоторых др.

С первых дней начала Великой Отечественной войны они, все как один, заняли свое место в боевом строю защитников Родины. Многие из них еще задолго до гитлеровского нашествия начали освоение тем, связанных с военно-патриотическим и нравственно-этическим воспитанием подрастающего поколения. В связи с усилением фашизма в Европе и нарастающей угрозы второй мировой войны, антифашистская и антиимпериалистическая темы становятся одними из самых злободневных в их творчестве.

Писатели часто обращаются к героике гражданской войны. В повести А. Мамакаева «В родной аул» – («Винчу юьрта») ² рассказывается о небольшом эпизоде партизанской борьбы чеченцев с денкинскими войсками на Тереке, о большой и искренней дружбе между казаком Ларкой и чеченцем Айдамаром. Вместе с этими сюжетобразующими мотивами через всю повесть красной нитью проходит другая, не менее важная, тема – тема сыновней любви к отчужденному краю. Она, по сути, является доминирующей в произведении.

Главный герой повести «В родной аул» Айдамар после тринадцатилетней сибирской ссылки возвращается домой на Терек. Побег из каторги стоил ему немалых физических и моральных сил. Крайне истощенный, изможденный до неузнаваемости, он еле передвигает ноги, каждый шаг, каждое движение даются ему с огромным трудом, кажется, вот упади он на землю, и больше не подняться ему на ноги. Но он заставляет себя идти вперед, его ведет какая-то неведомая внутренняя сила, не дающая право смалодушничать, сдаться и умереть безвестным в чужом краю. Но вот, наконец, на пределе человеческих возможностей герой достигает важную цель, которая не давала покоя все тринадцать долгих лет каторги, – он ступает на родную землю:

«Мой Терек!.. Синяя Сибирь!.. Тринадцать лет!.. Синий Терек!..» – («Сан Терк!.. Сийна Сибарех... Кхойтта шо!.. Сийна Терк...») ³, – глухим стоном обессилено выдыхает он, и падает лицом вниз на мокрую землю. Обходя преграду, вокруг него начинают звенеть ручьи, где-то рядом неистовствует Терек...

Наконец, отдышавшись, Айдамар с усилием садится на землю, в ночной темноте

руками ошупывает вокруг себя ручьи. Через некоторое время он начинает понимать, что ручьи эти бегут с его родной земли.

Сомкнув руки, он набирает полные ладони этой влаги, и понимает, что к нему начали возвращаться хоть какие-то силы...

Теперь герой ставит перед собой новую цель – раз он нашел в себе силы дойти живым до родной земли, то теперь надо кому-то поведать, что он и есть тот самый Айдамар, безвинно оклеветанный тринадцать лет назад... А там можно и попрощаться с жизнью, по сути, висящей на волоске.

Писатель вновь и вновь испытывает морально-волевые качества своего героя. Когда Айдамару стало известно о том, что на его родное село собираются вероломно напасть белогвардейцы, он вновь отодвигает от себя мысли о скорой кончине и, как настоящий патриот, верный сын своего отечества, невзирая на огнестрельную рану, переплывает бурлящий Терек, и на последнем выдохе успевает своим сельчанам и родственникам назвать себя и сообщить, какая угроза нависла над селом.

Повесть «В родной аул», как и многочисленные поэтические произведения Арби Мамакаева, написанные в тот период: «Все – для фронта» – «Дерриге а – тIамна» (1941), «Письмо пограничнику» – «Дозанхочуьнга кехат» (1941), «Письмо ровесникам Октября» – «Октябран хенарчаьрга кехат» (1942), «Раненному капитану» – «Чевнаш хиллачу капитане» (1942) – верно служили укреплению патриотического сознания народа, способствовали мобилизации его духовных сил на борьбу с врагом.

На сцене государственного драматического театра Чечено-Ингушской АССР в 1941–1942 гг. ставятся пьесы Арби Мамакаева «Разведка», «Гнев», призывавшие к борьбе с немецким фашизмом.

В годы войны все усилия чеченских литераторов были направлены на яростное разоблачение фашистских захватчиков, они «почувствовали свою ответственность за мобилизацию духовных сил народа для разгрома врага»⁴.

На долю молодых чеченских поэтов Магомед Сулаева, Хасмагомеда Эдилова, Зайнди Муталибова и др. выпала невероятно трудная миссия – «они должны были создать образ героя-воина, характеризующий собой небывалый патриотический подъем народа»⁵.

«В этих первых, поспешно написанных, но непосредственных по выражению чувств и мыслей стихов – гнев и ненависть к врагу, горячие призывы к мужеству и стойкости, клятвы в верности идеалам Родины, уверенность в грядущей победе...

Поэты прославляют сплочение народа, единение всех его сил, содружество фронта и тыла. Мать заменяет сына, ушедшего на фронт, сестра – брата»⁶.

В 1941-м году, в дни самых тяжелых испытаний, в Чечено-Ингушском государственном издательстве выходит в свет коллективный сборник «Антифашистские стихи», в которых чеченские поэты клеймят вероломного врага. В их стихах, целиком посвященных воинам Великой Отечественной войны, «слышатся элементы фольклорных песен – боевые кличи, призывная интонация, часто приказная»⁷:

Подымайтесь, сыны, подымайтесь!
Гордые сыны, подымайтесь!
Мы защищаем свою Родину,
Мы уничтожим ненавистный фашизм!

ХьалагIовтта, кIентий, хьалагIовтта!
Яхь йолу кIентий, хьалагIовтта!
Вай ларбеш берг Даймохк бу,
Вай хIаллакыйр фашизм!⁸

Арби Мамакаев в своем стихотворении «Все для войны» («Дерриге тIамна») писал:

Вырастим больше пшеницы,
 Чтобы каждое зерно стало пулей для врага.
 Добудем больше нефти,
 Чтобы сжечь в ее пламени врагов.

Хьекъаде ховхачу
 Арешкахь ялта,
 Буртигах хЮь хирриг,
 МостагИий эго,
 Вышканаш, совдаккха
 Вайн мехкдаьтта,
 Уьтгаза совдаккха
 МостагИий баго!⁹

Первые военные стихи чеченских поэтов, конечно, «вселяли уверенность в грядущую победу, поддерживали «слабых духом», звали к борьбе». Однако «авторы не представляли еще всей грандиозности и сложности надвигающихся грозных событий, требующих высшей степени героизма советских людей. Враг в этих первых произведениях изображался обобщенно, плакатно. Конкретное художественное раскрытие подменялось публицистическим обличением»¹⁰.

Молодой поэт Магомед Сулаев в начале войны опубликовал отрывки из поэмы «Солнце победит». Он воспел в этом произведении патриотические подвиги советских воинов, отдавших жизнь в кровавых боях с гитлеровцами. Его поэма – гневное обличение международной реакции, посягнувшей на жизнь и свободу советских людей.

Однажды найденный фольклорный образ солнца позволяет поэту выразить свое отношение к проискам врагов:

Молви, Солнце, –
 Разве зори
 Не для всех ты шлешь свои?
 Не дадим мы черным сворам
 Заслонить твои лучи!

Алал, Малх – цхьабосса лепаш
 Хьо массо адмашна беца?
 Ткъа, хьо шайна сацо гГерташ,
 И хьолахойн йовсарш еца?..¹¹

Лирический герой Магомета Мамакаева полон гордости за свою Отчизну, и в горе, и в радости он связан с ней «дыханием одним», готов ради нее с достоинством пройти любые испытания... Особенный смысл эта тема приобретает в военной лирике М. Мамакаева. В стихотворении «Она не плачет» («И йобьлуш яц»), написанном в самый разгар войны, поэт создает образ матери, потерявшей сына в смертельной схватке с врагом:

Как камень, почернев, мать
 Над могилой сына стоит.
 Нет, нет! Не плачет мать!
 Она только прильнула к могиле...

Тулг санна, макхьелла и нана –
 Шен кIентан коша тIехь лаьтта.

ХІан-хІа, яц! Йюьлхуш яц и нана.
Катюьхна и барзах хьаьрчи...¹²

Сердце матери изнывает от жалости к безвременно ушедшему из жизни сыну, трудно и горько пережить ей эту утрату, но она не растеряна, нависшая над Родиной беда гнетет ее больше. Именно эта мысль возвышает женщину-мать над личным горем, личной бедой. На первый взгляд, она смиряется с судьбой, и решительно встает, готовой мстить врагу за сына:

И встала она с горящим в огне сердцем...

И гІаьтти дог царца догуш...¹³

Образ женщины-воительницы – это поэтическая метафора, заимствованная поэтом из устного народного творчества.

В другом стихотворении Магомед Мамакаев обращается к антиподу «женщины-воительницы» – трусу, самому отвратительному из существ, из-за малодушия спасовавшем перед врагом. Поэт в русле народных традиций выносит ему свой приговор:

Мои предки считали тебя отвратительным,
Объявляя позором (даже) заговорить с тобой...

Сан дайша осала лерина хьо,
Хьюьга дІавистхилар эхь кхайкхадеш!¹⁴

У труса не может быть ничего общего с народом, поэтому поэт вопрошает:

Где твоя Отчизна и какого ты рода-племени?
Назови имя друга, сестры или брата.
Нет у тебя ни родины, ни отчего дома, жалкая душа,
И ничего не беспокоит тебя, кроме себя!..

Къам, хІусам я Даймохк мичахь бу хьан?
Йиш-вешин, доттагІчун цІе яккха ахь.
Даймохк бац хьан, къам а дац, осала са,
Хьуо дийна хилчхьана тоьинчу хьан!¹⁵

В стародавние времена у чеченцев существовал обычай, по особому осуждавший трусов и изменников: на окраине села, со словами проклятия, люди бросали в кучу камни, которые со временем превращались в холмы¹⁶.

Подобный, поэтический, холм поэт воздвигает трусу:

Вон тот высокий холм у дороги
Вырос из камней, что я накидал!
Кидайте, кидайте на карлагу камни!
Твой холм вместе с проклятиями растет.

ДІо новкъахь гуш болу и лекха барз
Ас хьуна кхийсинчу бІаьллеха бу...
Кхоссалаш, кхоссалаш кІарлагІе бІал!
И хьан барз наІалтца хьизкъабеш бу!¹⁷

К борьбе с жестоким врагом призывали своими поэтическими произведениями Хасмагомед Эдилов – «Перед портретом» («Сурте»), «Слепой» («Бӕрзе стаг»), «Благослови, Земля!» («Сий делахь, Латта!»), Биал Саидов – «Сыну» («Кӕанте»), «Воину», «Советская Армия» («Советски эскар») и др.

В 1942–1943-х годах на всех фронтах Великой Отечественной войны гремело имя прославленного чеченского пулеметчика Ханпаши Нурадилова. Газетные публикации тех лет, фронтовые листовки создавали героический образ бесстрашного воина, уничтожившего на полях сражений более 900 фашистов.

Облик героя, его героические дела были хорошо известны и в Чечено-Ингушетии. В числе первых поэтический образ храброго воина был создан молодым поэтом Хасмагомедом Эдиловым: «Кавказский орел» («Кавказан аьрзу»), «Перед портретом» («Сурте»).

Глядя на фотографию «храброго орла», Хасмагомед вопрошает:

Это ты тот самый чеченский к'ант – которому я завидую,
Прославивший (себя), чтобы потомки (о тебе) говорили?
Который учит храбрости героические народы,
Живой, у которого кровь в венах не кипит?

Хьо вуй и нохчий к'ант – со хьайха хьогург,
Тӕахъашка вийцийта даьккхинарг сий?
Турпалчу халкъашна майралла хьогург,
Дийнаниг, пхенашкахь ца кхехкаш цӕий?¹⁸

Герой, павший в схватке с врагом, навечно остается в народной памяти. Поэтому, вспоминая Героя Советского Союза Ханпашу Нурадилова, поэт уверен, что о нем, о его подвиге во имя жизни, потомки будут слагать песни:

Голос народа будет звенеть,
Пока стоит белый свет,
И песни будут звучать,
Прославляя твой подвиг.
В жизни, в мыслях
Не отдаляя от себя,
Народ твои – героя –
Портреты будет писать.

Декар ду халкъан аз
Дуьне мел деха;
Декар ду иллеш а,
Хьан хьуьнар дуйцуш.
Дахарехь, ойланехь
Ца къастош шеха,
Хьалкъо хьан – сийлахьчун –
Дохкур ду сурташ¹⁹.

Эти слова поэта оказались пророческими. О Ханпаше Нурадилове сложены героические песни, на сцене Чеченского национального театра, носящего его имя, не одно десятилетие ставится героическая драма «Бессмертные»²⁰, его именем названы улицы и скверы городов и сел Чечни.

В стихотворении «Слепой» («Бӕрзе стаг») Х. Эдилов рассказывает о трагической истории солдата, потерявшем зрение от взрыва бомбы на войне. Естественно, инвалид вызывает у людей жалость, им кажется, что из-за увечья он «потерял интерес к жизни», ему «безразлична своя судьба».

Но как только солдат начинает говорить, становится ясно, что он не сломлен на самом деле. Несмотря на свое физическое состояние, солдат «считает себя бойцом», он разъясняет людям, что война навязана врагом, что она «никого не жалеет»: «Вайна те божийнарг ямарта том бу, цуьнан це, къа хетий, вуьтуш яц цъба а»²¹. Не ожидая пользы от бесполезной людской жалости, он призывает их к смертельной борьбе с врагом:

От утомленных сердец ваших
Мне нет никакой пользы.
Крепите свои сердца, как сталь,
Чтобы разгромить фашистов!
Если каждый поднимется,
Чтобы показать характер,
Эта сила, способна
Зарвавшегося врага разгромить.

Шун дегнаш кАдаларх
Суна бац пайда,
Болагал чАгГло шу
Фашисташ буохо!
Массо а гАьттича
Шен хьуьнар гайта,
Ницкъ бу и эхь дайна
МостагIа вуохо²².

Лирический герой Х. Эдилова считает за честь пасть на поле брани, защищая Отчизну:

«Гечдойла» аьн долчоьх,
Турпалхойн моГарехь,
Кху араьх каш хилар
Ирс хетта, Латта.

Где (люди) скажут, прости тебя бог,
В шеренге героев, –
На этом поле иметь могилу,
За счастье считаю, Земля²³.

Земля и Отчизна здесь – не просто поэтические синонимы, Земля (в широком понятии) – это весь белый свет («кIайн дуьне»), общий дом, а Отчизна – это, прежде всего, отчий край, беречь и защищать который обязан каждый, кто родился и вырос на этой земле.

Свою лепту в развенчание замыслов ненавистного врага внес и Билал Саидов. Стихотворения, написанные в 1942-м году, поэт, спустя 30 лет, издал отдельным разделом в своем итоговом сборнике избранных произведений, вышедшем в свет в 1974-м году²⁴.

Ряд стихотворений, посвященных теме Великой Отечественной войны, – «Тыл и фронт» и другие – вошел в сборник М. Исаевой «Северная звезда» (1942).

Поэты и прозаики Нурдин Музаев, Зайнди Муталибов и другие писатели приняли участие во фронтовой борьбе, встретив врага с оружием в руках. Особенно большой интерес в чеченской литературе военных лет представляет собой фронтовая лирика З. Муталибова. В его стихах нашли отражение события войны, воспринимаемые самим их участником. Лирический герой З. Муталибова едва вступивший в жизнь молодой

человек, воспитанный на лучших традициях народа, патриот и интернационалист, в сознании которого «война лишь подняла на новый уровень те качества, которые ранее воспринимались несколько абстрактно»²⁵.

Таковы основные факты, свидетельствующие о вкладе, внесенном чеченской литературой в общий фонд победы над немецким фашизмом.

Несомненно, что этот вклад был бы значительно большим, если бы не поголовная депортация чеченского народа в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 году, которая нарушила нормальное развитие чеченской литературы на целые полтора десятилетия.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00465

² Мамакаев А. В родной аул // В горах Чечни. Избранное. – М.: Молодая гвардия, 2008. С. 322–343. (На чеченском языке).

³ Там же. – С. 323.

⁴ Туркаев Х.В. Чеченская советская поэзия. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971. – С. 154.

⁵ Там же.

⁶ Корзун В.Б., Чентиева М.Д. Чечено-ингушская литература в годы Великой Отечественной войны // Известия, т. V, вып. 3, литературоведение. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1968. – С. 3.

⁷ Там же. – С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Мамакаев А. Все для войны // Арби Мамакаев. В чеченских горах. Избранные произведения. – М.: Молодая гвардия, 2008. – С. 138–139. (На чеченском языке).

¹⁰ Корзун В.Б., Чентиева М.Д. Чечено-ингушская литература в годы Великой Отечественной войны... – С. 4.

¹¹ Сулаев М. Лучи Родины. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1961. – С. 23. (На чеченском языке).

¹² Мамакаев М. Избранные произведения. – Грозный, 1972. – С. 16. (На чеченском языке).

¹³ Там же

¹⁴ Там же

¹⁵ Мамакаев М. Избранные. Стихи, поэмы. Т. II. – М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2010. – С. 55. (На чеченском языке).

¹⁶ Кларлагла – холм проклятия.

¹⁷ Там же: Мамакаев М. Избранные. Стихи, поэмы. Т. II...

¹⁸ Цит. по: Эдилов Х. Перед портретом // Следы времени. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. – С. 92. (На чеченском языке).

¹⁹ Цит. по: Эдилов Х. Кавказский орел // Мое счастье. – Грозный: Чечено-Ингушское

²⁰ Хамидов А.-Х. Избранное. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982.

²¹ Цит. по: Эдилов Х. Слепой // Мое счастье... – С. 95–97.

²² Там же. – С. 97.

²³ Цит. по: Эдилов Х. Благослави, Земля // Мое счастье. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. – С. 49. (На чеченском языке).

²⁴ Саидов Б. Избранное. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. – С. 65–76. (На чеченском языке).

²⁵ Минкайлов Э.С. Благослави, Земля! // О литературе и фольклоре. Статьи. Эссе. Интервью. – Элиста: Джангар, 2007. – С. 77–88. (На чеченском языке).

Вахит Акаев

Берса-шейх – первый проповедник ислама среди чеченцев

В истории Чечни на документальных источниках основательно зафиксирована религиозная и политическая деятельность шейха Мансура, имама Шамиля, шейха Кунта-Хаджи и других духовных, религиозно-политических деятелей XVIII-XX вв. Но наши познания о религиозных личностях, героях более раннего периода очень скромны. Исследовательские центры республики практически ничего не сделали в этом плане. История и культура чеченского этноса, начиная с арабских завоеваний, многовековой и противоречивый процесс распространения ислама не получил сколь-нибудь систематизированного, последовательного изложения. Осталась за пределами истории и культуры чеченцев деятельность первого проповедника ислама среди чеченцев, кем был шейх Берсан (Берса-шейх) из аула Курчали. Цель предлагаемой статьи – восполнить существующий в отечественной истории и религиоведении пробел, касающийся деятельности первых мусульманских проповедников, распространявших ислам среди чеченцев в конце XVI – первой трети XVII вв.

Вопрос о начале распространения, массовом утверждении ислама среди чеченцев до сих пор остается не проясненным, а потому являются частыми амбивалентные высказывания, свидетельствующие о его не до конца изученном характере. Между тем существуют различные версии о времени распространения ислама среди чеченцев, отсутствует и четкая позиция, признающая его окончательное утверждение. Дореволюционные авторы в ряде исторических сюжетов, посвященных быту, образу жизни, социальному устройству чеченцев, их религиозным верованиям зафиксировали факты массового распространения ислама среди чеченцев. Например, такой этап восприятия ислама чеченцами связан с проповедником шейхом Берсаном (Берса-шейх), живший в Чечне в конце XVI – в первой трети XVII в. В царский период впервые об этом написали И. Попов и У. Лаудаев, которые в «Сборнике сведений о кавказских горцах» опубликовали соответственно материалы «Ичкерия (историко-топографический очерк)» [1] и «Чеченский тайп» [2].

Деятельность исламского проповедника Берса-шейха сопряжена с определенными историческими и социокультурными предпосылками, сложившимися в восточной Чечне в конце XVI – начале XVII вв. Скорее всего, поселения в Ичкерии образованы чеченцами, мигрировавшими из западной и южной части Чечни в IX–X вв. Уже в XIX в. здесь насчитывалось более 40 тайповских поселений. И их жители, судя по утверждению И. Попова, являются потомками 18 выходцев из аула Нашахэ. К такому выводу этот дореволюционный этнограф приходит на основе преданий, обобщения этнографического материала, который он собрал, посещая хутора и селения чеченцев, проживавших в восточной Чечне.

В XV–XVI вв. в Чечне религиозная ситуация не является гомогенной, она пестра, мозаична. Здесь функционировали языческие святилища, на чеченцев оказывали воздействие грузинская православная церковь и исламские проповедники, проникающие из Дагестана. Но, судя по некоторым источникам, чеченцы-аккинцы, проживавшие на востоке Чечни (сегодня на территории Дагестана), в этот период уже исповедуют ислам. Восточная часть Чечни становится объектом активного воздействия со стороны исламизированного Дагестана.

Подтверждая влияние христианства на определенную часть чеченцев, Я. Ахмадов пишет: «XVI-XVII вв. грузинские цари не раз стремились утвердить христианство в южных районах размещения нахского этнического массива» [3, с. 286]. Усилие грузинской церкви оказалось недостаточным, чтобы приостановить активную деятельность мусульманского духовенства. Во многом это связано с тем, что в конце XVI - начале XVII в. территория чеченцев становится объектом притязаний Османской империи, Крымского ханства и сефевидского Ирана. Московская Русь также пыталась упрочить свои позиции в этом регионе. Надо отметить, что правитель окочан (чеченцев-аккинцев) Ших Мурза Окоцкий, исповедующий мусульманскую веру, отправил в 1588 году в Москву посольство для установления дипломатических отношений с русским царем. Однако влияние мусульманских стран на регион и ее народы становится все более настойчивым. Большая роль в деле распространения и утверждения ислама в отмеченный период принадлежала мусульманскому духовенству Дагестана, имевшему тесные контакты с единоверными государствами.

В течение XVI в. миссионерская деятельность по распространению ислама на территории чеченцев не прекращалась. Дагестанское мусульманское духовенство при поддержке Османской империи добивалось окончательного утверждения ислама среди чеченцев. Для активного распространения ислама и его утверждения на большей части Чечни потребовался проповедник из числа самих чеченцев. Им становится Берса – молодой человек удивительной судьбы. В письменной истории о нем нет развернутых сведений.

Только указанные выше И. Попов и У. Лаудаев дают скудные данные о нем. У И. Попова нет ясности в происхождении шейха Берсана. Но он приводит предание ичкеринцев о том, что Берсан «выходец из Кази-Кумуха, поселился в ауле Курчали, стал не мечом, а сильным словом и точными предсказаниями будущих событий, проводил мусульманство в окрестные аулы» [1, с. 11]. В другом месте И. Попов приводит предание гуноевцев, утверждавших, что он родился в ауле Курчали, был родственником гуноевцев по материнской линии. Впоследствии он успешно учился арабской грамоте в Кази-Кумухе, вернувшись домой жил ничем не отличаясь.

Предания о жизни и деятельности Берса-шейха, первом проповеднике ислама среди чеченцев, сохранились в народной памяти, а также в художественной форме изложены в романе «Къоман тептар» [4] чеченского писателя Усмана Юсупова. На основе этих сведений можно реконструировать его образ, религиозную деятельность, сопряженную с распространением и утверждением ислама в Чечне.

Как отмечает У. Юсупов, Берса родился в ауле Куьрчал нынешнего Веденского района в конце XVI в. и принадлежит к тайпу куьрчал. Его отца звали Тимарбулат, а деда Темболт. Они принадлежали к известной чеченской семье, отличавшейся служением общим национальным интересам, объединявшим народ на борьбу с внешними врагами. Из-за зависти Тимарбулат был убит родными братьями. Его мать Клажар, принадлежащая к тайпу гуной, узнав о коварстве родственников, возвращается в родной аул. Живя у родственников, она родила мальчика, нареченного именем Берс.

Берс рос живым, любознательным и сильным мальчиком. В мальчишеских драках он всегда выходил победителем. Часто от сверстников ему доставались обидные слова: «Вместо того, чтобы одерживать вверх над нами, ты бы отомстил тем, кто убил твоего отца». Каждый раз, после очередной стычки с мальчишками, он просил мать разъяснить смысл наносимых ему обид. Но всегда получал уклончивые ответы.

В жизни 9-летнего Берса, который ходил по лугам, лесным трущобам, наблюдая природу, прислушиваясь к пению птиц, происходит удивительное событие, которое не иначе, как чудом не назвать. В лесу он обнаруживает полуживого волка, а рядом убитого им в схватке барса. В течение месяца, прикладывая травы и подкармливая, он вылечивает зверя, надолго привязавшегося к нему. Однажды, схватив зубами

рукав рубашки Берсы, волк потянул за собой мальчика. Берса послушно последовал за ним. Когда они вышли из чащи леса на небольшую поляну, то он увидел семерых белобородых старцев, ведущих странную беседу. Старцы, вступив с ним в беседу, призвали готовиться к великой миссии, для которой судьба его избрала. Распрощавшись с растерянным Берсом, старцы попросили передать матери сердечный привет. На вопрос Берсы, кто они такие, ответили: «Несомневающиеся».

К пятнадцати годам Барса вместе с другими чеченскими юношами проходит в горах Чечни полугодовую изнурительную физическую и боевую подготовку, готовясь стать защитником Отечества. Вся его жизнь отныне, как и его отца и деда, была посвящена защите своей родины, отстаиванию общих интересов, поддержке простых людей, установлению справедливости. Взрослея, Берса демонстрировал лидерские качества, неуклонную преданность своему народу, всегда поступал по совести и справедливо. После совершеннолетия он с матерью переселяется в аул своего отца. Убийцы его отца, боясь мести, перебираются за Терек.

К двадцати годам его жизнь радикально меняется из-за случая, произошедшего с ним в ходе конфликта, возникшего между беноевцами и дагестанцами, которые часто враждовали между собой из-за территориальных споров. В аул Бено прибывает группа дагестанских мусульман во главе с неким шейхом Абу-Муслимом, жестко потребовавшего от чеченцев принятие ислама. Но беноевцы, будучи последователями древних обычаев, не желали подчиниться агрессивному требованию. Между Берсом, оказавшимся в гостях в Беное у родственников жены, и Абу-Муслимом происходит короткий поединок.

Предводитель мусульман получает смертельное ранение. Его соратники ринулись на беноевцев. Но Абу-Муслим именем Аллаха запрещает кровопролитие. Предание утверждает, что шейх Абу-Муслим сообщил своим последователям, что отныне именно Берса превратится в шейха, будет осуществлять миссию по распространению ислама в Чечне. А в этом богоугодном деле никто не должен ему препятствовать. Через Берсу, утверждал Абу-Муслим, чеченцы получают баракат от Всевышнего, а потому его поддержка – обязанность каждого мусульманина края.

После такой речи происходит чудо. Тело Берсы окутывает черный дым, который поднимается в небо и испаряется. Это событие было истолковано следующим образом: дым – облако «неверия», которое по воле Всевышнего отделилось от будущего проповедника ислама. Это явное чудо, с точки зрения веры, означало знак святости. Очищенный от прежних языческих воззрений, Берса встал на праведный путь, превратился в святого.

Изложенное У. Юсуповым предание у И. Попова имеет другую трактовку. После возвращения из учебы в Кази-Кумухе Берса засватал девушку из своего аула и готовился к женитьбе. После очередной встречи с девушкой он вернулся домой и лег спать. Поздно ночью был разбужен будущей тещей, упрекавшей его словами: «Ты все спишь и не знаешь, что на наш аул напали тавлинцы (аварцы); вступай на защиту, иначе мы все погибнем!» Сконфуженный упреками женщины, он поклялся умереть в битве или принести голову предводителя напавших, разорившие часть аула и отступавших обратно.

Нагнав тавлинцев, он выстрелом нанес смертельную рану их предводителю. Раненный предводитель, падая с лошади, успел сказать, что его зовут шейх Гада и он истинно следуя закону пророка Мухаммада, учил народ идти путем правым. Умирая от руки Берса, он именем Аллаха просил его принять ислам и обращать в него свой народ. После этих слов проповедник Гада умер. Опечаленный случившимся Берса вернулся домой, вскоре принял мусульманство и начал проповедовать ислам. Как пишет И. Попов: «Первый аул в Ичкерии, принявший ислам, был Курчали – родина Берса, затем постепенно ислам стали принимать другие окрестные аулы, не имевшие, как и он сам, ни веры, ни закона» [1, с.14].

Как видно, эти два предания разнятся. Не ясно, кто такие Абу-Муслим и Гада. У. Юсупов полагает, что Берса к моменту боя с тавлинцами был мусульманином, а у И. Попова он еще не мусульманин. Словам, здесь еще предстоит уточнение некоторых аспектов преданий и создание правдоподобных сюжетов. Необходим поиск арабграфических текстов, отражающих деятельность Берса-шейха, процесс массового принятия ислама чеченцами.

В своей книге У. Юсупов пишет, что религиозную деятельность Берса начинается с того, что просит свою мать Кажар принять ислам. После долгих увещеваний мать, почувствовав, что его сын обладает даром убеждения, принимает новую веру. Но он долго не мог склонить к исламу родственников матери. Например, дядю по матери и других представителей тайпа гуни. Навязывать ислам насильственным путем Берса не желал. Его религиозная проповедническая деятельность основывалась на убедительных аргументах, разумной, мягкой речи, увещеваниях, призывающих принять веру в Аллаха.

По-видимому, к первой трети XVII в. все тейпы, которые окружали тайп гуной, приняли ислам. Родственники матери Берса-шейха не спешили с переходом в ислам. На его требование принять ислам они отказывались под различными предлогами. Очередной раз, посетив своих родственников, он получает отказ. После его ухода жены и сестры стыдили своих мужей и братьев, вопрошая: «Почему Вы неуважительно относитесь к своему племяннику признанного шейхом Чечни?» Они требовали ценить уважительное отношение Берса к родственникам матери. В ответ на укор своих жен и дочерей старейшины рода попросили вернуть его обратно. В этот вечер основная часть гуноевцев приняла ислам. Более того, с небольшой горы они сбросили большой тейповский котел, в котором варили кабанину. Это место на чеченском называется «Яй карчийна корта» («Голова, с которого скинули котел»).

Небольшая часть рода гуной, отказавшаяся принять ислам, после жарких дискуссий покинула родные места. Эта часть рода под предводительством Оьрза (имя старшего из «отказников») перешла реку Терек и основала поселение, названное «Оьрза гIала» («Город Оьрзы»). Оно находилось на месте казачьей станицы Червлённая. Потомки Оьрза «обрусели» и сегодня считают себя терскими казаками, хотя помнят свою связь с родом гуной. К таким фамилиям относятся Егоркины, Гришины, Бусунгуровы, Титкины, Полушкины, Пронькины и др.[2, с. 54].

У. Лаудаев религиозную деятельность Берса-шейха соотносит с деятельностью Термаола. Последний, как утверждает У. Лаудаев, распространял ислам в восточной части Чечни одновременно с Берсом-шейхом. По описанию У. Лаудаева Термол был человеком красноречивым и жестоким [там же]. Его страстные речи, описывающие благо для верующих в загробной жизни, склоняли чеченцев к принятию ислама. Но он отличался жестокостью в деле искоренения язычества среди чеченцев. Как пишет У. Лаудаев, убив три тысячи неверных, он поставил вверх ногами три трупа, намекая тем самым на три тысячи убитых. Как сообщает предание, зафиксированное У. Лаудаевым, после такой кровавой бойни, женщины накрыли свои головы пустыми очажными котлами и вышли на улицу. Это означало, что в своих домах им больше некому приготовить еду. Кроме того, дети в аулах стали играть с куклами, изображающими убитых людей. Не выдержав этих издевательств, Термаол, выкопал яму и заживо себя похоронил. Предание сообщает, что при этом им было сказано, что он вернется вновь в мир тогда, когда чеченцы в этом почувствуют потребность [там же, с. 55].

По мнению У. Лаудаева и А. Сулейманова, Термол и Берса-шейх стали одновременно проповедовать ислам среди чеченцев, что происходило в 1591 году. Они являются первыми этническими чеченцами, распространявшими на своем родном языке ислам среди соплеменников.

Важно рассмотреть и еще один аспект. В исторической памяти чеченцев сохранилось предание о том, что среди чеченцев ислам распространял Абу-Муслим – арабский полководец (VIII в.), а в дагестанских исторических хрониках утверждается, что именно при нем дагестанцы приняли ислам. Но это положение, сохранившееся в народном предании, видимо, не совсем корректно. Так, в царское время на русском языке было издано сочинение «Асари Дагестан», написанное известным дагестанским алимом Гасаном-эфенди Алкадари. Оно было переиздано в 1994 году в г. Махачкала с развернутыми комментариями доктора исторических наук В.Г. Гаджиева. Из текста этого сочинения следует, что по приказу мусульманского правителя (халифа) Гашима бен Абдул-Мелика из Сирии на Кавказ был отправлен его родной брат Маслама бен Абдул-Мелик. Последний покорил Дагестан, отнял у хазар все округа и города, убил сына хазарского царя. Наряду с воинственностью он отличался созидательной деятельностью: давал целесообразные распоряжения и осуществлял проницательные мероприятия. Им были назначены кадии и ученые для обучения исламу населения дагестанских аулов и городов, правители и старейшины для правления ими, построены мечети и минареты. Исследователи утверждают, что именно он, Маслама бен Абдул-Мелик, получил в народе имя Абу-Муслим. И он умер 739 году в Сирии в местности Ханут [7, с. 43].

На этой же позиции находится авторитетный исследователь ислама в Дагестане А.Р. Шихсаидов, который писал, что настоящий Абу-Муслим в отмеченный период не был в Дагестане. По его мнению, имя Абу-Муслим в народе получил Маслама, арабский полководец, правитель Ирака и Хорасана, совершившего в 709–10 и 731–32 гг. разорительные походы на территорию Дагестана [7, с. 77].

Алкадари в своем сочинении говорит еще о двух мусульманах, имевших имя Абу-Муслим. Второй Абу-Муслим, выступив из Хорасана, содействовал переходу власти от омейядов к аббасидам в 747 году, но он никогда не был в Дагестане. Третий Абу-Муслим был шейхом, он прибыл в Дагестан в IX в., обучал исламу, распространял шариат, умер в Хунзахе, где находится его зиярат, посещаемый верующими. Судя по этим сведениям Абу-Муслим, который был убит в Беное к описанным трем Абу-Муслимам отношение не имеет. Это другой мусульманский проповедник, имеющий такое же или совершенно другое имя.

В Чечне сохранились и следы захоронений Термола и Берса-шейха. Как утверждает А. Сулейманов, могила Термола находится в селении Айткхалла Ножай-Юртовского района. А гробница первого проповедника Берса-шейха находится в с. Курчали, рядом с ним покоится его жена [5, с. 658]. Зиярат Берса-шейха находится на окраине с. Курчали и он реконструирован в 2006 году Рамзаном Кадыровым.

Ссылаясь на «Топонимию Чечни» А. Сулейманова, в своей публикации, посвященной Берса-шейху в «Вестях Республики», я написал, что его современник Термол похоронен в с. Айткхалла [8]. С выходом статьи мне позвонила известная журналистка Аза Газиева, сообщившая, что в нашей публикации допущена ошибка и подлинное место захоронения Берса-шейха – Куьйрен-бен, что находится на окраине Энкхалла Ножай-Юртовского района. Из беседы с Азой я почерпнул немало интересной информации. Оказывается, проповедник ислама Термол является ее двенадцатым предком. На основе, сообщенных сведений и других источников, конечно, очень важно реконструировать его образ, религиозную деятельность по распространению ислама среди чеченцев.

Термол был родом с хутора Куьйран-Бен ныне Курчалоевского района и он принадлежит тайпу энкхаллой. Рядом с этим аулом имеется место, где лежал камень, на котором имеются отпечатки вдавленных четырех пальцев. Аза Газиева обратилась к Рамзану Кадырову и рассказала ему о значимости Термола в распространении ислама восточной части Чечни. На этом месте в 2010 году по указанию Рамзана Кадырова построили зиярат.

С детства Термол был приучен к труду, различным лишениям и подготовлен как воин. В предании чеченцев он сохранился как турпал Термаол, обладавший необычайной силой. И сегодня жители с. Энкхалла могут указать камень, который он поднял одной рукой и отбросил в сторону. Вряд ли, этот сохранившийся до наших дней камень, могут сдвинуть с места пять сильных мужчин.

С чего началась религиозная деятельность Термола? Как-то один из его родственников заболел, его долго не могли вылечить. В Дагестане был найден врач-мусульманин, который взялся за лечение. Врач оказался искусным и глубоко набожным. Профессионализм и вера в Аллаха, которые в ходе лечения больного он продемонстрировал, явились основанием принятия ислама Термаолом. Судя по преданию, он учился в Аварии. За значительные успехи в учебе ему был подарен триножник (джIайн гIант), а также сто человек прислуги. Последние, как утверждает предание, были поселены в отдельном месте, чтобы они не смешивались с чеченцами (хIу ца бехдайта). Аза Газиева утверждала, что ее дед часто произносил: «НогIийн а, гIалмакхойн а зударий схьакхийлина нохчийн цIий бехдина».

В месяц Рамадан многие верующие Чечни и других мест посещают Веденский район, в котором немало зияратов известных шейхов и устазов, в том числе и зияраты Берса-шейха и Термола. Посещая их, они просят у Всевышнего благодати, очищения от грехов, избавление больных родственников от недугов. Посещение святых мест оказывает благоприятное влияние на паломников, вселяет в них надежду на лучшую жизнь, просветляют их затуманенное сознание.

Литература:

1. Попов И. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск IV. Тифлис, 1870.
2. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск V. Тифлис, 1872.
3. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – 426 с.
4. Юсупов Гусман. Къоман тептар. Хьалхара книга. – Нальчик, 2008. – 416 с.
5. Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. – Нальчик: Изд. центр «ЭЛЬ-ФА», 1997. – 684 с.
6. Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. – Махачкала, 1994. – 224 с.
7. Шихсаидов А.З., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Издат-я фирма «Вост. лит», 1993. – 302 с.
8. Акаев В.Х. Первый проповедник ислама из числа чеченцев (об утверждении ислама в Чечне Берса-шейхом) // Вести Республики. – 2012. – 27 июля.

Лиза Адмисиева

О развитии торговли и торговых отношений на прилинейных территориях

(Центр и левый фланг Кавказской военной линии. Вторая половина XVIII века)

Во второй половине XVIII века товарно-денежные отношения начинают проникать во все отрасли хозяйства. Растет население городов, повышается спрос на хлеб, мясо и другие сельскохозяйственные продукты. Вместе с тем появляется необходимость в укреплении и расширении торговых связей между центром и аграрными окраинами страны, которые поставляют продовольствие и сырье в обмен на промышленные товары.

В первой трети XVIII в. торговым центром в крае был город Терки, который пришел в упадок уже к середине 30-х годов XVIII в. Для экономического развития края требовался крупный торговый центр. Эту роль с 1724 года стала выполнять новая крепость – Святой крест, заложенная на Аграхани в 20 км. от устья реки Сулак. Однако она прослужила недолго.

Следующая крепость была заложена в 1735 году на месте урочища Кизляр, где издавна шла меновая торговля с затеречными кавказскими народами. Здесь же селились прибывшие из Закавказья грузины и армяне, которые занимались шелководством и виноградарством [9, с. 200]. Предместье Кизляра осваивали и горцы, переселившиеся на равнину. Среди них были не только чеченцы-окочане, но и представители других чеченских обществ [1, с. 224-225].

Вплоть до первой трети XIX в. Кизляр выполнял роль экономического и политического центра большей части Северного Кавказа. Кизлярские торговцы устанавливали прочные торгово-экономические связи с кумыкскими и чеченскими селениями, расположенными в радиусе 100-200 верст от города, а также с Дагестаном, Северной Осетией и Кабардой. Так, например, шерсть, закупавшаяся большими партиями в Кабарде, сухопутным путем через Кизляр отправлялась в Астрахань и далее во внутренние российские губернии. Наиболее интенсивными были связи Кизляра с крупными кумыкскими и чеченскими селениями Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Брагуны и Старый Юрт. Из этих селений, а также ногайских хуторов и из Большой Кабарды «за неполных семь месяцев 1754 г. было вывезено в Кизляр товаров на 4 859 руб. 63 коп.» [6, с. 106]

С середины XVIII века наблюдается оживление торговых отношений народов Северного Кавказа с Россией. В торговлю были вовлечены не только жители городов и линейных станиц, но и горцы, а также армяне, грузины, греки. Продавалось все, что имело спрос: колеса аробные, шкуры диких животных, воск, мед, пшеничная и просяная мука, горское сукно, бурки, ружейные замки, глиняная посуда, шерсть, овчины, войлок, кожи домашних животных и многое другое [6, с. 109-111].

Гребенские и Терские казаки, как известно, добывали корень марены. Его великолепные красящие свойства отмечал свое время еще Петр I и обращал внимание российских купцов на необходимость использования в текстильной промышленности этого естественного красителя. Кизлярские купцы скупали марену у казаков, горцев и других сборщиков за бесценок и вывозили далеко за пределы Северо-Восточного Кавказа, где перепродавали ее уже по более высокой цене. Прибыль от продажи марены была настолько велика, что появляются посредники между ее собирателями и фабрикантами. А «некоторые ... владельцы, подняв цену на марену, заключали договоры с русскими промышленниками на право сбора ее на территории их владений» [6, с. 96]. Из конопли гребенские казаки делали знаменитую гребенскую

пеньку, которую продавали «каждый пуд по четыре рубля». Интересно, что они не применяли прялок и веретен, а обматывали пеньку вокруг себя.

В 1753 году в целях развития торговли в стране правительство отменило сбор внутренней пошлины и повысило пошлины на товары, вывозимые за пределы страны. Так как горцы на Северо-Восточном Кавказе приравнивались к иностранцам, то за товары, продаваемые в Кизляре, им приходилось платить торговую пошлину. В 1755 году правительственным указом была создана кизлярская таможня, которая следила за ввозом и вывозом русских и иностранных товаров и собирала торговые пошлины. Это обстоятельство отрицательно сказалось на экономическом положении не только горцев, но и жителей Кизляра. На тягость торговых пошлин жаловались и представители местных горских верхов. Горцы и линейные жители были вынуждены торговать в обход таможни и карантинных застав.

К середине 60-х годов XVIII века политические отношения между Россией и Турцией снова обострились. Учитывая это и многие другие обстоятельства, и, прежде всего для того, чтобы привлечь на свою сторону горские народы, российское правительство пошло на уступки горским народам в области торговли. Поощряя развитие торговли на Северо-Восточном Кавказе, в 1765 году вышло распоряжение, по которому кумыки, кабардинцы и другие горцы региона могли торговать в Кизляре беспошлинно [6, с.109-111].

Казаки и горцы из близлежащих к Кавказской линии селений продавали излишки производимых в своем хозяйстве продуктов животноводства и сельского хозяйства. Реализовать избыток этих продуктов позволяли ярмарки, которые устраивались в городах и некоторых селениях вдоль Кавказской линии. Например, в городе Георгиевске ежегодно проходили по две ярмарки: одна 9-го мая, другая – 1-го октября. Ярмарки устраивались и в помещичьих селениях, например: в Привольном, в Александровке.

В Кизляре были три рынка для постоянной торговли и учреждены три гостинных дома: русский, армянский и татарский (последний для горских купцов). Торговые отношения горцев с казаками и переселенцами не просто имели место – они развивались полным ходом, несмотря на самодержавную политику царского правительства, которое придерживалось принципа «разделяй и властвуй» в отношении горских народов. Царское правительство всячески старалось не допускать сближения простых казаков, русских и украинских переселенцев с горцами. Однако это не мешало развитию торговли и торговых отношений. На ярмарках шла оживленная торговля. Из уездных сел и городков привозили овечью и верблюжью шерсть, пшеницу, пшено, хлопчатую бумагу, шелк, корень марены и др. Прибывавшие из-за Кавказской линии горские и плоскостные жители продавали здесь хлопчатую бумагу, марену, меха, мед и фрукты. Эти товары из Кизляра перекупщиками переправлялись в Астрахань.

Кизляр славился своим спиртом и вином, которые продавались на ярмарках Кавказской и Астраханской губерний, а также вывозились в Москву, Санкт-Петербург, Ригу и многие другие города. Надо отметить, что виноград для производства спирта и вина возделывался не только в Кизлярских садах, но и в селениях Гребенских и Терско-Семейных казаков. Перевозку товаров, в основном, осуществляли представители кочевых народов. Например, ногайцы перевозили разный товар на волах и лошадях не только в окрестности г. Кизляра, но и во внутренние города Российской Империи [2, с. 984-985].

В XVIII веке активизируется процесс возвращения части горцев (чеченцев и ингушей) на плоскость. С середины XVIII века особенно интенсивно происходит заселение земель по берегам Сунжи и Терека горцами (чеченцами по Сунже и среднему течению Терека – А.Л.). В 1747г. жители селения Герменчук просили русские власти разрешить им поселиться на правом берегу Терека, что и было исполнено. В 1778г. алдинское население перебралось на берега реки Сунжа, а через год чеченцы поселились против Наурской станицы, у Терека. В это же время,

а возможно и раньше, на правом берегу Сунжи появилось до 24 чеченских селения [5, с. 175; 6, с. 92].

Царские власти разрешали горцам селиться напротив казачьих станиц, видимо полагая, что таким образом легче будет контролировать их. В Указе от 9 мая 1785 года говорилось: «2. Полезным признаем Мы исподволь заводить в близости подгорных народов Нам подданных города, для обуздания своевольных и для надежнейшего сохранения внутреннего в них порядка. Мы удостоверены, что в краткое время и сами они ощутят пользу из сего заведения, и найдут собственную их выгоду в причислении их под управление, нами учрежденное, участвуя в оном выборе Судей по званию и состоянию их; но для сего нужно, чтоб они в торге, промыслах и прочих позволенных упражнении имели полезную свободу и чтоб военные и гражданские начальники не стесняли их в том ни под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли» [10, с. 389].

Властям было выгоднее приобретать продукты сельского хозяйства у горцев, нежели завозить их из внутренних губерний, что обходилось значительно дороже. Для привлечения горцев к торговле на Линии властями еще в 1780 году предпринимались определенные шаги. «...Для приласкания кабардинского народа к Российской стороне велено было построить на Моздокской Линии для произведения мелочными товарами торгу в крепостях Ставропольской, Георгиевской и Моздокской на казенную сумму к поклаже товаров анбалы, а для продажи оных лавки» [2, с. 1109-1110].

В 80-90-ые годы XVIII века сухопутная торговля через Кизляр достигла чуть ли не уровня торговли морским путем. Кизляр играл роль важного транзитного пункта на Северном Кавказе. Одной из доходных статей в торговле с Россией и соседними кавказскими народами у чеченцев и ингушей являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговлей лесом занимались в основном жители Брагунов, а также жители вайнахских сел, прилегающих к рекам Терек, Аргун и Сунжа. Немалый доход приносила вайнахам продажа обручей и бочарных досок, которые доставляли они в Кизляр. Изделия лесной промышленности, сырая нефть, соль, а также изделия кустарных промыслов составляли в конце XVIII века значительную часть рыночных товаров Чечни и Ингушетии. [3, с. 166-167].

Большое значение для сближения горских народов с казаками и русским населением со второй половины XVIII века начинает играть крепость Моздок, построенная в 1763 году и ставшая одной из главных крепостей Азово-Моздокской военной линии. Она становится крупным форпостом в центральной части Северного Кавказа, а также важным узловым пунктом, связывавшим юг России с Грузией. Моздок стал играть важную роль в укреплении русской пограничной линии, в развитии связей Кавказа с Россией [3, с. 168].

Сфера влияния России расширилась к западу, вверх по Терек. Колонизационную политику царизма на Северном Кавказе усиливали ее торговые и промышленные интересы. Стремясь задержать разложение крепостнической системы, царизм форсировал развитие феодальных отношений вширь и в тоже время оказывал покровительство развитию отечественной промышленности и торговли путем расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи [9, с. 201,203; 7, с. 27].

Население Моздока начинает расти за счет переселенцев и естественного прироста. Город становится важным транзитным пунктом, через который проезжали купцы со своими товарами в Кизляр, Астрахань и другие города, часть этих товаров продавалась в самом Моздоке. По данным Н.П. Гриценко: «только с 12 апреля по 5 мая 1780 г. проехало через Моздок примерно 40 купцов и торговых людей из Грузии в Кизляр и Астрахань, в Георгиевскую крепость, Кабарду, казачьи станицы. Много было купцов из Воронежа, Курска, Солекамска, Новочеркасска, иранских городов. Оживлению торговли способствовали регулярно устраивавшиеся моздокские ярмарки, а также меновые дворы» [6, с. 117-118].

В конце XVIII века в Моздоке уже существовал гостинный двор и около ста торговых лавок, где, в основном, торговали армяне, грузины и разбогатевшие мещане из разных городов России. Постепенно, к концу третьего десятилетия XIX века Моздок утрачивает свое значение, как важного торгового центра на Северо-Восточном Кавказе. Его главным конкурентом становится Ставрополь, а позже – крепость Владикавказ.

С конца XVIII века немаловажную роль в торгово-экономических отношениях с горцами начинает играть Владикавказ. Заложенный в 1784 году как военный пост, в начале XIX века он был преобразован в крепость. Долгое время Владикавказ служил перевалочным пунктом для торговцев, перевозивших свои товары из Российских губерний в Закавказье и обратно сухопутным путем.

Во второй половине XVIII века торговля и товарообмен производились не только в таких крупных городах, как Кизляр, Моздок, позднее – Ставрополь и другие, но и в казачьих станицах, некоторых аулах Дагестана и Кабарды, а также в чеченских селениях: Чечен-Аул, Брагуны, Старый Юрт (Девлет-Гирей-Аул), Гудермес и другие. В ассортимент товаров, вывозимых горцами из России, входили: бархат, парча, медная и деревянная посуда, ножицы, иглы, булавки, сахар, краски, соль и т. д. На эти товары русские торговцы получали в обмен меха, кожи, овец, лошадей и др.

Пользуясь тем, что горцы испытывали потребность в товарах, которые ими не производились, царские власти решили снабжать их «нужными вещами» для усиления политического влияния на них. В конце XVIII века горцам были созданы, на первый взгляд, благоприятные условия для развития торговых связей с Россией. Например, ингушам, вступившим в подданство России, выдавались открытые листы, в которых командирам пограничных пунктов приказывалось обеспечивать свободный проезд и выезд через границу и «никаких обид и налог ниоткого не чинить и показывать всякое благодеяние, как верноподданным (Е.И.В.)... под опасением в противном случае жесточайшего по воинским *регулам** штрафа» [4, с. 92].

Содействуя расширению торговли с Кабардой, русская администрация интересовалась и тем, какие товары можно покупать в Кабарде. Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях сверх того можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Андреевском, Костековском и в других селениях имелись пшеница, ячмень, пшено, сорочинское просо, овощи, а в лезгинских селах, кроме того, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; в Карабулаке – мед, воск, скот и пр.

Равнинные чеченцы и ингуши, жившие по рр. Сунжа и Терек, находились в более выгодных торговых условиях, чем горные жители. Они пользовались некоторыми льготами, в то время как горные чеченцы и ингуши были лишены их. В конце XVIII века одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений в крае было зарождение торговых центров в самой Чечне. Это были крупные селения, такие как Чечен-Аул, Брагуны, Гудермес, Старый Юрт, Аксай, Эндери и др. [3, с. 163-164]

Развитие торгово-экономических связей привело к возникновению среди горцев своего рода «промышленников», живших «торговыми оборотами» с русскими. Местные торговцы старались регламентировать свои связи с российскими рынками специальными соглашениями [4, с. 92].

Подводя итог можно отметить, что на протяжении второй половины XVIII века на территории Северного Кавказа и, в частности, на территориях, прилегающих к Кавказской военной линии, происходит укрепление и расширение торгово-экономических связей с внутренними российскими губерниями и народами Северного Кавказа.

Примыкавшие к Кавказской линии свободные земли заселялись также

* Регулы – (лат. *regulae, regula*) норма, правило. Например, в 1741 г. были изданы *рабочие регулы*, указывавшие в каком порядке следует содержать фабрику.

кабардинцами, осетинами, калмыками, русскими. Продолжали развиваться торговые связи горцев с казаками и русскими переселенцами. До учреждения Кавказской линии торговля шла между горцами Северного Кавказа и жителями внутренних губерний России, а также казаками и переселенцами. Горцы меняли кожу, воск, шерсть, лошадей и прочее на продукты и изделия казаков и русских ремесленников. Горцы в те времена не нарушали спокойствия своих соседей, так как их никто не притеснял. «Капканы даже, говорят они (род сети или узла, употребляемый для ловли лисиц), русскими в лесу расставленные, оставались в целости и черкес (горец – А.Л.), пойманный своими собратьями в похищении оногo, без наказания никогда не оставался. Они свободно пасли великие свои стада на лугах, находящихся у подошвы гор и простирающихся довольно далеко к нам, и пока мы (представители царской власти – А.Л.) не вмешивались в их дела, они пребывали спокойны» [2, с. 957-958].

Основными предметами торговли горцев были традиционные товары: бурки, чекмени, башлыки, арбы, колеса, продукты животноводства, земледелия и охоты. Казаки и жители прилинейных городов торговали пшеном, тканью, предметами домашнего обихода, украшениями, ножами, булавками и т.д. Российские, восточные и отчасти западноевропейские товары поступали в города и станицы Кавказской военной линии через Астрахань, Терский город и Дагестан.

С появлением новых городов на Северном Кавказе, таких как крепости Терки, Святой Крест, Кизляр, позже Моздок – экономические связи горцев с жителями прилинейных территорий усиливаются. Определенную роль в развитии торговли на прилегающих к Кавказской военной линии территориях играли сельские торговые центры Чечни и Дагестана: Брагуны, Старый Юрт, Эндери, Аксай, Костек и др.

Развитию торговли и торговых отношений в крае мешали всевозможные ограничения и запреты царской администрации. Однако, несмотря на все эти препоны, в условиях сложной политической обстановки, которая усугублялась регулярными военными экспедициями вглубь гор, несмотря на ответные вылазки и столкновения горцев с линейными казаками, торгово-экономические отношения на Кавказской военной линии продолжали развиваться. Непосредственными участниками торговых отношений были как горцы, так и казаки и жители прилинейных городов и сел.

Литература:

1. Абдулвахабова Б.Б. Роль Кизляра в интеграции чеченских обществ в экономическую систему России (втор. Пол. XVIII – начало XIX века) Мат. Междунар. научно-практ. конфер. (25-28 сент. 2008 г.) Кизляр, 2008.
2. АКАК. Т. 2, Тифлис, 1868.
3. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в ХУШ – начале XIX века. Грозный, 2002.
4. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в ХУШ веке. Грозный, 1991.
5. Броневский С. Новейшие исторические и географические известия о Кавказе. М., 1823.
6. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. У – Середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984.
7. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965.
8. Дебу И.Л. О Кавказской военной линии и присоединенном к ней Черноморском войске, и о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. – СПб., 1829.
9. Заседателева. Л.Б. Терские казаки. М., 1974.
10. ПСЗ, Т. 22. №16194.
11. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.
12. Хозяйственное землеописание Астраханской и Кавказской губерний, составленное по начертанию вольного экономического общества. СПб., 1809.

Юсуп Элембаев

Участники восстания 1877 года из Бачи-юрта

Наступила весна 1877 года. Горцы начали готовиться к весенним полевым работам. В отличие от крестьян равнинной полосы, горские крестьяне испытывали большой недостаток пахотных земель. Большинство из них были малоземельными или вообще не имели земельных наделов. А казенные земли по-прежнему были запрещены крестьянам для пользования.

При таком положении дел горцы были готовы поддержать любое выступление против царской власти. В ночь с 12 на 13 апреля 1877 года около шестидесяти человек из разных горных селений Чечни собрались в лесах недалеко от аула Харачой и поклялись бороться против царизма до полного освобождения и объявили имамом Алибека-хаджи Алдамова, незадолго до этого вернувшегося из Мекки, совершив хадж. В первые же дни к восстанию Алибек-хаджи примкнули крестьянские массы близлежащих горских аулов.

Через неделю после начала восстания волнением было охвачено 47 аулов горной Чечни. Из-за недостатка земель для возделывания сельскохозяйственных культур и обложения непомерных налогов горское население нищенствовало и было готово поддержать любое выступление против царизма. Участие горцев-крестьян в восстании было открытым протестом против колониального гнета царизма.

На сторону восставших перешли аулы Майртуп, Гельдеген, Цацан-Юрт, Бачи-юрт, Цонторой. 21 апреля повстанцы во главе с Алибек-хаджи направились к аулу Майртуп. Оттуда они намеривались предпринять наступление на Автуры и Шали, с целью прорваться на равнинную Чечню.

Под Майртупом повстанцев поджидали два войсковых отряда – Умахан-юртовский и Эрсенойский – под командованием полковников Милова и Нурида. Первое сражение восставших с царскими войсками произошло 22 апреля под селением Майртуп. В сражении принимали активное участие жители Бачи-юрта и других окрестных сел.

Численное превосходство царских войск, наличие артиллерии, которая стреляла почти в упор прямой наводкой, заставили повстанцев отойти, но и сами войска были вынуждены отступить в Курчалой, а затем и к Герменчуку. Полковник Нурид 26 апреля доносил: «Мятежники в больших силах находятся в ауле Бачи-юрт и сегодня должны занять Майртуп и Элисхан-юрт. Оттуда намерены присоединить жителей плоскости и, заняв Шали, перейти в Урус-Мартан».

Значение Шали, занимавшего важное место между горной и равнинной частями, понимали как руководители повстанцев, так и царские власти. Когда 28 апреля Алибек-хаджи подошел к Шали, то «почетные лица» этого села не только отказались пустить повстанцев в село, но и первыми произвели залп по повстанцам.

Намерения Алибека-хаджи занять Шали и Автуры – крупные аулы Большой Чечни – не увенчалось успехом. Жители Шали не были склонны поддержать восставших, наоборот, они оказали вооруженное сопротивление. Поняв, что плоскостные чеченцы не расположены к поддержке восстания и что ему не победить, Алибек-хаджи вернулся в горы. Восстание длилось более семи месяцев, силы были не равны, и царские войска жестоко подавили это выступление, самое крупное после окончания Кавказской войны.

4-6 марта 1878 года состоялся военно-полевой суд над руководителями восстания. 13 из 17 руководителей суд приговорил к смертной казни через повешение: Алибек-хаджи Алдамова, Ума-хаджи Дуева, его сына Дады Умаева, Дады Залмаева и других; одного (Шихмирзу Шихалиева) сослал на бессрочную каторгу, 3 участников восстания приговорили к каторжным работам сроком на 20 лет каждого. После подавления восстания царской властью было арестовано большое количество его участников.

Начались аресты участников восстания и в селе Бачи-юрт. Общее количество жителей Терской области, за участие в восстании приговоренных к высылке в административном порядке в Сибирь на поселение, не приводится. Называются аулы, семейства, отдельные лица: их было много, очень много, несколько тысяч. Из Бачи-юртовского аула (Грозненского округа) в списках арестованных значатся:

1. Чомак Горышбиев;
2. Хасау Ескиев;
3. Джабар Хасавов;
4. Сардар Гарейханов (Сардал Герейханов);
5. Гойта Кацаев.

Выселяемые горцы направлялись в Россию двумя путями: водным – через Астрахань и Петровск; сухопутным путем через Харьков. Первый поток высланных был направлен в губернии средней полосы России: Тульскую, Рязанскую, Калужскую. Здесь природно-климатические условия оказались более или менее терпимыми для выживания горцев. Второй поток направили в северные губернии России: Вологодскую, Новгородскую, Псковскую и Западную Сибирь. Царские власти вполне отдавали себе отчет, что высылка горцев в эти северные губернии России равносильна смертному приговору.

В октябре 1878 года министр внутренних дел России в служебной записке писал: «Нельзя не прийти к мысли о крайне печальных последствиях подобной высылки, можно без преувеличения сказать, что она едва ли не равносильна поголовному истреблению». Из числа прибывших в Новгородскую губернию в начале 1878 года 1625 человек в первые же месяцы умерло 429 (118 мужчин и 311 женщин), 74 человека оказались безнадежно больными (почти 1/3). Таким образом, прогноз министра внутренних дел полностью подтвердился.

Между тем власти продолжали насильственную высылку горских крестьян на верную смерть. Из шести человек, высланных из Бачи-юрта в подворных списках жителей села за 1898 год значится только один вернувшийся – Сардал Герейханов. Арестованный за участие в народном восстании горцев 1877 года Сардал Герейханов был выслан в административном порядке в Россию. Будучи в ссылке, научился сносно говорить по-русски. В 1883 году, когда все участники восстания были прощены (помилованы), Сардал вернулся в Бачи-юрт. Знание русского языка пригодилось и помогло ему занять должность старшины села, т.е. его по представлению начальника участка, как владевшего русским языком, назначили старшиной. Первые сведения о том, что Сардал был старшиной села Бачи-юрт относятся к 1898 году. Впоследствии, когда Бачи-Юрт был лишен права выбора старшины, он назначался на эту должность царской властью.

О том, что Сардал Герейханов являлся старшиной села Бачи-юрт, свидетельствуют подворные списки жителей за 1898 год, а также смета доходов и расходов на 1898 и 1904 гг.

В документах тех лет имеется дело и на другого участника восстания 1877 года, жителя села Бачи-юрт Акала Хадизова.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из архивного материала за 1894 год «Переписка начальника Грозненского округа о беглом Хадизове из с. Бачи-Юрт».

Начато 16 апреля 1894 года.

Окончено 30 июля 1894 года

Секретно

За участие в восстании горцев в 1877 году житель села Бачи-Юрт Акала Хадисов был арестован и в административном порядке сослан в Сибирь, но ему удалось бежать из ссылки. По этому поводу 16 лет спустя, 20-го апреля 1894 года после подавления восстания из канцелярии Терской области на имя начальника Грозненского округа поступило секретное сообщение о беглеце Акале Хадизове. В нем сообщалось, что Акала Хадизов, племянник старшины села Бачи-Юрт, может скрываться на родине. Его не было в селе, никто его не видел, но его поиски продолжались. В поисках беглеца проводились внезапные проверки у его родственников, а также у арестантов с кем он содержался в тюрьме, но проверки

результатов не дали. В дальнейшем в ходе следствия по этому делу выяснилось, что по отзыву от 20-го июня 1881 года за № 3027 и от 20 июля 1883 года за № 3773 все участники восстания из туземцев получили полное прощение, а Акала Хадизов будучи арестован после побега, почему-то еще содержится в Грозненской тюрьме. Когда доложили об этом факте Начальнику Терской области, он приказал начальнику Грозненского округа немедленно освободить из под стражи заключенного Акалу Хадизова. 28 июля 1894 года Грозненский округ уведомляет канцелярию Терской области, что житель села Бачи-Юрт Акала Хадизов освобожден из-под стражи. После помилования всех участников восстания 1877 года Акала Хадисов провел в тюрьме более 10 лет.

От канцелярии 20 апреля 94

Секретно

№ 147

г. Владикавказ Начальнику Грозненского округа

С препровождением при сем заметки старшего чиновника для особых поручений штабе капитана Брусилова об опросе арестантов Висаита Совбатова и Самби Сириева, канцелярия по приказанию Начальника области и Наказного атамана имеет честь просить надлежащего распоряжения Вашего Высокоблагородия по отношению к указываемому в оной беглому из Сибири племяннику старшины села Бачи-юрт, Акала Хадизова о последующем же по сему благовольте донести генерал-лейтенанту Коханову...

От 17 мая 1894 года.

Секретно

№251

г. Владикавказ Начальнику Грозненского округа

По поручению нач. области и наказного Атамана канцелярия просит Ваше Высокоблагородие не оставить сообщением о положении дела о беглом из Сибири племянника старшины села Бачи-юрт Хадизова.

5 июня 1894г. № 70

Секретно

В Канцелярию Начальника Терской области и наказного Атамана Терского казачьего войска.

На отзыв от 3 июня за №279, уведомляю канцелярию, что о положении дела о беглом из Сибири, племянника старшины селения Бачи-Юрт Акалы (Айюн) Хадизова, мною сообщено канцелярий отзывом от 31 мая, за № 64. Полковник Степанов.

10 июля 1894 г.

№12228

В канцелярию нач. Терской области

и Наказного Атамана

г. Грозный Терского казачьего войска

В следствии отзывов канцелярии от 30 апреля и 3 июня за №№ 197 и 279 в донесении отношении моих от 31 мая и 3 июня настоящего года за №№ 64 и 70 уведомляю канцелярию, что начальником 4-го участка Поручиком Высоцким о выбежавшем из Сибири бачи-юртовца Акала Хадизова никаких сведений не добыто по наведенным им спросом во выданном мне Окружном Управлении оказалось, что Акала Хадизов (он же Аюн Хадизов) был выслан в административном порядке за участие в бывшем 1877 году восстания горцев, но бежал из ссылки и остался на родине. Только в силу отзывов Канцелярии Начальника Терской Области от 20 июня 1881 года за М 3027 и от 20 июня 1883 года за М 3773, из коих видно, что все участники восстания из туземцев получили полное прощение. А так как Хадизов содержится арестованным в Грозненской тюрьме, то прошу указания, как поступить с ним.

Подполковник Степанов.

21 июля 1894
№372

Начальнику Грозненского округа
г. Владикавказ

Начальник области и Наказной Атаман изволил приказать в виду вашего отзыва от июля №12228 освободить немедленно из под стражи Бачи-юртовца Акала Хадизова. Об исполнении чего канцелярия просит уведомить.

26 июля 1894 г.
№13300

В канцелярию нач. Терской области
и Наказного Атамана
г. Грозный Терского казачьего войска

На отзыв от 21 сего июля за М 372, управление округа уведомляет Канцелярию, что житель села Бачи-Юрт Акала Хадизов из под стражи освобожден. Старший помощник начальника округа, капитан.

Состояние здоровья Акала Хадизова было подорвано. После освобождения из-под он стражи прожил не долго. В подворных списках жителей села Бачи-юрт на 1898 год его имени нет. Вот так закончилась одиссея Акала Хадизова.

А теперь познакомимся с архивными материалами об участнике русско- турецкой войны Цики Хабиеве (Хадиев). В том же 1877 году, когда в его родном селе Бачи-юрте шли аресты участников восстания Алибека-хаджи Алдамова, Цики Хабиев принимал участие в войне против своих единоверцев. Цики Хабиев – он единственный из Бачи-юрта, добровольно вступает в Чеченский конно-иррегулярный полк под командованием генерал-майора Арцу (Орцу) Чермоева и принимает участие в русско-турецкой войне. В списках этого полка он числится конником 6-ой сотни под № 70. Вместе с ним в этой сотне состояли жители соседних сел:

Цонторой – Хоса Умаханов, Магома Магомаев

Аллерой – Кагерман Ачаев, Хизри Домаев

Ойсунгур – Бисултан Мацуев, Ирасхан Акудаев, Ибаха Сатиев, Маса Гойлибаев, Дики Гойлибаев, Узабай Цолаев.

Нойбери – Солом Наниев.

Элисхан-Юрт – Хаджимурад Ахтаханов, Вису Эдаев;

Турпалхан Яндаев **из Ишхо (й) Юрта.**

Конники 4-ой сотни Алихаджи Сараяев, Арсаоли Умаров, Бери Цымахаев, Матай Мадаев и Мурад Исламов – были из села Майртуп.

В составе Чеченского полка Цики Хабиев и его сослуживцы принимают участие в штурме крепости Эрзерум и других военных операциях.

После окончания войны и расформирования конно-иррегулярного полка Цики Хабиев вернулся в село Бачи-юрт. Впоследствии жителями села Цики Хабиев был избран выборщиком (къано) от своего округа (купа) десяти дворов. Выборщики от общества помогали администрации села при выборах сельских судей, а также старшины села. Цики Хабиев в подворных списках 1904 года числится под № 257, а в списках 1915-1916гг. под №№ 213 и 223.

¹ Ума-Хаджи Дуев, бывший наиб в Аргунском округе, один из руководителей восстания горцев 1861 года. За месяц, до подавления этого восстания, поняв бессмысленность дальнейших действий, сдался властям. Был сослан в г. Смоленск. После освобождения из ссылки жил мирной жизнью, но 1877 году принял участие в новом восстании горцев и становится одним из его руководителей.

² О выселении внутрь России жителей Терской области 1877г. Чечено-Ингушский краеведческий музей, опись 2, папка. 17.

³ АУП ЧР, ф. 236, оп.2, д.389, л. 1-11.

⁴ Брусилов Алексей Алексеевич — впоследствии, генерал от кавалерии. В годы Первой мировой войны командующий Юго-Западным фронтом наступление его войск от 22 мая 1916 года вошло в историю под названием « Брусиловский прорыв», в котором почувствовала Кавказская Дикая дивизия состоявшаяся в основном из горцев.

⁵ В подворных списках жителей села Бачи - Юрт, Цики Хабиев значится под фамилией - Хадиев

Мансур Джургаев**Аристократы. Триумф и трагедия рода Дубаевых**

Пожа Дубаев был одним из десяти сыновей наиба Шамиля Дубы Джукаева. Получил, вместе с несколькими своими братьями, военное образование в Санкт-Петербурге. Пользовался особым доверием у членов царской семьи. Учился вместе с великими князьями. Пожа был в близких отношениях с цесаревичем Николаем – последним императором России. Молодым офицером Дубаев служил в Петербурге в гвардейских частях. Затем в чине полковника был приставом в Сибири и в Кавказском округе.

«Руководство Временного Правительства предлагало ему должность своего представителя на Северном Кавказе, но он отказался, заявив, что присягал государю-императору и присяге не изменит.

Пожа Дубаев до конца своих дней оставался убежденным монархистом, а убийство царской семьи воспринял как личную трагедию. В конечном счете, его расстреляли большевики.

Почти все сыновья и внуки Дубы, а вместе взятых их было 55 человек, стали офицерами. Многие служили в элитных частях в Петербурге. Они активно участвовали в русско-турецкой, русско-японской, русско-германской войнах. Они воевали в составе Дикой дивизии. Участвовали в знаменитом Брусилловском прорыве и имели звания от прапорщика до полковника, были удостоены высших наград.

В Гражданской войне Дубаевы не участвовали. Тем не менее в 1930-е годы практически одновременно был арестован и уничтожен в застенках НКВД 21 человек из этого рода. Все офицеры.

Их имения разрушили и сожгли, имущество разграбили, земли конфисковали, их семьи спаслись, укрывшись от преследования властей у близких и родственников. Большинство Дубаевых поменяло фамилии на Пожаевых, Ахмадовых, Магомадовых. Юнусовых...

Однако выжившие из этого рода сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Один из них – Мохдан Юнусов воевал с первого дня войны и прошел, не роняя чести, от Ростова до Берлина, участвовал в штурме Рейхстага. О проявленном им героизме свидетельствуют два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени и десятки медалей ...

В настоящее время потомки Дубы Джукаева в своем большинстве живут в селении Алхазурово, Живут, следуя кодексу чести, завещанного им славными аристократичными предками».

(из книги Мусы Гешаева «Чеченский след на российском снегу» стр.25-26)

Шамиль искал поддержку у чеченцев. Встретился он однажды в Улус-Керте со знатным по тем временам человеком по имени Джука. Имам был в восторге от стати, ума, этикета его могучего ростом сына, звали которого Дуба. Шамиль уговорил Джуку отдать ему на службу своего сына.

Так, по повериям, Дуба сначала стал помощником наиба, а вскоре и наибом. В этом качестве он проявил себя как зрелый государственный муж. Хутор, заложенный им на гряде по-над Улус-Кертом, со временем преобразовался в большое село и названо оно его именем – Дуба-Юрт.

Заложенный им же рядом другой хутор сегодня зовется Чир-Юртом. Заложил он и еще один хутор, о котором отдельный рассказ.

Подросли со временем у Дубы, уже генерала, десять сыновей: Сапарби, Абдулла, Апти, Магомед, Гуги, Ази, Абдул-Межид, Ибалу, Хаджи-Мурад и Пожа.

Вообще-то, подлинное имя последнего не Пожа, а Абдул-Кедар. Стоит, однако, рассказать, как за ним укрепилось второе, ставшее главным, имя. Шел жестокий бой царских войск с полками Дубы. Русские солдаты получили приказ уничтожить весь его род, и грудных младенцев в том числе. И вот один из них в пылу боя напоролся на женщину с ребенком (как выяснилось потом – жену Дубы). Мать солдат застрелил, а ребенка пожалел.

Когда же Дуба, сквозь сражения подоспел к этому месту, увидел он своего Абдул-Кедара, пригравшегося в куче конского навоза. Он высоко поднял его и громко воскликнул: «Отныне твое имя Пожа!» (Пхъаж по-чеченски-конский навоз). Серьезный из него вырос мужчина – громадного роста, решительного нрава. Впрочем, достаточно взглянуть на публикуемый снимок, чтобы в этом убедиться. Но как оказались рядом брат царя и сын Дубы, да еще в качестве друзей (слева на снимке: Великий князь Константин Романов)? Долго об этом рассказывать. А посему вкратце.

После пленения Шамиля Дуба еще несколько лет не складывал оружия. Царь, естественно, искал путей сближения с ним. Через сложные дипломатические переговоры это удалось. И тогда жаловал царь Дубе офицерское и дворянское звание, и поместье в 500 десятин. Но почему-то случилось так, что вместе 500 десятин отмеряли 1000 десятин. Случилось это так. Зачитав царский указ, чиновник, оторвавшись от рескрипта, неожиданно, с таким куражом, обратился к Дубе:

На снимке: Великий князь Константин Романов и Пожа Дубаев

- Ну что, не жалеешь, что прекратил сопротивление самодержавию?
- Жалею! – последовал тут же ответ.

Участники церемонии со стороны властей ступевались, процесс был скомкан – все разъехались в разные стороны. Естественно, было доложено царю о случившемся. Александр II по достоинству оценил это и велел «добавить к вышеуказанному еще 500 десятин». Оценил этот поступок царя и Дуба. Когда последовало высочайшее предложение отдать на учебу в Пажеский корпус (мечта всех юношей из высокопоставленных дворянских семей России) одного из его сыновей, то отец остановил свой выбор на Поже. Вот так в Петербурге и познакомился, а потом и сошелся он с августейшей семьей Романовых. После служил Пожа приставом в крепости Шатой. Любопытная история произошла до того, как его перебросили в Сибирь. Дело было так. Командующий гарнизоном генерал(?) был резок и позволял себе, даже в обращении с офицерами, грубость. Вот и с приставом Пожой Дубаевым позволил он себе однажды такое. И хорошо, что генерал проявил завидную прыть, увернувшись от сабли, в мгновение ока просвистевшей над его головой. Перед

вбежавшей охраной предстала довольно-таки необычная картина: разрубленный надвое стол и генерал, верещавший из под обломков.

Так он попал в Сибирь, нет, не в ссылку, а на должность пристава края, другими словами – государева ока. Вскоре, однако, он был возвращен для прохождения дальнейшей службы на Кавказ, в Грузию. Позже стал кадровым офицером и другой сын Дубы – Абдула, а его сын Абдул-Вахаб – легендарным ротмистром и полным Георгиевским кавалером, глазом не моргнувший под пытками в чекистских застенках Советской власти. Блестящими старшими офицерами зарекомендовали себя многие внуки Дубы, в числе которых Изнаур (Изу), Юсуп, тот же Абдул-Вахаб... Всего же от десяти сыновей он имел 38 внуков: Донда, Шамсти, Дауд, Жамалди, Абдул-Вахаб, Баду, Муда, Юсуп, Юнус, Исик, Изу, Абубакар, Муслим, Шапа, Яхья, Сулима, Сула, Ибрагим, Ахмад, Рамзан, Сила, Тума, Мохмад, Ахмад, Хамид, Усама, Садик, Иса, Тутта, Эла, Умар, Усман, Ахьмад, Халид, Хасан, Эла, Умар, Мухмад.

Такое скрупулезное перечисление не случайно, все они выросли умными и полезными чеченскому обществу людьми: офицеры, священнослужители, ученые, политики, предприниматели, специалисты всех отраслей хозяйства. Всех их отличало благородство, благочестие и высокая добропорядочность. Это были истинные аристократы, цвет земли чеченской.

Однако с приходом Советской власти за Дубаевых за их несговорчивость взялись основательно. Разбросали их по лагерям и камерам пыток, а молодую поросль в 1934 году загнали в пески голодной степи, что между пустынями Кизыл-Кум и Моюн-Кум. А хутор Дубаево, чтобы стереть память о героическом и благородном клане, переименовали в Алхазурово.

Сегодня в этом селе вы в встретите много разных фамилий которые носят славные потомки Дубы в четвертом и пятом поколениях. Есть в историческом центре села живописная площадь – все дома вокруг нее принадлежат благородным отпрыскам Дубы Джукаева, а также здесь находится семейное, дубаевское кладбище, у входа на его территорию совсем недавно установлен мемориальный памятник Дубе.

Козни властей не остановились на том, что переименовали хутор. Из республиканского музея, грубо говоря, выкунули папаху и чоху, великого в чеченских масштабах, наиба и полководца, а также документы, свидетельствовавшие о его сражениях и реформах. И наклеили на него ярлык реакционного деятеля.

Сегодня он оправдан историей, настало время вернуться к вопросу о возвращении селу Алхазурово прежнего названия – Дубаево. Что касается Алхазура, чьим именем оно названо то неизвестен он в нашем крае. Кого ни спроси об этом, слышишь один ответ: «А разве не знаменует это обстоятельство, что здесь, в живописном предгорье, много птиц (олхазараш)?» Дуба же – строка, а скорее всего, целая глава в нашей истории, родоначальник могучего рода, с одиноковой стойкостью перенесшего и триумф, и трагедию.

И в заключение. О неизвестном и малоизвестном. Всем нам хорошо известен факт, как Шамиль пошел сдаваться и Байсангур потребовал от него вернуться, наведя тому в спину пистолет. И он, Байсангур, готов был его разрядить. Героя от этого акта остановил окрик Дубы – так гласит семейное предание Это из семейной хроники его потомков. И еще. Породниться с Дубой считали за честь самые видные люди того времени. На внучках Джукаева женились известный маршал артиллерии России Ирисхан Алиев и религиозный светоч Дени Арсанов – за ним была дочь Пажи Дубаева. А за моим прадедом Юсупом Хаджи Саясанским-Джургаевым была дочь другого сына Дубы – Магомеда по имени Сану.

И я трепетно несу в своем сердце осознание и своей причастности к Дубаевым.

Тауз Исс

Земля и люди

ЭТОС. Экология Души. Человек сотворен из земли, глины, праха. И наделен светом небесным – Душой. В нем соединены две стихии: земля и небо. И земля дана человеку, как место жизни, труда и отдыха. Небо же зрится душой, оком – полным света. Чудо жизни, в его много многозначности, простоте, тайне.

Отними от земли человека и земля пуста, отними от человека землю, и он пуст, его попросту нет. Потому как земля держит, носит, кормит, поит, одевает, обувает, терпит.

Каждому народу дана Творцом своя земля. В Народе существует поверье, что Земля Чеченская наделена особой Благодатью, Милостью и Светом. Осознаем ли мы, живущие сегодня в полной мере это сокровенное Знание Народа? До сих пор проникнуться Идеей Благодати Родной Земли, честно говоря, было и недосуг. Основной Национальной Идеей до сих пор была Идея Выживания.

Однако, пора нам осознать, что настало время быть Хозяином на своей земле. А чтобы быть хозяином надо знать и ценить свою землю. Для этого в свою очередь надо обладать знаниями. Знания эти нам даст наш язык, который все объяснит и расскажет. Следовательно, надо ценить, изучать и знать свой родной язык – кладезь знаний. Народ-Язык-Земля взаимосвязаны, это единое целое. Только тогда, когда они будут по настоящему едины, вернется на нашу землю всеобщая Благодать.

АЗБУКА. Запах Земли. В открытое окно вливался свет встающего солнца и удивительный запах свежести и чистоты. Запах, разбудивший его, шел от свежевскопанной земли. Он проникал во все его существо, наполняя чувством первозданности, скликаясь с памятью, зовя в новый день, полный красоты и труда.

Вскоре он вышел в поле, чтобы снова трудиться, очищая заросшую ниву в столькие года запретов и преград, после которых и поле и сад совершенно одичали. Замшелые камни уже наполовину ушли в землю, а яблони и груши без человеческой заботы и тепла стояли скукожившись. Заглох родник и совершенно исчез, будто и не было его никогда. Лес со всех сторон наступал, и две древние груши стояли перед ним, держа оборону.

Потом... Потом были две войны... Двадцатилетие, в котором все пошло вверх тормашками и не было ни мира, ни спокойствия. Поле одичало снова. Кругом стоит сплошной лес. Он все надеется, что вот-вот сможет оторваться от неотложных дел, и, купив необходимый инструмент очистить поле. И все вспоминает тот несказанный запах чистоты, земли. Запах стихии, из которого произрастает все.

А время... Время в день, год, десятилетия ушло, уходит... И не умирает мечта, что скоро он снова выйдет в поле, чтобы очистить и засеять его. А сколько таких мечтателей и нив?

ЗАДАЧА. Культура и Мы. Слово «культура» происходит от слова «возделывать», «возделывать землю». Это означает, что чем чаще и лучше мы будем возделывать свою землю, сознание, ум, душу и сердце, тем чище и радостнее будем жить в этом мире. Возделывать, растить свой сад нелегко, но еще труднее не возделывать его. Неухоженный сад дичает, перестает плодоносить и, в конце концов, высыхает, погибает. Точно также, нам необходимо ежедневно возделывать сад своей души, совершенствовать его и тогда он будет цвести и плодоносить. Как видим, труд физический и духовный сопряжены и способны создать единую гармонию. Растить этот единый сад, и есть простая и прекрасная задача, в результате которой мы все

станем жить лучше. Каждый – свой сад, свою землю, свою душу. Ведь, по существу наша реальность есть точное отражение нашего сознания. Как мыслим, так и живем.

Нет ничего проще осознанной истины. Гораздо сложнее придти к ней. На это уходят годы, а то и вся жизнь. Зачем искать счастье в чужих странах и землях? Увы, это ошибка и заблуждение. Только на своей земле человек может чувствовать и осознать себя личностью, потому что здесь его корни, здесь его начало и конец, здесь его Все. Великое дело, великое счастье родиться и возделывать свой сад на родной земле, среди своего народа, среди своего языка. И остаться в ней навеки.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Узлы и Узы. Священная земля Кавказа, ставшая некогда спасительной Твердью для людей из Ковчега уникальна во всех отношениях. Расположенный в центре пресечения всех координат, Кавказ являет собой своеобразную матрицу и микромодель мира, соединивший на достаточно небольшой территории многообразие климата, флоры и фауны. Здесь есть все уровни, начиная от пустынь и до арктических высот. Омывающие Кавказ три моря, а также Большой Кавказский Хребет, идущий по диагонали создают также особую ауру. Выше Кавказа – холод, ниже Кавказа – жара, а сам Кавказ в целом умерен во всех отношениях. Пожалуй, нигде в мире нет такого плотного многообразия во всем, и не будет ошибкой назвать Кавказ субконтинентом.

В то же время Кавказ является кладовой природных богатств, начиная от чистейших вод и заканчивая золотом. Именно эти богатства влекли и влекут сюда Запады и Востоки с древнейших времен по сию пору. Недра Кавказа также хранят нераскрытые тайны, о которых знают лишь посвященные.

Если же говорить о самой земле, то она также удивляет своим разнообразием и плодородием. Не будет ошибкой сказать, что при правильном, рациональном использовании кавказская земля может давать по два урожая в год. Обилие солнечных дней, мягкость климата и богатство самих почв создают здесь самые благоприятные условия для хозяйствования человека на земле. В то же время другой особенностью Кавказа является и то, что каждый уголок и даже каждое село являет собой свой неповторимый микроклимат. Видимо, это связано с самим строением Кавказа, с его так сказать природной архитектурой. Но самым большим богатством Кавказа, конечно же, были и есть народы и их культура.

ШАТОЙ. Время и Место. Шатой – это, прежде всего горы и люди, живущие в этих сказочных горах. Горы воспитывают, научают, молчат. Никто не знает, как древен Шатой. Тысяча лет? Две? Три? Шатой из правремени, из времени Ноя.... А тем, кто бывает в нем впервые, кажется, что он из снов, из сбывшихся снов.

Шатой – не просто заповедное место на нашей планете, Кавказе, Чечне. Шатой – это еще и состояние духа, заряженное чистотой и благородством, также как его горы, воздух, священные камни, родники, леса. Поэтому людей тянет сюда и это бывает для них своеобразным обрядом причащения к высокой красоте, вековым корням, истории. И никто не уезжает отсюда, не испив целительный горный родник, идущий из глубины гор, корней.

Шатой, – каждого пришедшего на его благодатную землю, наделяет крыльями. Везде, в каждой точке его земли вы пребываете в состоянии парения, полета в древность, тайну, красоту. И это, без преувеличения духовное и физическое состояние полета удивляет и будоражит сердца, чувствующие по наитию свое возвращение к далеким, прерванным истокам. Это парение теперь будет длиться всю жизнь, потому что оно возводит вас к себе. Здесь, на шатойской земле вы обретаете себя заново. Вы находите искомое в себе, и это наполняет вас счастьем открытия, познания себя. И эта молчащая гора, и эта аскетическая башня, и это сторающее в осеннем пламени дерево на обочине белой дороги расскажут вам больше, чем целая библиотека. Здесь,

ваялась память твоя, моя, наша. Здесь почивут, уйдя в мир иной, в вечность наши отцы и пращуры и эти склонившиеся друг к другу древние надмогильные камни ведут безмолвный нескончаемый разговор о Родине, и нигде на земле нет места, где тебе будет так светло и покойно. И это илли, и это назма, этот гимн текут сквозь тебя, и не остается ничего, кроме желания молчать. Молчать и долго смотреть в это мир красоты, где родились и где ушли наши отцы, и где уйдем мы. Здесь живет наше прошлое, наше будущее и наше настоящее. Сейчас... вот в этот миг, оно вершится в тебе, в каждом из нас, и с каждым из нас живет эта неизбывная земля, эта твердь, эти скалы, эти густые леса, этот речной поток. И так... долго ты стоишь в молчании, благодаря судьбу, за принадлежность этой земле, где каждая пядь отзывается в сердце, душе, крови. И Шатой внимает твоему молчанию и молчит с тобой.

Далеко, выше всех вершин молчит с вами Башлам, Белая Священная Гора Чеченцев. Оттуда течет, летит молнией Аргун, поет в высоких берегах, свое многоголосое илли. К Аргуну стремятся десятки, сотни родничков, родников, речушек и речек. И соединившись, они поют илли еще громче и мощнее и затем выходят на изумрудную Чеченскую равнину, чтобы соединится здесь с вайнахской рекой Сунжей. После, они все вместе вливают свои воды в кавказскую реку Терек. И Терек величаво уходит в море. Так, вершины поят равнины и поля плазмой воды, так, Вершится Общее Дело. Так, сама природа, совершая великий труд, подсказывает людям о необходимости Единения, Тружениа и Созидания.

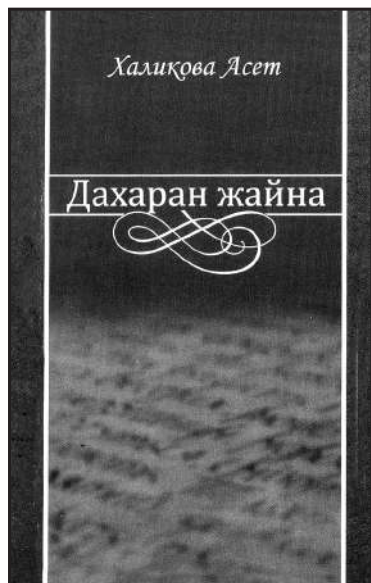
Человек погибает без тружениа, без каждодневного усилия, дела направленного на совершенствование и познание себя. В больших или малых делах его миссия сохранять и приумножать в благодарении красоту мира. В Шатое, эта красота явлена с избытком. Говорят, чтобы постичь свет надо познать тьму и чтобы постичь свободу надо познать неволю, а чтобы постичь красоту видимо не обязательно впадать в безобразность. Надо всего лишь видеть и ценить ее. Так будем же внимательны к миру и к себе, чтобы зреть эту каждодневную красоту не только очами, но и внутренним оком. Это всегда дает новые силы, новое дыхание в каждое мгновение жизни. Наши предки умели это делать, заново, каждодневно открывать для себя этот щедрый мир. Они жили простой, чистой жизнью видя в ней Дар Божий. И завещали нам.

Созерцание дает понимание, понимание дает знание, знание дает духовную силу, энергию, способную к созиданию. Суэта не способна творить, она направлена на хаос и распад. Поэтому вдвойне полезно направить свое внимание к подлинной Божественной красоте, которая всегда рядом, всегда с нами. Она ненавязчива и целительна. Энергия красоты наполняет человека светом и добром и делает его творцом.

Этой энергией полна земля Шатоя. Она говорит радуясь каждому кто приходит на ее землю: «Бери, я дарю тебе красоту! Она везде! Открой ее в себе! И мир станет красивее!!!»

Красивы и люди Шатоя. И по иному и не может быть. Земля, среда рождает подобное себе. Здесь рождались и рождаются герои о которых поется в древних и новых илли. Красивые люди, чистые душой и сердцем встретят вас хлебом-солью, расскажут древние предания, проводят и напоследок поросят приехать еще.

Мы не прощаемся с Шатоем, с ее землей и людьми. Мы говорим: «До свидания, древний, прекрасный, любимый Шатой!» Много времени утекло, пронеслось над древним, сказочным Шатоем, много воды утекло в его родниках и в Аргуне, но все также горят над Шатоем большие величиной с кулак звезды, все также встает горячее солнце из-за гор и все также благородны шатойцы. Мы будем возвращаться сюда снова и снова, чтобы окунуться в мир красоты.

Книжные новинки**Книга жизни Асет Халиковой**

Год 2014-ый ознаменовался для молодой чеченской поэтессы Асет Халиковой выходом в свет первой книги – поэтического сборника «Книга жизни» («Дахаран жайна»). Но, несмотря на молодые годы, имя Халиковой Асет широко известно и в литературных, и в журналистских кругах нашей республики благодаря публикациям во всех республиканских литературно-художественных изданиях («Орга», «Вайнах», «Нана», «Заманхо», «Стелалад» и др.) и коллективных сборниках; участию и в качестве гостя, и в качестве соведущей во многих телевизионных и радиопроектах, а также ее стихи и переводы были представлены на Совещании молодых писателей Северного Кавказа.

Книга вышла под эгидой Союза писателей Чеченской Республики тиражом в тысячу экземпляров. Во вступительном слове доцент кафедры чеченской филологии ЧГПИ, известный ученый-фольклорист Шаарани Джамбеков отмечает тонкий лиризм поэзии Халиковой с присущим ей национальным колоритом. Далее сборник разбивается на поэтические блоки: «Размышления о жизни», поэму «Стрелка жизни», поэтические афоризмы «Итоги», «Любовная лирика» и «Переводы».

Лирика Халиковой – и гражданская, и любовная – действительно, завораживает: безмерной любовью и грустью к родному краю пронизан триптих «Нохчийчоь», и собственно любовь в разделе «Любовная лирика» выступает не как банальное чувство, не как «эгоизм двоих», а как философская категория, но, вместе с тем, не как индикатор счастья, а как генератор вселенской тоски и боли.

К нашим иллюстрациям**Любовь к Родине в живописи Алимпаши Джамалдинова**

23 сентября в Государственной галерее имени Ахмад-хаджи Кадырова прошла персональная выставка творческих работ художника Джамалдинова Алимпаши Алимшаиховича, на которой было выставлено сорок шесть художественных полотен.

Джамалдинов Алимпаш родился 1 марта 1956 года в селении Шаидан Ошской области Киргизской ССР. В 1979 году, после окончания Дагестанского государственного педагогического института (художественно-графический факультет), начал работать преподавателем черчения и рисования в Баба-юртовской средней школе Хасав-юртовского района.

Алимпаш работает над произведениями быта и драматизма своего народа в историческом, батальном, бытовом и пейзажном жанрах. Художник стремится выразить на полотнах красоту родного края, показывает не внешние формы этой красоты, а ее глубокое содержание, величие и единство чеченского народа. Для художника нет мертвого в природе, под его кистью все живет и дышит. Мир Джамалдинова – это мир, где торжествует чувство любви ко всему человечеству, мир мечтаний и надежд, мир традиций и духовных исканий его народа.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Мой край», 2 стр. – «Операция «Чечевица», 3 стр. – «На родной земле», 4 стр. – «В первый класс».

Саламбек Алиев

Сведения об авторах и переводчиках

Муса Бексултанов (1954). Народный писатель Чеченской Республики (2005), главный редактор (2007) детского журнала «Стелалад» («Радуга»). В 1977 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского университета. Член Союза писателей России. Лауреат премии Ленинского комсомола (1988 г.), премии журнала «Вайнах» (2004 г.), премии «Серебряная сова» (2005 г.). Произведения Бексултанова переведены на русский, английский, французский, немецкий языки. Печатается с 1980 г. Автор книг «Мархийн Кайн ГIарГIулеш» («Облаков журавли белые», 1985 г.), «Юха кхана а селхана санна» («И завтра, как вчера». 1988 г.), «Наггахьа, сайн сагагделча» («Иногда, когда мне скучно», 2005), «Я хьан тухур буйсанна хьан не!» («И кто постучится ночью в твою дверь». 2005 г.); повестей «Иза бегаш ма бацара» («Это была не шутка», «Орга», 2004 г., №1), «Болийначу юхабьорзу некъ» («Дорога возвращается к началу», «Орга», 2004 г., № 11–12), рассказов, миниатюр, эссе. Мастер лирических зарисовок.

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года.

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.) Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» были издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задуло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский языки.

Мансур Джургаев родился в 1991 году. Работает в Урус-Мартановском районном управлении народного образования. Сотрудничал в федеральной газете «Державные ведомости» в качестве редактора отдела по молодежной политике. Публиковался в газетах «Вести республики», «Маршо», «Молодежная смена», «Исторические очерки». На данный момент учится в Грозненском нефтяном университете и ЧГПИ.

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Асхаб Алиев (1992). Родился в Грозном. Студент факультета экономики и управления ГГНТУ. Стихи пишет со школьных лет, пробует свои силы в прозе. Публикует свои произведения в Интернете, журнале «Вайнах».

Валид Докаев (1968). Родился в селе Алхан-Юрт Чечено-Ингушской АССР. В 1996 году окончил филологический факультет ЧГУ. По окончании вуза несколько лет работал по специальности в средней школе. Также работал в качестве зам.редактора в газете «Кавказский дом» (1995 – 1996 гг.). Пишет стихи, прозу, статьи публицистического характера. Публикуется с 1989 года в местной периодической печати, а также в советской центральной газете «Красная звезда».

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.